

Дарья Ваулина

Я остаюсь

О чем не пишут в книгах о бизнесе

Оглавление

Введение. О чем не пишут в книгах

Урок 1. Точка старта

Урок 2. Уехать нельзя остаться.

Урок 3. Только ты... сам

Урок 4. Первые школы

Урок 5. Взлет и кризис: с шести школ до двух...

Урок 6. Путь наверх

Эпилог

Введение. О чем не пишут в книгах

Мы с администратором сидим ночью в новой, только что открывшейся школе на Маяковке, за окном – молнии. Кажется, весь мир отговаривал меня здесь открываться.

– Знаете, меня убивают эти истории успеха из интернета и книг. Эти прилизанные кейсы. Я не верю им. Они не дают нам воспринимать успех адекватно. Почитать их, так успех ничего не стоит. Такие истории вызывают лишь жгучую зависть и чувство неполноценности. Заставляют искать изъяны в преуспевающих и мучиться от того, что ты не такой. Я не хочу делать вид, я хочу рассказать о себе по-честному, понимаете?

– Понимаю. Мой сосед, бизнесмен, вчера выбросился из окна. К счастью, остался жив...

– Просто ему не с кем было поделиться. А в интернете – только истории успеха. Я бы пришла к нему, лежащему на полу, легла рядом и сказала, что все мы оказываемся в такой точке: «It's o' kay. Давай полежим и поплачем, только держись и не прыгай, ты нам здесь нужен». Почему об этом не пишут?

Если ты стал бизнесменом, желание отползти в уголок и там помереть будет появляться часто. Но безвыходное положение требует крайних мер. И осознание того, что ты не один, дает силы. Одиночество – не больше, чем просто иллюзия. Что Вы скажете?

– Скажу – жалко, что нас рядом с ним не было.

В декабре 2015, два года назад, я подписала договор на аренду своего первого помещения, и трясущимися руками взяла ключ. У меня было двенадцать квадратных метров школы и мешки с цементом на полу. Помещение находилось на третьем этаже, куда вела деревянная лестница под 90 градусов. Я приводила учеников в кафе «Фкус» напротив школы и предлагала записываться на уроки, а занятия обещала с января. Мне никто не верил.

Когда люди открывают бизнес, они вкладывают деньги. Для этого их копят, берут в кредит, привлекают инвесторов и партнеров. Еще в России обязательны знакомые и связи. У меня не было ничего, только безысходность – незачем жить! и энтузиазм – хочу найти смысл! В свои 23 года я поняла, что нам плохо ровно настолько, насколько мы не реализуем собственный потенциал. И я рискнула всем, что у меня было. Я решила открыть бизнес.

А потом уже появилась любовь. Появилось первое восхищение после десятка разочарований. И начались отношения с бизнесом, когда с каждым днем все больше влюбляешься в то, что получается, и, несмотря на все трудности пути, понимаешь, что бросить нельзя. Это – твое.

Я верю в то, что бизнес делает человека практически в той же степени, в какой человек делает бизнес. Два года назад я была другим человеком, и сейчас мне кажется, что все мои гены и мысли, и все, что есть во мне, перестроились и никогда не станут прежними.

Начать не так сложно, как кажется, а потом все люди делятся на две группы: неудачники и победители. Все очень просто: неудачники бросают, победители доводят начатое дело до конца. Но быть победителем очень сложно, потому что все вокруг сдаются. И когда ты видишь, что люди уходят, у тебя самого опускаются руки. Но постоянно оставлять начатое на полпути, перескакивая к другому – значит разрушать самого себя. Always be closing, как в моем любимом фильме Glengarry Glen Ross, почему-то названном в нашем прокате «Американцы». Я напоминаю себе об этом, когда хочу уйти с тренировки. Когда хочу уехать домой с работы пораньше. Когда в слезах выбегаю из офиса на улицу. Когда у меня нет сил подняться с утра, чтобы делать что-то. Always Be Closing.

Москва, декабрь 2016

Урок 1. Точка старта

Я верю в то, что мы рождаемся с огнем внутри. Он – наше призвание и путь. Нам дается достаточно времени и сил, чтобы сделать все задуманное, надо только решиться.

Учиться я начала в три года. И тогда же открыла свою первую школу – на балконе. Когда сестру не взяли в университет, я предложила ей учиться у меня. Ума не приложу, зачем ей было так расстраиваться, ведь ходить ко мне было гораздо удобнее. Тогда я поняла, что хочу заниматься школой всегда.

В детском саду я «продержалась» один день: там, к моему ужасу, заставляли спать. И тогда меня отдали учить английский в клуб, где все дети были старше меня. Взрослых туда не пускали. Моей маме пришлось договориться, что она будет сидеть за колонной во время занятий.

Помню, как мы в клубе праздновали хэллоуин. Правда, никто – ни дети клуба, ни родители – не имели ни малейшего представления о том, что нужно делать. Поэтому мы просто пришли с мешками конфет, говорили друг другу *trick or treat!* и старались во что бы то ни стало угостить как можно большее число людей и собрать максимальное количество конфет. У меня были конфеты «Неваляшка», или «Ванька-Встанька». Точно не помню. Зато помню, что говорили мы по-английски, и было весело. И потом, научившись писать, я еще долго выводила каракулями во всех школьных тетрадках своих братьев и на всех попадавшихся мне листиках свои детские воспоминания о том вечере. В каком-то смысле, я делаю это до сих пор.

Наша учительница – звали ее всегда только мадам Люси – и ее уроки с песенками и танцами запомнились мне на всю жизнь. Мне захотелось начать говорить на ее языке. Русский был скучный, на нем говорили все взрослые вокруг, а английский казался сказочным. Я не понимала зачем – я просто училась, играя. Мне не было ни легко, ни сложно – мне было интересно.

Мама возила меня на санках по подтаявшему снегу, я отказывалась вставать, когда начинался асфальт, и строго требовала «киндер-сюрприз» за каждый поход в клуб. Дома нужно было рисовать картинки и приклеивать тексты песенок в альбом – все это делала моя сестра. Этот альбом я храню до сих пор.

Помню, как весной ехала на занятия в клуб уже сама – на трехколесном велике. Помню, как кто-то устроил представление на Рождество. И я, как самая младшая, получила единственное задание: нарядиться оленем. У меня был маленький игрушечный олень. Его водрузили мне на голову и закрепили заколками. Затем я надела длинное зеленое бархатное платье. Так я *стала* оленем. У меня до сих

пор нет ни одного предположения, как правильно одеться оленем. Зато я до сих пор помню те английские песни, которые мы тогда пели. Но дальше с учебой мне уже так никогда не везло.

Мне было семь лет, и я сидела в большом кабинете, а преподавательница пододвигала ко мне разноцветных бабочек с большими крыльями. И я смотрела, как играют на них краски. Я читала, отвечала на все вопросы, с удовольствием рассказывала о себе и о том, что люблю петь и у меня есть школа.

– Скажи, пожалуйста, сколько у тебя бабочек?

– Три.

Меня мало интересовали бабочки, я хотела рассказать этой женщине о своей школе.

– Ну-ка, посчитай повнимательнее.

– *Три*, – повторяю я.

– Мы не можем взять ее в «А» класс, она слишком слабенькая, ничего не выйдет, – эти слова были обращены моей маме, а услышала их я.

Неужели тот факт, что мне было неинтересно считать этих дурацких бабочек, действительно определял, стоит ли зачислять меня в самый сильный класс? А неумение их сосчитать делало самой слабой?

Я помню выражение лица людей из приемной комиссии, и помню, как внутри меня закралось сомнение: а что, если со мной что-то не так?

Почему все дети могли посчитать бабочек правильно, а я не могла сосредоточиться на их цвете и размере и делала одну ошибку за другой? Не знаю. Мне было грустно, мы шли с мамой домой, и я горько плакала.

Мы сидели 1 сентября 1997 года в большом классе. Наше первое задание – написать цифру 1 столько раз, сколько нужно, чтобы понять, что это 1 и ничто другое. Я с энтузиазмом взялась за дело. В семь лет я хорошо писала и быстро читала, поэтому написать единицу для меня было делом одной секунды. Я усердно ходила в школу, читала быстрее всех в классе, внимательно слушала преподавателя. Потом мне стало ясно: все решало мнение большинства, мое мнение никогда не совпадало с тем, что думали одноклассники. Даже на 8 марта я рисовала на открытке не маму, а папу. И я быстро стала изгоем.

С девяти лет я бредила Америкой и рассказывала всем, что уеду туда и меня никто больше не увидит. Моя сестра и братья побывали в Америке, и все возвращались какие-то другие. С подарками, и сказочными историями о том, как там все иначе, чем у нас. Я думала о

ней, как о земле обетованной, бредила этой страной, а в школе надо мной все смеялись, когда я показывала синюю баночку с детскими духами или что-то подобное. Но мне было все равно. Америка жила во мне и была мной, она была лучшим, что со мной приключилось. Эти разговоры вызывали у моих одноклассников справедливый гнев и раздражение. Поэтому в школе меня никто не любил. В 12 лет я пришла домой с очередного урока и сказала, что больше в школу никогда не пойду. Буду учиться дома.

Тогда родители отдали меня в частную гимназию. Если в первой школе я вела себя тихо, не считая рассказов про Америку, то во второй стала бунтарем. Там было запрещено все подряд. Нам нужно было носить форму, избегать косметики, вести себя скромно и прилично. Я нарушала всю возможную дисциплину. В рюкзаке у меня были журналы для женщин и детективы, я жевала жвачку, красила ногти лаком розового цвета и не снимала сережек. В столовой я завязывала алюминиевые ложки в узел, в раздевалке натягивала джинсы и демонстративно выходила из школы. В какой-то момент охранник заметил мою «акцию протеста», догнал и вернул обратно в школу. Там меня заставили надеть форму. Тогда я начала переодеваться в подворотнях. И с удивлением заметила, что мне нравится быть бунтарем.

Школа закончилась, и я поступила в университет. Меня приняли на бюджетное отделение – те, кого должны были взять на мое место, вовремя не принесли заверенные оригиналы документов. Так я внезапно оказалась на отделении «Языки и теория коммуникации. Теоретическая и прикладная лингвистика», хотя эта тема никогда не входила в мои планы. На выбор можно было взять один язык (но не английский!) – так я начала учить испанский.

Мы зубрили неправильные глаголы по советским учебникам, и эти уроки напоминали пытку. Преподаватели редко готовились к занятиям, просыпали и опаздывали. Как-то мы целый год проходили фразовые глаголы и выражения, а еще, редкие ругательства. Преподаватель начинал урок, зачитывая фразы на испанском, а мы должны были догадаться о том, как они переводятся на русский. Грамматику испанского мы «смаковали» все пять лет. Все знания были сугубо теоретическими и никак не могли помочь в реальной жизни. То, что можно дать в сжатом виде за два-три месяца, превратилось в бесконечную атаку форм.

Помимо испанского, мы изучали старославянский и латынь. Старослав произвел на всех первокурсников такое сильное впечатление, что

большинство провалило экзамен и вылетело в первый год. Я осталась, но со смешанными чувствами. Предстояло выбрать еще один язык. Я выбрала французский. К моему удивлению, прямо с первого урока меня отправили в деканат. Там мое имя значилось напротив графы «нидерландский». Оказалось, что на французский записалось слишком много людей, а на нидерландский – всего два человека, поэтому меня решили отправить к ним, чтобы уровнять группы. Я страдала и плакала, но сотрудницы деканата были неумолимы. Тогда я обложила табличками с неправильными глаголами и принялась учить самый сложный европейский язык – во что бы то ни стало.

На первом курсе у меня появился друг – француз Жульен. Мы вместе сидели на задних партах на старославянском языке и ничего не понимали. Он, потому что ни слова не говорил даже по-русски, я – из-за абсурда происходящего. Нам ничего не объясняли, а выданные задания сделать было невозможно.

Старославянский демотивировал заниматься лингвистикой как таковой. И поскольку желание учиться пропало, надо было что-то делать. Мы сидели с Жюльеном на лавочке, и он спросил меня, почему я не преподаю английский.

– Как почему? – отвечаю я. – Так мне ж всего семнадцать лет! Кто меня возьмет?

– Как кто? Кто-нибудь да и возьмет. Ты же говоришь по-английски, верно?

– Но когда я буду учиться?

– Не знаю. У нас во Франции в твоём возрасте все уже работают.

Франция тогда казалась мне землей обетованной, поэтому я пообещала Жульену подумать.

Вести уроки английского – серьезное дело. Я не представляла себе, с чего начну. Ну, положим, найду я детские игры и книжки на английском, чтобы хоть как-то провести первый урок... Но где взять учеников?

Я напечатала объявление «английский для детей и взрослых», написала свой номер телефона и достала клей. Идти клеить днем мне было стыдно и страшно, поэтому я вышла с утра пораньше. Спустя какое-то время я заметила, что за мной ходят дворники и срывают мои бумажки. Я решила, что это дурацкая затея и никто их все равно не увидит, отчаялась и прекратила попытки.

Но на следующий день раздался звонок. Наши соседи с шестого этажа увидели объявление и интересовались ценами на занятия. Я сжалась от ужаса, выдохнула и назвала сумму в 250 рублей за урок. Пришла к ним домой, провела занятие и, к моему удивлению, они спросили,

смогу ли я приходить к ним каждый вторник и четверг. Я немедленно согласилась. Так, один за другим, у меня появились первые ученики. Я учила всех подряд, без разбору. Брала учебники и старалась выжать из них максимум интересных вещей. Ведь каждый урок должен напоминать хорошее кино или постановку в театре. Я старательно надевала маску актера, разучивала и репетировала свою роль. Мне нужно было быть на высоте! Самому маленькому моему ученику – два с половиной года, самой старшей – тридцать пять. Во время урока люди делились со мной самыми сокровенными мыслями, переживаниями, тайнами. И я интуитивно чувствовала, что могу сделать для каждого из них. Мне не хватало опыта, но я решила делать максимум. Помогала, поддерживала, подбадривала. Я быстро привязывалась к ученикам – они становились моей семьей. И переживала за них, как за себя. Занятия в университете продолжались. Но мы по-прежнему не учили ничего полезного. Самая дельная «лекция» за всю историю моего обучения длилась несколько секунд и состояла из четырех слов. Дело было так. На третьем курсе я подалась заниматься компьютерными исследованиями невербальной коммуникации. Нам дали абсолютно непонятное и бессмысленное, как мне казалось, задание. Нужно было просмотреть видео, записанное скрытой камерой во время пересдачи одного сложного экзамена, и разметить его в соответствии со знаками невербальной коммуникации. Вся эта история казалась мне бредовой. Отсутствие интереса вызывало раздражение. Я долго билась, а потом решила просто пойти к преподавателю и выложить карты на стол – мол, не умею, не могу, не понимаю, мне скучно, поэтому это занятие не для меня. Но он не дал мне закончить, улыбнулся и ответил: «Мы все здесь учимся». А потом объяснил, как продолжать работу над проектом.

Эта фраза запала мне в душу и здорово вылечила от синдрома перфекциониста. Раньше сомнения разъедали меня изнутри: «а что, если я не смогу?». Позже я узнала о законе больших чисел: если попытаться много раз, рано или поздно все получится.

Урок 2. Уехать нельзя остаться

Мне было восемнадцать лет, у меня – любимая работа, учеба в престижном вузе в центре Москвы, замечательный молодой человек и мечта жизни – отправиться в путешествие в Америку. Америка превратилась для меня в ключевую точку, мне казалось, что там все иначе.

Помню, как по утрам, просыпаясь на своем стареньком раскладном диване и поеживаясь от утреннего холода, смотрела сквозь ресницы на

пробивающийся через занавески утренний свет. Чувяла носом запах кофе с кухни, он прекрасен. Я улыбалась: «Америка... Я поеду в Америку». Это прекрасная страна. Я так долго учила язык, потому что мне было интересно посмотреть, как там живут люди. Хотя бы краешком глаза взглянуть. Америка была чудом; я должна была увидеть эту страну.

Когда я впервые подавала документы на поездку, мне было все равно, куда ехать. Я спросила: «А что у вас есть?», и мне дали первый попавшийся вариант – Флорида. Сказали, что там океан и тепло, и есть хорошая работа в сфере развлечений. Помню, как девушка-менеджер проекта отвела меня в отдельную комнату и осторожно спросила: «Вы такая хрупкая, милая, как цветочек, а в Америке вы окажетесь совсем одна, и должны будете быть сильной. Вы уверены, что вам это нужно?» Я удивилась ее вопросу и сказала: «Ну конечно, мне нужно там быть. Я не вижу другого варианта».

Я ходила на несколько семинаров про Америку, но все, о чем нам рассказывали, пролетело мимо ушей. Потому что мне нужно было самой увидеть, понять, прочувствовать эту страну. Мне нужно было познакомиться с ней, так, как знакомишься с новым человеком. Все остальное не имело значение. У меня в голове был образ страны, в которой все можно. Слово «нельзя» там просто не существовало. Там жили люди, которые легко говорили на языке, который я учила всю жизнь. Там все было, как в кино.

Мы летели в самолете, и стюардесса учила всех желающих жизни. Она рассказала, какой впервые увидела Америку сама. И эта Америка была какой-то другой, не такой, какой мне привычно было ее представлять. Я любила думать о свободе, просторах, о каких-то сумасшедших приключениях. Раз их снимали в кино, значит, они обязательно должны быть. А стюардесса говорила о том, как удачно выходили замуж ее знакомые, заключая фиктивные браки. Слушать это было так же противно, как пошлые анекдоты на детском утреннике. Я ехала на встречу с мечтой, а они пытались все испортить. Но я решила, что смогу это пережить. Потому что *там*, в Америке, все будет именно так, как я мечтала. И никак иначе. Там на улицах все должно быть как в фильмах, которые я засмотрела до дыр. С Америкой у меня ассоциировались *настоящие* вещи. Например, там были настоящие Барби, а не дешевые куклы-раскраски с пустыми глазами. Настоящие джинсы и одежда. Так оно и было.

Я проработала в Штатах 3 месяца и вернулась со сгоревшими волосами, лишними килограммами и мечтой *никогда не жить в России*. Я так привыкла общаться на английском, что русскоязычная среда меня убивала. Мне было невыносимо находиться среди русских,

слушать русскую речь. Я ходила одна в кафе, на утренние сеансы в кино, смотрела на людей вокруг и поняла, что Москва как-то жила без меня и я ей совершенно не нужна.

А еще, я хотела быть свободной. Наверное, свободу начинаешь ощущать каждый раз, как только минуешь паспортный контроль. Суровый таможенник на границе ставит очередную печать и тяжело смотрит исподлобья. Когда-то я даже хотела купить обложку, на которой изображен воздушный шар, счастливый человек и бесовестно-радостная надпись «Прощайте, неудачники!» Понятно одно: ты уже не в России (хотя вроде бы и в ней).

А может быть, чувство облегчения появляется позже? Если ты летишь российской авиалинией, до свободы тебе еще несколько часов перелета. Свободу чувствуешь, когда видишь самого первого человека, встречающего тебя возле «кишки», ведущей наружу. Он стоит, безмятежный, в своей зеленой жилетке и специальных наушниках, у него нерусское лицо, и он говорит о чем-то с коллегой, тоже совершенно непривычной внешности. Они совсем другие, как инопланетяне. Ты смотришь на них и понимаешь – это не Россия. И радостно выдыхаешь: ты вырвался.

Почему каждый раз меня охватывал такой страх, что я не вырвусь? Вот сижу я уже в салоне. И вдруг по громкоговорителю объявляют мое имя и фамилию, на всякий случай на двух языках, и просят срочно покинуть самолет. А дальше берут «под белы ручки» и ведут в отделение полиции. Там меня обвиняют в том, что я – преступница, потому, что думаю, что там жить хорошо. Я не люблю Родину! Вся эта зимняя слякоть, шатающийся рубль, политика, вечно недовольный всем русский Фейсбук, грязь с октября по апрель, все это для меня – тяжелое прошлое, все это – нелепо, я хочу уехать и начать новую жизнь. Я – предатель, потому что мой «лучший город на Земле» – это не Москва.

Как это смешно – остаться в России, потому что тебе здесь плохо. Мой папа всегда говорит, что под нагрузкой человек растет. В Америке я почувствовала свободу, но не почувствовала нагрузку. В Москве я не могла быть кем угодно и когда угодно. Быть с кем угодно. Здесь не было той свободы общения, которую может дать только английский язык. Быть свободным можно по-разному, но у меня нет другого опыта, кроме как быть свободной в Америке.

Я продолжала с удвоенным упорством учить людей английскому языку и решила собрать потенциальных учеников, чтобы рассказать им о новом интенсивном курсе, который я придумала. Взяла в аренду

помещение в тайм-кафе и позвала всех друзей, а еще сделала анонсы в соцсетях. Кто-то обязательно должен прийти. Но никто не пришел. Даже мои друзья, клятвенно обещавшие присутствовать, были заняты чем-то другим. Я смертельно обиделась, но постаралась не показывать виду. Моя подруга рассказала мне о том, что на концерт The Beatles сначала тоже никто не приходил, поэтому они играли только для своих. Но мне стало казаться, что все потеряно. В тот момент я твердо решила, что уеду за границу. Мои таланты в России никому не нужны, а там... Кто знает, там я вполне могу пригодиться. С тех пор, как я вернулась из Америки, у меня появилась цель – найти смысл жизни. Но пока я живу в России, этого смысла у меня нет. В моей стране интеллигенцию годами вырезали и не давали жить. Я жаждала свободы и хотела найти ее в другом месте. Я не видела ни одной причины жить в России и мечтала уехать отсюда как можно скорее. Я нашла десятки доводов, почему оставаться здесь небезопасно. Я боялась выходить на улицу, боялась людей в транспорте. Мне сложно было общаться с незнакомыми людьми.

А еще я чувствовала отчаяние – от того, что не вышло просто так взять и уехать. Приглашений из-за границы не поступало. И уехать я не могла. Нужно было хотя бы накопить на учебу. А пока я думала, как можно остаться в стране, где такая зима?! Где – электрички?! Я ездила по утрам преподавать английский к 7 утра из подмосковного городка. В электричках ко мне постоянно приставали какие-то люди, я писала об этом душещипательные посты в ЖЖ и мне казалось, что я – несчастный, незащищенный человек. И кто-то сильный, прекрасный и, разумеется, нерусский должен приехать и спасти меня.

Я долго думала, как мне уехать и решила, что на Америке свет клином не сошелся и можно попытаться судьбу в Испании. Так следующим летом я оказалась на ресепшн испанского отеля.

Когда мы с подругой-однокурсницей приехали в маленькую деревню на западе провинции Мурсия и нашли отель, в котором нам предстояло работать, оказалось, что нас там никто не ждал. Московская компания, взявшая с нас по 2 000 евро за «языковую практику и культурный обмен», никого не предупредила о нашем появлении.

Мы стояли на ресепшн и смотрели друг на друга – мы с Катей с одной стороны, двое испанцев лет сорока пяти – с другой.

– Que quieres? – буркнула женщина лет сорока пяти в форменной одежде и с небрежно покрашенными черными волосами.

– Somos... estudiantes... – выдавила я после долгой паузы.

В принципе, моего испанского на большее и не хватило бы, но вдруг, в авральном режиме, ожили и полезли наружу слова, которые я так долго учила. *Ayudar* – помогать, *universidad* – университет, *aquí* – тут... После мучительных переговоров нас приняли и отправили на десятый этаж отеля.

Кнопка с номером 10 на панели лифта отсутствовала. Оказалось, это был полуразрушенный этаж, на котором жили только сотрудники. Обстановка там напоминала гетто, как в «Бойцовском клубе», только без больших луж воды. Всюду валялись обломки раковин, старые матрасы, пружины и ковры. Все, что могло сломаться в отеле, или пришло в негодность, хранилось здесь. Мы жили в разрушающемся номере с видом на свалку и спали на старых кроватях с протертым бельем. Розетки искрились, пару раз я вышла из номера с ручкой от двери.

Меня отправили работать на ресепшн, а Катю – в анимацию. В мои обязанности входило регистрировать и выписывать гостей, отвечать на все дурацкие вопросы и представлять собой лицо отеля. В первый же день оказалось, что все, что я учила в русском университете на уроках испанского, на практике совершенно бесполезно.

Мне выдали форменную одежду: две пары брюк и белые рубашки с коротким рукавом. И если рубашки нашлись быстро, то с брюками пришлось помучиться: все они были или слишком длины или широки для меня. Наконец, мы нашли две пары синих *pantalones*, и я пошла к себе в номер – еще раз померить.

На брюках, которые подошли мне по росту, стояли имена разных людей, которые носили их до меня. Они были написаны шариковой ручкой на подкладке: Хавьер, Хосе, Хорхе, Хуан. А еще на брюках была большая дырка, как раз в стратегически важном месте. Месье, возможно, Хосе или Хуан, слишком увлекся за обедом. О других вариантах возникновения прорехи в таком месте я предпочитала не знать. Я размышляла о людях, носивших эту форму до меня, а еще, о том, что в Америке мои спортивные шорты и футболки были абсолютно новыми...

Потом я пошла обратно и сказала единственную фразу, которая, как мне показалось, была в той ситуации к месту: *Tengo la una en la gora*. Я готова была поклясться, что в тетрадочках, которые я трудолюбиво вела в университете, эта фраза была написана именно так и никак иначе.

Женщины-портнихи, подбиравшие мне одежду, долго не могли понять, о чем я говорю. Но я хотела сначала достичь вербального взаимопонимания, а потом уже показать дыру. В конце концов, я потом сдалась.

– Ah, *roto!* esta *ro-to!* – портниха говорила громко, медленно и внятно.
– Joder que rara es la rusa esa! – уже быстрее прокомментировала она своей коллеге.

И снова обратилась ко мне, как к душевнобольной:

– Da-me-lo!

Так я поняла, что все, чему меня учили, мне никогда не понадобится, и окончательно разочаровалась в своем университете. Когда я занималась с учениками, мы всегда ставили цель заговорить и двигались к ней. В университете же мне давали гору мутной теории, которую невозможно было применить в жизни. Как-то мы целый год учили фразовые выражения и идиомы с преподавателем кубинцем. Как потом оказалось, эти самые выражения употребляются *только* на Кубе.

Мы с Катей приступили к работе. Я ни слова не понимала по-испански, поэтому все фразы, которые слышала в течение дня, просила записать на бумажке, сопровождала их простыми минималистичными рисунками и вешала на нашу подранную дверь в номере. Слова были повсюду. Я зазубривала наизусть интонации, сторонилась русских и упорно говорила только на испанском. За три месяца я убедилась, что могу спокойно прожить и без русского, и мне стоило огромных трудов в сентябре вернуться обратно в Москву.

Если по возвращении из Америки мне было просто плохо, то после трех месяцев, проведенных в Испании, жизнь дома показалась совсем невыносимой. Я раздражалась на погоду (бывает здесь, вообще, когда-нибудь солнце?), людей (нигде ни слова по-испанки!), вечную бешеную московскую гонку (знает тут кто-нибудь, что такое размеренность?), постоянный негатив (в Испании все казались счастливыми, вопреки всем жизненным неурядицам). Но больше всего я злилась на университет. Я потратила два года, с утра до ночи изучая язык, и ничего из выученного не смогла применить на практике. Чему я, вообще, могла верить, если даже моя основная специальность не давала мне надежных знаний?!

Уроки нидерландского продолжались в режиме языковой пытки дважды в неделю. В сентябре на уроке наш мистер Валле (так звали обрусевшего экспата из Нидерландов, который вел у нас уроки) радостно сообщил, что у лучших студентов университета появилась возможность поехать учиться по обмену в Бельгию на полгода. Для этого нужно было показать самые высокие отметки по всем предметам, в особенности – по нидерландскому языку.

Я находилась в тупом депрессивном ступоре, и ничего, кроме слова «уехать», из сказанного толком не поняла. Быстрее, чем я сообразила что к чему, моя рука была в воздухе:

– Мистер Валле, ik... kom!.

Правда, на этом мои познания в нидерландском заканчивались.

Мистер Валле округлил глаза и сказал, что из нашей группы поедет кто угодно, но только не я. Учиться-то придется вместе с первокурсниками-бельгийцами, и все они говорят на нидерландском с рождения, и этот грант на то и грант, чтобы давать его *сильным* студентам.

Из сильных студентов желание ехать выразила только одна девочка. Остальные засомневались в уровне своих знаний. Все же учиться на нидерландском филфаке – это тебе не косить в русском универе. И списывать там нельзя, и самого слова «шпаргалка» в этом языке не существует.

Наглость – второе счастье. Наш университет хотя и предлагал культурный обмен, но понятия не имел, какие документы нам понадобятся. Чтобы перевести наши оценки в систему баллов нидерландского учебного заведения, нам пришлось придумывать и подделывать половину справок. Какие-то формулировки и печати стали открытием даже для нашего деканата. А я помню момент, когда выводила себе 75 баллов по японскому языку. Бельгийцы требовали знание хотя бы одного восточного языка, и я решила, что японский знает так мало людей, что меня не раскусят.

Наконец, мы сочинили все необходимые документы, подписали их, заверили у нотариуса и перевели на все требовавшиеся языки. К концу последней очереди оформления я сама уже верила во все, что было написано в моих бумагах. И меньше чем через месяц, уже в октябре 2010, мы оказались в Бельгии.

Как бы мне ни нравились Америка и Испания, Бельгию я внезапно полюбила всем сердцем. Здесь все было маленьким, аккуратным и по правилам. Тихо и безопасно. А погода похожа на московскую, только никогда не холодает ниже -5. Я купила безлимитный проездной на автобус, и за первые полтора месяца изъездила сотню деревень и городов.

В университете я взяла курсы по английской филологии (с британцами), испанской литературе (с испанцами), истории искусств (на нидерландском) и курсы нидерландского для иностранцев и приезжих.

И если на филологии и литературе я могла, по крайней мере, блеснуть умной фразой, то первые уроки истории искусств вызывали ступор. Сидишь в аудитории среди нескольких сотен человек и смотришь, как

на экране проектора один за другим появляются картины Малевича, Кандинского и Пикассо. И тихо смеешься. Соседи отодвигаются подальше, считая тебя душевнобольной, а ты смеешься просто от ужаса перед происходящим: ты не понимаешь ни слова из того, что говорят. Вот действительно – ни слова на этом языке. Все, что ты можешь сделать – это только в отчаянии доедать третью плитку бельгийского шоколада. А через три месяца сдавать экзамен.

Я бесконечно ездила на велосипеде по городу и слушала речь людей, повторяя про себя новые словами. Иногда, возвращаясь домой с курсов или из гостей, я пыталась понять, на каком из четырех языков мне сейчас нужно думать, и не могла найти ответа.

Но все получилось. Или почти все. Мне удалось таки выучить историю искусств и получить даже больше баллов, чем большинство моих однокурсников. Я сдала экзамен на 15 баллов из 16 возможных, радостно рассказав о Микеланджело на нидерландском. Это казалось тогда настоящим чудом, ведь несколько месяцев назад я едва ли могла связать два слова. Правда, при этом я провалила английскую филологию и не все успела по испанской литературе. Но я сдала нидер! Теперь мне уже ничего не страшно!

Я училась в Генте 6 месяцев и все это время старалась там остаться. Я была готова делать любую, любую работу, лишь бы иметь возможность жить там и не возвращаться в Москву. Я начала искать место с октября, зная, что у меня есть срок до февраля месяца, пока действует студенческая виза. Я решила преподавать русский язык и повесила объявления в университете. Как оказалось, бельгийцы чрезвычайно способны к языкам. Исторически сложилось, что маленькая Бельгия была зажата между крупными соседями и не могла отвоевать свободу силой, поэтому ее жители с незапамятных времен научились договариваться со всеми своими соседями, причем на их родном языке. Например, мои соседи по квартире смотрели телевизор на английском, разговаривали по-нидерландски, читали французскую прессу и ругались на чистейшем немецком. Все это они делали, с легкостью перескакивая с языка на язык, и не делая при этом ошибок. Поэтому мое тщедушное объявление об уроках русского языка не произвело ни на кого никакого впечатления. Я сделала пару попыток и отчаялась.

Тогда я стала ходить из кафе в кафе и просила принять меня на работу бариста или хотя бы официанткой на кассу. К моему удивлению, в Генте также не оказалось ни одного свободного места для русской студентки с базовыми знаниями нидерландского, несмотря на то, что я бравировала уверенным American English, хорошим castellano и даже

пыталась вставлять в свою речь какие-то русские шутки. Я никому не была нужна в этой стране. И я снова вернулась в Россию.

Урок 3. Только ты... сам

И вот я по уши влюбилась в канадца. Мне казалось, что это лучшая история в моей жизни и он заберет меня из России, где мне точно не видать никакого будущего. В Канаде меня ждет совсем другая жизнь. Я стану другим человеком, и меня все поймут, примут и полюбят такой, какая я есть. Мне не нужно будет делать что-то великое, достаточно быть женой. Я рисовала в голове картины умиротворенного ничегонеделанья и представляла, как езжу за рулем мустанга. В тот момент я не могла решить, какого именно цвета должен быть мустанг, поэтому сидела в интернете и подбирала подходящий оттенок.

Мы с канадцем часами разговаривали по скайпу и пришли к выводу, что должны быть вместе. Сначала Санкт-Петербург, потом Париж и два десятка других европейских городов – наша единственная драма заключалась в том, что мы живем на разных концах света. Впрочем, это никак не мешало мне любить его, или утверждать, что люблю. Или любить придуманный мной образ, а не реального человека.

Любовь решала все мои проблемы. Мне больше не нужно думать о том, чего я хочу от жизни, мне достаточно возложить все это на моего мужчину, моего мужа, мою большую любовь. Тогда он будет отвечать за все, чего я добьюсь или не добьюсь. Я – девочка, я не хочу ни за что отвечать. Пусть это делает мужчина.

Home is whenever I'm with you – я убедила себя, что это простое условие счастья, напевая песню Эдварда Шарпа и его The Magnetic Zeroes.

Быть счастливым только рядом с любимым человеком, и чувствовать себя постоянно, перманентно, глубоко и трагически несчастным в периоды его отсутствия в твоей жизни. Эти переживания давали возможность грустить и быть совершенно особенной. Когда тебя спрашивают, где твоя любовь, можно задумчиво закатывать глаза, вздыхать и говорить: «На другом конце света... но когда-нибудь мы обязательно будем вместе! Я в этом не сомневаюсь!»

Иметь романтический налет очень сексуально, сразу становишься недоступной и прекрасной. Люди начинают жалеть тебя и откровенно завидовать: твоя личная жизнь полна прекрасных и волнительных впечатлений, в то время как они успели уже сто раз переругаться по поводу выбора кухонной стенки для своей ипотеки в Кукуево на пятьсот лет вперед (с ежемесячной выплатой 16 999 за свое, между прочем, жилье в Москве, со сноской под звездочкой «в 20 км от МКАД»). Их, вероятно, тоже ждет сложная личная жизнь, в которой

эта ипотека будет чуть ли ни определяющим фактором в вопросе о том, стоит ли оставаться вместе (конечно, стоит! одной зарплатой точно не хватит). Они скорбят от того, что эта ипотека у них есть, а я – от того, что у меня ее нет и нет даже шанса завести ее в ближайшем будущем. Они ругаются из-за того, кто будет выносить мусор и мыть тарелки в субботу утром, а я, зная, что через неделю мы расстанемся и не увидимся еще полгода, с трагическим выражением лица фантазирую о том, как мы с любимым будем жарить банановые блины и цитировать друг другу Ахматову на балконе дома у берега моря. (Кстати, для него Ахматова – такая же русская абракадабра, как и все остальное, а для меня – выстраданные строчки). Они мучаются от того, что их родители ненавидят друг друга, а я – из-за того, что наши никогда не встретятся.

Но несмотря на свой решительно-романтический настрой, я с удивлением отметила, что сам по себе канадец не приносил мне счастья, хотя старался: покупал мне пирожные в европейских столицах, скрепя сердце, сам платил за мою пиццу в ресторане и подарил мне электронную книжку, шампунь, маленькую стеклянную лису, ручку «молескин» и гору дорогих канадских открыток с многообещающими словами на каждый праздник, который мы встречали не вместе. Мой английский был если не на пике, то на подступах к нему, хотя мне все равно никак не удавалось перевести ему фразы вроде «кузькина мать». С ним я никогда не могла по-настоящему разозлиться, не могла высказаться, и если сначала это только радовало меня, то потом начало раздражать. И я потихоньку стала понимать: место, где нужно искать то самое счастье, – никак не другой человек, это – ты сам.

Мы с товарищем канадцем бродили по разным уголкам Европы и мечтали найти свой город, чтобы поселиться там. Мои мечты остались в Генте плавно сменились фантазиями о жизни в Канаде.

– Где родился там и пригодился, – учила меня мне сестра во время нашей очередной вылазки по магазинам – Погуляла и хватит, зачем ты рвешься в эту Канаду?

– Ну уж нет, – я упрямо пинала серым носком ботинка камешки. Мы ждем электричку – Ни разу не так. Я уеду в Канаду, и мне там будет хорошо. В Канаде не бывает электричек. Там не бывает преступлений.

– В Канаде вообще ничего не происходит.

– Вот-вот, там безопасно, понимаешь?

– Ты заметила, что ключевое слово *ничего*, а *ты* вечно ищешь приключения? Ты уверена, что тебе туда нужно?

– Ну конечно! – я была непреклонна.

Я узнавала себя в словах Эриха Мария Ремарка, который писал в своем романе «Ночь в Лиссабоне»: «Когда негде остановиться, когда нельзя иметь крова над головой, когда все время мчишься дальше. Существование эмигранта. Бытие индийского дервиша. Бытие современного человека. И знаешь, эмигрантов гораздо больше, чем думают. К их числу принадлежат иногда даже те, кто никогда не покидал своего угла». Я была каким-то мысленным эмигрантом: живя в России, я любила закрывать глаза и представлять, что я не здесь. А самым ужасным чувством было возвращение. Стоишь в очереди на рейс вместе с другими русскими там, в аэропорту, и с ужасом понимаешь, что Россия началась уже здесь. И даже если ты физически находишься еще в Бельгии или США, то эта самая аэропортовая очередь любезно напомнит тебе, откуда ты родом. Потому что в отличие от всех других национальностей, именно у русских в аэропорту за рубежом все плохо, и они не стесняются громко об этом рассказывать. Как в анекдоте: «Это твоя родина, сынок». Они не понимают объявлений на английском, уже устали от долгого ожидания, недовольны рейсом и погодой, они обгорели, простудились и, в конце концов, почти обижены на то, что срок действия их визы закончился. Они завидуют тем, кто только что приехал или просто здесь живет. Ведь вокруг по-прежнему ходят все те же испанцы или американцы, которые родились точно такими же, но куда свободнее, и им не нужно преодолевать все круги ада и переживать из-за того, что визу могут не дать. А возможно, очередь просто не хочет возвращаться в Россию? В нас до сих пор живет ощущение железного занавеса, который вот-вот захлопнется навсегда и мы больше никуда не поедим?

Я помню, как всякий раз мучительно было вынужденно стоять в этой русской очереди за рубежом пусть даже 15 минут и отвечать на вопросы соотечественников. Потому что я не хотела быть русской. Как бы ужасно это ни звучало.

Мучительным был и перелет обратно в Россию, чаще всего русской авиакомпанией, которая выдавала еду из России. Столкновение с первым кусочком влажного черного бородинского хлеба и комочками муки в бефстроганове могло повергнуть в уныние любого, даже самого эмоционально устойчивого человека. А дальше – московский аэропорт и дорога домой. Нужно сесть в машине на заднее сиденье и как можно быстрее привести себя в горизонтальное положение. Потому что иначе совсем невыносимо. Нужно закрыть глаза и представить себе, что ты не в России, чтобы не поднимать голову и не смотреть в окошко, за которым с вероятностью 95% лежит слякоть.

Причем погода в Москве бывает отвратительной вне зависимости от времени года, и это ее свойство регулярно обсуждается и подчеркивается всеми вокруг. Такое чувство, что все местные жители живут здесь первую неделю, даже если они ни разу в жизни не уезжали дальше Рязани. Погода продолжает нас поражать. Летом предметом недоумения становится холод или жара, обсуждается недавний град, прошедший по соседству. Зимой все удивляются, что начало рано темнеть. И все, все круглогодично болеют и пересказывают со вкусом детали своего бедствия: какие перепады давления у кого случались, или как «у нас на работе болеет весь отдел, как бы самому не свалиться».

При этом я не знаю другой такой культуры, где разговоры о болезнях были бы так же популярны. Из трех стран, в которых я прожила в общей сложности год, нигде не говорили о погоде и болезнях так часто. Американцы постоянно пересказывают бейсбольные события и какие-то радостные новости о своих успехах, особенно на работе (даже если сами плотно сидят на антидепрессантах и гормональных препаратах). Испанцы часами готовы заворачивать тебе самокрутки, потягивая ставшим уже теплым и оттого даже каким-то оптимистичным пиво, и рассказывать о еде, в частности, о том, как вкусно они поели каракатиц в маленькой севильской таверне году этак в девяносто четвертом вместе с четвертым двоюродным братом Хосе. Бельгийцы возводят в ранг идола труднопереводимое на русский gezellig (уютный), и готовы бесконечно говорить обо всем, что так или иначе может быть связано с созданием уюта (сняли уютную квартиру; сделали камин; заказали вкуснейшее вино). В их местности большую часть года так тускло и мокро, что они спасаются оптимизмом и максимальным развитием темы gezellig.

Несколько месяцев или даже две недели, проведенные за границей, производят сильнейшее впечатление. Вернувшись домой, ты просыпаешься по утрам, открываешь глаза, видишь совершенно русскую действительность, и в голове появляются странные мысли: если тебе снятся сны про ту страну, почему ты просыпаешься все равно в этой? И та местность кажется настолько прекрасной, что ты решаешь, что она тебе, конечно же, приснилась.

Так прошло еще два года. Два года мечтаний о том, как я уеду отсюда подальше.

Когда очень сильно любишь, даже идешь в одиночку в ЗАГС. Я не смогла дозвониться до них, пришлось довериться автоответчику, который сообщил мне, что любые консультации, особенно по поводу

брака с иностранцами, можно получить только на месте. Поэтому я собралась и поехала навстречу своему счастью. На улице стояла жара под 30 градусов, в уши и нос забивался тополиный пух. Я шла от метро, вынимая из носа пушинки, и разглядывала парочки, состоящие в основном из счастливых русских девушек и смущенно-радостных иностранцев из всех стран мира. Даже чурбаны женихов выглядели смущенными.

Я все же потерялась и спросила у какой-то женщины, как пройти в ЗАГС. Она показала мне дорогу и радостно спросила, когда у меня свадьба. Я и сама хотела бы дать ответ на этот вопрос, да вот, не знаю.

Некоторые едут на собственную свадьбу на метро, другие приезжают на длинных традиционных лимузинах со светомузыкой и дешевым шампанским, от которого хочется чихать и бросить пить. Но все выглядят счастливыми, мужчины чуть меньше, зато женского счастья хватает на всех с лихвой.

Я зашла в большой зал, украшенный золотом и красными коврами дорожками. Там даже пахло торжественной парчой. Толпы чьих-то родственников ходили туда-сюда. Я шла по коридорам, пропуская накрашенных невест, с которых от жары стекал тональный крем и отклеивались ресницы. Наконец, я нашла небольшую комнатку с загибающимся линолеумом, на котором были видны следы убитых тараканов.

– Добрый день, я хочу выйти замуж за иностранца, – робко сказала я, зацепившись за отошедший линолеум.

– Откуда ваш будущий супруг? – слегка пафосно спросил сотрудник ЗАГСа.

– Из Канады.

– А вы неплохо разбираетесь! Хороший выбор! Социальное обеспечение на высоте. Пенсии достойные. Климат похож на наш. Есть хорошее русское сообщество. Вы там быстро освоитесь, – я слышу в его голосе нескрываемую зависть. Кажется, он бы и сам женился на моем канадце.

Мне становится противно. Я убедила себя, что выбрала канадца по любви, а меня сразу вывели на чистую воду и рассказали о том, что я выбрала его по стране происхождения. Исходя из принципа «не-Россия, но чтобы у меня была там возможность жить там как в России, только лучше». Сотрудник ЗАГСа смотрел на меня пустыми глазами, и в его взгляде сквозила ненависть: «Ты уедешь, а я останусь».

Я выслушала все указания, отсканировала документы и отправила их по электронной почте своему fiancé. Потом приступила к следующему

шагу и нашла платье: шестиметровый шлейф, белый корсет и французские кружева. Фату делали на заказ. Я взяла сразу 6 метров. Я казалась себе странной в длинном свадебном платье, но, наверное, так и должно быть. Я несколько раз приезжала в салон, чтобы подогнать его по размеру. Владелица сладко улыбалась мне и услужливо спрашивала, где же мой жених. Я все так же вежливо отвечала, что он скоро приедет. Это же любовь, а когда любишь, идешь на все. Я придумала дату свадьбы, чтобы было не так стыдно смотреть ей в глаза, и сочинила текст для свадебных приглашений. Ночами я изучала красивые дома на берегу моря для медового месяца и высылала любимому скриншоты.

Я купила платье и ехала с ним домой на раздолбанном такси. У него трещал глушитель и мы постоянно подсакивали на кочках. За свадебный наряд я отдала свои последние деньги, все, что я копила на переезд куда-нибудь когда-нибудь, подальше от России и вечной зимы. Поймала себя на мысли о том, что не хочу рассказывать об этом таксисту, но ехать и молчать мне отчего-то было неудобно. Мне казалось, что если я замолчу, голос внутри меня закричит изо всех сил, и я на полной скорости выскочу из машины. Я только что поставила на кон все, что у меня было и отрезала все пути назад.

Наступил сентябрь. Я впервые не студентка и мне не нужно идти в университет. Я ждала своего канадца, который должен был забрать меня и увезти из *этой страны*. И меня немного напрягал тот факт, что я больше не учусь.

Когда мой суженый не приехал и попросил отложить свадьбу на пару месяцев, я убрала платье в коробку и отнесла ее в мамину спальню. В конце концов, оно не виновато. Это просто пара десятков кружев и сотня тысяч рублей. Платье здесь ни при чем.

Канадец – центр моего мира. Я убеждала себя в этом день за днем. Мне не нравилась мысль о том, что он нужен мне только для того, чтобы уехать. Я писала ему письма, он с энтузиазмом отвечал, цитировал классиков, присылал мотивирующую литературу и фотографии котят для умиления. Я верила ему и продолжала ненавязчиво спрашивать про свадьбу. Он уходил от ответа.

Тогда я решила отвлечься и еще больше работать. Ситуация со свадьбой напрягала меня невероятно, поэтому я набрала кучу учеников. В 8 утра у меня начиналось первое занятие на другом конце города. Я просыпалась в 5 часов, выстаивала под дождем очередь на маршруту, потом бежала, поскользываясь, по мокрому железному мосту на электричку в 6-20. В дороге читала много художественной литературы, а с какого-то момента – еще и книги о саморазвитии и бизнесе.

Неожиданно для себя я подумала, что если не запишусь на какие-нибудь курсы, сойду с ума. В Фейсбуке выскочило объявление о приеме в бизнес-школу. С таким же успехом я могла бы пойти на курсы актерского мастерства, но решила идти именно в бизнес-школу, потому что это – что-то новенькое. К тому же, курс длился как раз два месяца. За это время мой канадец приедет и заберет меня из этой страны. Я ходила на занятия, смотрела на успешные примеры разных бизнесов и на счастливых людей, которые утверждали, что зарабатывают сотни тысяч рублей в месяц. Со сцены они говорили о том, что возможно все, и называли неудачниками людей с моим доходом за репетиторство. Слушателей вынуждали выходить к микрофону по очереди и публично признаваться в своей несостоятельности.

Меня спросили, сколько я зарабатываю, и сообщили, что 75 тысяч в месяц – это не деньги. Дали совет снять помещение и открыть школу, но такая перспектива меня испугала, и я отказалась.

До этого момента я никогда не думала, что могу зарабатывать больше. Я вообще не думала о деньгах, они приходили и уходили сами. Мне было немного жаль потраченных на платье сбережений, но я держала подбородок высоко, продолжала писать своему жениху письма и носить кольцо на среднем пальце правой руки. Подруги считали дело решенным и уже провожали меня за границу.

В какой-то момент из кольца выпал маленький бриллиант, и я пошла в мастерскую.

– Да это и не бриллиант вовсе. Это фианит. Ну, искусственный камень, понимаете? Я могу вставить на место выпавшего *настоящий* бриллиант. Это будет стоить ...цать тысяч рублей...

Я заплакала. Это были очень меркантильные слезы, кажется, в них было больше злости, чем обиды. Мастер вставил новый фианит, но кольцо я теперь носила с меньшим энтузиазмом, чем раньше.

В бизнес-школе продолжали говорить о том, что если мы изменим свое сознание, то сможем зарабатывать миллионы. Я старательно выполняла домашние задания, как если бы ходила в кружок по пению или театральному мастерству. Нам говорили сделать сайт на одну страницу – садилась и за ночь делала его на конструкторе.

Рассказывали про контекстную рекламу – я настаивала ее, хотя никто по моей ссылке не переходил. Часть домашнего задания нам всем приходилось подделывать, чтобы пустили на урок.

Я продолжала попытки открыть свой бизнес. На первый мой призыв посетить тренинг по английскому никто не откликнулся. Я решилась на вторую попытку, и снова никто не пришел. В третий раз пришли две

мои подруги, одна, на всякий случай, принесла упаковку маленьких стограммовых бутылочек с «кюрасао», «малибу» и «бейлисом». Мы пили цветные ликеры в ночной Москве, потому что ко мне опять никто не пришел. Я снова вспомнила историю с The Beatles, которые поначалу играли только для своих, но на этот раз воспряла духом, скопила денег и открыла один класс.

Мы с подругой-преподавателем Мариной организовали курсы английского в коворкинге в воскресенье вечером. Сделали сайт, дали рекламу, пригласили знакомых и друзей. Наступило воскресенье. Часы тикали, а никто не приходил. Я говорила Марине, что надо подождать, но, о ужас!, желающие так и не появились.

Тогда эти события казались мне сверхъестественными: как так, ко *мне* посмели не прийти?! Но этот провал был только началом. Когда сидишь и ждешь группу, а к тебе приходит ноль человек, тебе кажется, что виноват в этом ты. И вместе с тем, чувствуешь, что тебя обидели, обвинили, оскорбили. Так рождается жалось к себе. Почему меня, талантливого, умного, героического предпринимателя, никто не любит? Почему я никому не нужен?! Сейчас я бы ответила так:

«Прекрати жаловаться. Мир не виноват, что тебе приспичило быть предпринимателем. Миру вообще некогда любить твой бизнес, и он не должен платить тебе за то, что ты живешь и исполняешь свои мечты. Никому не интересно это слушать. Делай что хочешь, но прекрати жаловаться и возвращайся к работе». Но тогда я об этом еще не знала. Я делала задание за заданием, так прошло два месяца, но ситуация никак не изменилась. Почему-то я не стала миллионером и даже залезла в какие-то микроскопические долги. И решила, что нужно организовать выездные мастер-классы по английскому языку.

Мы проводили их с знакомой преподавательницей, и люди спрашивали нас, где можно продолжить занятия. Для меня это было новостью, потому что помещение все еще не нашлось. Мы смущались, собираясь просить деньги за мастер-класс. Для облегчения этой задачи на занятии сидела одна «подсадная утка», которая в ответ на просьбу поднималась первой, бежала к вазе, кидала в нее тысячу рублей и громко восклицала: «Замечательное занятие!» А потом мы встречались с ней в подворотне и передавали ей эту тысячу обратно. Глядя на нее, люди тоже начинали класть кто по сто, кто по двести рублей. В итоге мы только и отбили что стоимость чая и пирожных, которые никто не ел, потому что все пришли на занятие и очень волновались. А мы по глупости купили самые дорогие пирожные. Выпускной в бизнес-школе прошел печально. Я провалила последний экзамен, потому что ничего не заработала. На карточке у меня – минус двадцать тысяч, и никакой перспективы заработать больше. Я сидела

с температурой 38,8 градусов в самом последнем ряду в зале, набитом кучей людей, а ведущие со сцены провозглашали сотни имен успешных предпринимателей, добившихся успеха вместе с бизнес-школой. Остальных называли неудачниками и предлагали попробовать еще раз. Для меня эта церемония прошла, как в тумане. Желудок сворачивался в комок, ноги становились ватными и я поползла в туалет. Меня тошнило от их успеха. Я ненавидела людей, которые выиграли в эту игру, потому что меня среди них не было. Друг, оказавшийся в числе награжденных и успешных, вез меня по городу на черной машине, обгоняя всех по встречной и говорил, что рано или поздно у меня все получится и нужно продолжать, хотя он понятия не имел, как.

Я слабо возражала, потому что понятия не имела, какой из несуществующих бизнесов мне нужно развивать. Туры для иностранцев? Бизнес-английский? Импорт и продажа платьев из Китая? Я вообще никогда не смогу открыть свой бизнес. Вот, за два месяца я попробовала целых пять раз, и ничего не вышло. Ко мне никто не пришел, я никому не нужна.

Зачем мне вообще бизнес? Да, я хочу зарабатывать деньги, но у меня не получается. И, кажется, никогда не получится подняться в день выпускного на сцену и быть успешной, как они все.

Как ни странно, именно эта злость дала мне новый старт и возможность мыслить по-новому, стать собой, несмотря на все ограничения, которые ставило мне мое собственное сознание. Если бы смелость можно было бы заварить, закурить или выпить, я бы давно сделала это, но рецепта зелья у меня не было, поэтому я продолжала делать то, что делала, даже если от ужаса тряслись руки.

Я ехала в маршрутке, и в восьмой раз слушала один и тот же подкаст о том, как открыть свое дело. «Да, у меня не получилось с бизнес-школой, но есть же другие способы заработать», – крутилось у меня в голове. Говорят, что можно открыть свой бизнес и ни о чем не жалеть. Я не знаю. Я ни разу этого не делала. Для того, чтобы открыть бизнес, нужны знания и умения, которых у меня нет. Нужно быть сверхчеловеком со сверхидеями и сверхспособностями. И все же, стоп! Бизнес делают обыкновенные люди, в них нет ничего особенного, кроме, пожалуй, одного – желания довести начатое до конца и не сдаваться. Главное, я могу открыть бизнес ненадолго. Как его делают? Сначала два месяца нужно вкладываться в развитие, а потом настроить на управляющего и свалить. Я уеду так далеко, как только смогу, а потом ежемесячно буду получать небольшие деньги. Пусть

небольшие, но это уже хорошо. Я не буду никем управлять, я найду чудо-управляющего, который решит все мои проблемы, и спрашивать стану только с него.

Все эти идеи жили в моей голове и работали до тех пор, пока на собеседование не пришел первый человек. Первый человек за всю мою жизнь. На собеседование. Со мной. Ее звали Александра.

На дворе – декабрь 2013 года. Я никогда раньше никого не собеседовала. Кажется, я даже в гугле искала, как это делается. Александра пришла в красивом деловом костюме, элегантная, с безупречным макияжем, а я – в каких-то трениках, испачканных декабрьской грязью.

Мы сидели в кафе и Александра долго рассказывала о своем опыте, а потом спросила: «Где я буду работать?»

Я даже растерялась. Школы тогда и в помине не было, только цемент и пара мешков с бетонной смесью. Я сняла помещение на 3 этаже, а лестница шла только до второго...

Но я бодро улыбнулась и пообещала Александре школу. Потом ехала домой на маршрутке и думала: «Блин, как я это сделаю?!»

С того дня Александра стала моим личным вдохновением. Все, что было сделано в Англomании, на 99%, появилось у меня после той встречи, когда загорелся маячок: «Ну не могу же я человека подвести!»

Вторым таким вдохновением стала Ольга. Я не помню, где и как я дала рекламу, но выяснилось, что она хочет учить английский. Я провела тестирование в кафе возле предполагаемого места школы и пообещала ей занятия в ближайшее время. Я долго рассказывала ей, какими будут будущие уроки, она слушала, потихоньку радовалась, а потом спросила, можно ли посмотреть школу и где именно будут проходить уроки. Школы тогда и в помине не было. Но мне нужны были ученики. И помещение.

Я отправилась на поиски. Помещение, на котором я, в конце концов, остановила свой выбор, категорически не подходило для школы. Вход в него напоминал чертову лестницу: через третий этаж торгового центра, стоматологию и что-то еще. Помню, как шла смотреть его и заблудилась. Мне предстояло пройти еще несколько подъемов и коридоров на задворках торгового центра, и каждый шаг я делала все медленнее. Мне хотелось развернуться и бежать прочь, никогда не возвращаться и не вспоминать о своем желании открыть школу. Но я решила идти, напоминая себе, что назад пути нет.

Я осмотрела это помещение, оно стоило 35 000 рублей в месяц. В то время эти деньги казались мне какой-то невероятной суммой. И я никак не могла поверить, что мне придется их отдать.

Более неподходящее место для школы сложно было представить: синий кафель, душевая и столбы, стоявшие посередине маленького помещения в 35 квадратных метров. И все же я договорилась, что возьму его. Еще неделю я работала с утра до ночи, не ела и копила. День начинался в 5, очередь на маршрутку в 5.45, очередь на электричку в 6.00, электричка в 6.20, толпа в метро в 7.00, два километра пешком, и вот в 8.00 я – в офисе на другом конце Москвы преподаю корпоративный английский. Потом домой, в область. По дороге – книжки об успешных предпринимателях, у которых все получилось, и подкасты о тех, кто продолжал, несмотря ни на что. Я приходила домой днем и падала замертво, засыпала на час, просыпалась и открывала дверь очередному ученику. И так – до 22.00. Моей целью было во что бы то ни стало собрать деньги. Когда я принесла собственнику пачку смятых купюр, оказалось, что помещение уже сдали. Я никогда ничего не арендовала и понятия не имела, как устроена эта часть жизни! В отчаянии я решила, что школу мне уже не открыть, но потом решила пройтись еще раз по городку и поспрашивать про аренду.

В соседнем торговом центре нашелся очень активный собственник, который занимался ремонтом. Я пришла в помещение, где рушились стены, а вокруг лежали горы бетона. Он бросился ко мне, и с горящими глазами начал показывать, где и что будет находиться. Я поверила ему на слово и внесла предоплату. С января мы уже сможем работать. Мне нужно было напечатать рекламные листовки, и я пошла в маленькую, всеми забытую, студию на окраине нашего Балабино, которая находилась где-то на полузаброшенном заводе. В уютном помещении сидели два задумчивых дизайнера. Отпечатанные листовки казались мне чем-то невероятным, потрясающим. Слово «английский» было написано жирным белым курсивом и смотрелось вызывающе на фоне британского флага. Дизайнеры отнеслись к моим восторгам с подозрением, но ведь правда – это были первые мои листовки, поэтому я могла позволить себе эту эйфорию.

Ну что, помещение у меня теперь есть (правда, там идет ремонт, и второй этаж, на котором я сняла офис, еще не существует), осталось найти людей. Моих учеников не хватило бы для открытия школы, поэтому я отправилась на поиски.

Выходила вечером на улицу и просто шла искать людей. В руке у меня – сто листовок и никаких шансов отступить назад. Мне просто нечего терять. Самое страшное – подойти к первому человеку: Скажите, вы хотите учить английский?

На улице мокро и сыро – декабрь в России редко бывает снежным. Я начинаю платить аренду с 1 января 2014 года, и до этого времени мне

жизненно важно найти хотя бы несколько человек. Я была готова сделать для этого все, что угодно.

Скоро я уже держала в руке свой *самый первый ключ*. Это ключ от школы, которую я любила больше всего на свете. Оставалось понять, как попасть на второй этаж: вверх вела только деревянная лестница под 90 градусов. Перил нет.

Мой канадец внимательно слушал мои рассказы о том, как я хожу по улицам и раздаю людям листовки и карамельки. И я по-прежнему интересовалась, когда же он приедет жениться на мне и заберет меня отсюда. Правда, в моем голосе звучало все меньше энтузиазма.

В какой-то момент он предложил встретиться на нейтральной территории, в Риме, в день святого Валентина. Про свадьбу он ничего не сказал. Я согласилась, но до февраля нужно было как-то дожить. Я поставила на стол календарь, в котором решила зачеркивать дни до отъезда из России. Я же ненавижу эту страну и не хочу здесь находиться. Параллельно на листочке я начала записывать варианты названия для школы, и в итоге решила назвать ее Rallegra.

Довольно быстро я научилась забираться на свою крутую лестницу и теперь рассчитывала на то, что ученики с этим тоже справятся: *мне* же нужно платить аренду, значит, я найду способ их заставить! К тому же, собственник обещал сделать перила. Спускаться, признаться, было страшно, и я ходила, испачканная строительной пылью.

Декабрь заканчивался. Я позвонила лучшей подруге и сказала, что мне нужен стол и стул. Принтер и ноутбук я собиралась принести из дома, а вот без стола со стулом – никак. Собственник проникся и даже предложил мне стол, который по неизвестной причине переехал с ним в торговый центр с военной базы. Но я хотела свой стол, к тому же, у меня осталось ровно 10 000 рублей. И я решила купить его на последние деньги.

Мы с подругой поехали в мебельный магазин ночью, не знаю, почему. Пока мы шли по икеевским коридорам, я рассказывала ей, какая у меня будет школа. Наконец, подошли к столам. Все они были мне не по карману. Наконец, мы нашли какой-то стол за 9 900 рублей и решились его купить. Долго искали его на складе самовывоза и вдвоем тащили на кассу, сгибаясь в три погибели. Кажется, подруга уже пожалела, что поехала со мной. Мы привезли стол в школу из последних сил. Я ехала на ночном такси домой, чувствуя дикую усталость и адреналин.

Кроме стола, нужно было найти какое-то украшение для офиса. Я решила купить кресло-мешок с символикой Великобритании. Выбрала самовывоз из какого-то южного Бутово, и тащила огромное кресло через всю Москву, наблюдая за реакцией прохожих. В метро пришлось покупать ему отдельный билет, а потом мы с ним застряли на

эскалаторе. В электричке все спрашивали меня, зачем, вообще, мне нужен этот мешок. К счастью, под конец какой-то мужчина помог мне донести его в школу: он поставил кресло себе на голову и так и шел с ним по улице, а я семенила следом и торопливо рассказывала, какая у меня будет школа.

Теперь чайник. Забавно, я выбрала самый красивый и дорогой электрический чайник, который только смогла себе позволить: белый с треугольниками и черной крышкой. Он был так красив, что его можно было бы назвать королем всех чайников. Пакет с ним я тоже тащила откуда-то с другого конца Москвы.

Наконец, 30 декабря я позвала в школу всех учеников, которых только удалось насобирать со всех концов Балабино. Каким-то чудом набралась первая группа. Я провела первый урок и... не смогла назвать цену. Зато мы договорились встретиться 12 января. Меня немного волновал тот факт, что до 12 января мне надо на что-то жить, идет арендная плата, а я ничего не зарабатываю.

Канадец слушал мои пламенные рассказы с убывающим энтузиазмом. А я нашла первого носителя – из Кении. Администратора я взяла только на удаленную работу – решила, что школа будет работать только в те часы, когда идут уроки.

Наступил Новый год. Я должна была отмечать его где-нибудь на пляже, рядом с канадцем, но вместе этого сидела за столом с мамой и папой, и за окном взрывались фейерверки. Но меня эти мысли не волновали, меня вообще ничего не волновало, кроме одного: откуда я возьму учеников?

12 января, когда в России все наконец-то просыпаются после праздников, мы начали работу. На занятия пришли первые ученики. К началу февраля у меня в школе учились уже 12 человек. Я собрала вещи и чувствовала, что уезжаю с тяжелым сердцем, поручив все задачи по школе на эти две недели преподавателю Александре.

Я прилетела в Рим и сразу открыла ноутбук. Меня почему-то не радовали ни сияющий канадец, целующий мои руки, ни белоснежная квартира в 50 метрах от Колизея, ни теплый февраль с розами и черешнями на улице. Мне хотелось назад, на лестницу без перил. Мы ели стейки в роскошном ресторане. Я сидела с листиком бумаги, черной гелиевой ручкой и черной записной книжкой в черном свитере. Мне не хотелось видеть никаких других цветов, кроме черного и белого. Что происходило в моей голове, я не знала. На листике неожиданно появлялись какие-то наполеоновские планы: школа с семью языками, сотни студентов, множество классов, уроки по воскресеньям, русский для иностранцев, магазин, ресторан. Канадец смотрел на все это, и его глаза округлялись. Он не понимал, как я

собираюсь сделать все это, если сейчас у меня нет денег даже на то, чтобы оплатить весь ужин и две бутылки вина. Он был недоволен сразу двумя вещами: тем, что я поглощена школой, и тем, что я не против, чтобы он оплачивал мои счета в кафе и магазинах. Когда мы пошли ночью покупать молоко, он потребовал, чтобы я оплатила пакет. Я достала из кошелька какие-то предпоследние пятьдесят центов – у меня совсем не было денег. Но меня это не волновало: я потратила все, что у меня было, на чайник и билет до Рима и обратно.

Мы гуляли по каким-то древним развалинам. Он фотографировал и рассказывал мне про Рим, а я думала о том, что неплохо было бы назваться Англomанией, а не Rallegra.

– Какой логотип ты хочешь для своей компании? – спросил он.

– Я не знаю. Мне нужен логотип, чтобы делать бизнес? – задала я дурацкий вопрос.

– Ну конечно. Давай посмотрим, что тебе нравится. Листья, например... Я долго рисовала разное в своей тетрадке и пришла к выводу: пусть это будет черный треугольник и буква А. Канадец залез в фотошоп и сделал логотип.

Мы ездили по Риму и Флоренции, но я внезапно потеряла интерес ко всему, кроме входящих писем из Балабино в моем почтовом ящике.

За два дня до нашего расставания я начала безостановочно плакать.

Мне стало казаться, что меня просто развели. И что канадец никогда на мне не женится. Я даже не могла понять, почему именно я плачу. Я плакала все время, кажется, все три последних дня, но, если бы кто-то спросил, почему, ответ бы его удивил. Я плакала из-за безумной жалости к себе: пожалейте меня, пожалуйста, я же такой хороший человек, а мне нужно жить в России такую тяжелую жизнь. С бизнесом, который у меня есть.

– Ты мне скажи, что для тебя самое главное сейчас. Только честно. Я или Англomания?

И в этот момент мой мир разрушился (а может, наоборот, в нем все встало на свои места?). Раньше жизнь с ним была для меня на первом месте, и я знаю, какого ответа он ждал. Но я чувствовала, что за последние два месяца мой фокус сместился.

– Самое главное? Не обидишься? Это моя школа.

– Вот и занимайся школой. Строй, развивайся и не думай ни о чем таком, хорошо?

И мы расстались. Это произошло очень органично вместе с открытием моей школы. Внезапно ко мне пришло осознание, что смысл находится внутри меня. Ты всегда носишь его с собой, но не замечаешь его присутствия. Как будто бы внутри тебя есть пустота, в которую ты пытаешься запихнуть других людей, оправдания, переедание, тоску, а

там – черная дыра, в которой все моментально исчезает, и требуется все новая и новая подпитка. Поставив в центре своей жизни человека и назначив его ответственным за свое счастье, ты лишаешь себя возможности быть счастливым самостоятельно. Самим по себе. Я проводила его на самолет в Монреаль, сама села на свой до Москвы и, чтобы не сойти с ума, шла и говорила сама с собой вслух: «Самое главное – это мое дело, мое дело, мое дело».

Я приехала домой и горевала, скорее, для вида. По ощущениям – как будто гора с плеч свалилась. Я сообщила всем, что свадьбы не будет, поговорила с ним по скайпу еще один раз, после чего он исчез со всех горизонтов. А я ведь просто предложила еще раз обо всем подумать. Так «великая» любовь с его стороны испарилась безвозвратно, а с моей, возможно, и не начиналась. Она даже превратилась в облегчение, потому жить в Канаде мне никогда не хотелось. Утопичная «страна мечты» сменилась на адекватную реальность в виде маленького подмосковного городка и собственной школы. Я старалась убедить себя в том, что важнее личной жизни ничего быть не может, но внутри меня бушевало несогласие. Ведь школа будет расти, и мне нужны и новые ученики, и новые сотрудники.

В конце февраля я снова вышла на улицу. Я напечатала флайеры, на которых названия школы даже не было видно. И нашла помощницу. Чтобы на нас обратили внимание, нужно накрасить губы красной помадой, и не обращать внимание на всякие грубости в наш адрес. Так мы и сделали. Я выискивала женщин в шубах и бежала за ними, выскакивая откуда-то из темноты с криком do you speak English? Они пугались и отматывались от меня. И только одна, я запомню ее навсегда, сказала: «Я так давно вас искала!» Она взяла мой флайер и обещала прийти. Тогда я поняла, что стоит продолжать. Ради этой женщины, а еще, потому что назад дороги нет.

На следующий день после нашей вылазки звонков не было. Только один, случайный, как я тогда подумала. Женщина по имени Татьяна интересовалась: «Я слышала, что вы открываете школу для взрослых? А когда я смогу записать туда своего сына?»

– Мы не учим детей, – твердо ответила я.

– Но ему некуда пойти!

– Может быть, когда-нибудь мы будем заниматься с детьми... – сказала я и положила трубку. Ни за что не буду вести детские уроки! Женщина продолжала звонить, и вскоре мы открыли первую детскую группу. Мы повесили баннер, который никому не был виден, но я очень гордилась тем, что сама придумала для него дизайн. На нем большими

буквами было написано «Английский для взрослых». Слово «Английский», правда, куда-то исчезло, и осталось только неясное «для взрослых». Собственник здания только смеялся и обещал, что нас неправильно поймут.

Хотя школьные дела занимали меня целиком, я без конца думала о том, как изменилась моя жизнь за последние пару месяцев. Разрядка случилась 8 марта после очередного школьного мероприятия.

Праздник закончилась, я попрощалась с учениками и... начала рыдать так, что знакомый управляющий закрыл ресторан. А я все плакала и не могла остановиться. Внезапно я осознала, что присутствие товарища канадца не решало моих проблем. Я все так же не умела управляться с деньгами, слишком много ела и не могла распланировать свой день. Я плакала не потому, что его в моей жизни больше не было, а потому, что окончательно поняла: я должна справиться со всем этим сама, своими силами.

Если в отношениях нет счастья, или счастье вдруг куда-то ушло, если жизнь не приносит удовлетворения, место, где нужно искать это самое счастье – это никак не другой человек, это – ты и есть. Цепляться за другого, как за спасательный круг – страшно опасное занятие. Мы рождаемся с пустотой внутри и можем выбрать, что с ней делать. И я верю, что нам плохо ровно настолько, насколько мы не реализуем свой потенциал. У меня появились силы заняться делом и перестать убегать. Я поняла, что в каких бы прекрасных местах я не побывала, за мной, удобно устроившись и свесив лапки с сиденья кресла, ехали мои тараканы, и шевелили усиками. Они были довольны, потому что, как и всякому живому существу, им было любопытно посмотреть мир. Я поняла, что товарищ канадец исчез из моей жизни за ненадобностью. Вместе с ним во мне исчезла потребность делать из человека кумира и поклоняться ему. Я решила взять ответственность за саму себя на себя.

Говорят, что нельзя открывать бизнес, исходя лишь из желания заработать деньги. Открывать его нужно по любви. Я сделала это по необходимости и от отчаяния. Необходимость заработать была острой – не хватало на отъезд из России. А еще, не было денег на машину, одежду, жилье – на независимость. Я не ставила своей целью спасение мира и другие высокие идеалы. Но вышло так, что дело, начатое от отчаяния и нужды, вернуло мне саму себя и мое собственное место в мире.

Я уезжала за границу всегда в поисках чего-то лучшего, чем то, что я видела у себя в России, и вдруг мое лучшее сосредоточилось в маленьком подмосковном Балабино. Мне было неинтересно гулять по Колизею в то время, как там, в далекой крошечной школе, один-

единственный преподаватель боролся за каждого ученика. Меня уже не волновало, что где-то в Европе в феврале – +15, солнечно и чисто, а у нас минус на плюс и вечный февральский сплин и размазня. Мои шансы уехать из России тут же сократились в десятки раз. Но я решила быть оптимисткой и сказала себе, что все устрою и еще непременно уеду, но сначала нужно обязательно уладить вопрос с администратором.

Урок 4. Первые школы

Мы сумели набрать всего один класс, на дворе – апрель месяц, и большинство учеников уже сообщили мне о том, что они не будут заниматься летом. А мне отчаянно хотелось взять еще одну комнату, потому что мне было мало той, в которой мы вели занятия. Я попросила открыть второе помещение по соседству, ходила туда и подолгу сидела на полу, представляя себе, каким оно будет, когда в нем откроется школа. За аренду нужно платить 9 000 рублей. Пока я думала, где взять эти деньги, администратор прислала мне смс: «Я обо все подумала и решила у вас не работать». Это был первый из десятка человек, которые сдадутся.

Поиски администратора превратились в эпопею. В маленьком городе работодателей не так много, поэтому ко мне приходило множество людей всех возрастов – от пятнадцати до шестидесяти лет – и самых удивительных профессий. За заявленные 25 00 рублей работать никто не хотел.

Я с удивлением обнаружила, что действительно стремились работать у меня только единицы. Остальные лишь высказывали пожелания, но на самом деле не делали того, чего я от них ждала. Я стала привыкать к людям, которые дают обещания, но их не выполняют. И все же администраторы нашлись.

Иногда я думаю, что подбор людей в команду тем и прекрасен, что ты реально пытаешься найти иголку в стоге сена (не сказать, чтобы жемчужину в навозе). Ты не можешь без людей, но ты не можешь и с людьми. Они кажутся невыносимыми и прекрасными одновременно. Множество вещей я делаю только потому, что рядом люди. И они не дают мне остановиться. Они так верят в меня, что я сама начинаю верить в себя. Стоит совершить миллион ошибок, но найти тех, кто будет с тобой до конца. Если не искать своих – будешь окружен чужими. Хотя поиск дается мучительно больно. Особенно, когда кто-то из «своих» уходит в тот момент, когда ты меньше всего этого ожидал. В такие моменты я вспоминала, каково было в детстве, когда ты залез

в малиновые кусты, набрал в рот сочных ягод и внезапно почувствовал резкий привкус клопа.

Ученики к нам шли. Пусть недоверчиво поначалу, но их число прибывало день за днем. Они приходили и спрашивали: «А вы правда сможете меня научить?» И каждый приходил со своей собственной историей.

Я продолжала работать. Приходила в школу с петухами и уходила в ночи. Нашла одного администратора за другим. Точнее, одна сотрудница привела другую. Более неподходящих кандидатов сложно было представить. Но они были так уверены в себе, что мне не хватает духу признаться, что они мне не подходят.

Я очень быстро поняла, какой клиентский сервис я хотела видеть у себя в компании. Каждый приходящий к нам человек должен был стать счастливее, чем до нашей встречи. Люди приходили на курсы английского, чаще всего, не ради изучения языка, хотя они отказывались в этом признаться. Уроки английского – лекарство от одиночества, неуверенности в себе, от страшного чувства *is this it?*, когда у тебя уже есть и дерево, и дом, и сын.

Люди приходили к нам с вопросами, на которые у нас самих не было ответов. Иногда они спрашивали, как переводится словосочетание «Страшный суд», и мы, смеясь, искали его в словаре. А иногда задавали вопросы вроде: «Правда ли, что Бог накажет нас за наши грехи при жизни или после смерти, или это мы сами себя наказываем?» Я была не в состоянии ответить на этот вопрос, но я могла, по крайней мере, порадоваться тому, что он задан по-английски, и что мы приложили к этому руку.

Я поняла, что единственный путь к счастью – помогать людям достигать их целей. Однажды мы с учениками заговорили на уроке о фестивале в Валенсии. Они поехали туда и вернулись с мечтой учить испанский. Поначалу это была просто мечта, которая пересеклась с книгой *4 hour work week*, которую я задала им прочитать. Потом мечта переросла в пошаговый план изучения испанского два раза в неделю, а еще через год ребята уже жили в Испании всей семьей. Мы вместе сотворили чудо. Первое из многих, без которых не было бы никакого счастья.

Как-то я ехала поздно ночью из школы и увидела голосующего на дороге мужчину. Это был наш ученик и я взялась его подвезти. Дорога шла кочками, машину трясло, а я только две недели как получила права. Поэтому я крепко держалась за руль обеими руками. Из вежливости задала ему вопрос: «Как проходят ваши уроки?» Он

почувствовал, что я готова его выслушать, и похвалив преподавателя, внезапно рассказал свою историю.

«Я – счастливый человек. Построил дом, посадил дерево, родил сына и дочь. Моя жена, моя драгоценная жена – человек, с которым мы прожили бок о бок всю жизнь... Она поддерживала меня, всегда была рядом. У нас уже появились внуки. Без нее я никогда бы не стал тем, кем стал. Она – лучшее, что у меня есть, мое сокровище, моя любовь... Моим соседом всегда был лучший друг. Без него я никогда бы не смог пройти через те трудности, которые мне выпали. Мы вместе работали, рыбачили, крестили детей...

Недавно я пришел домой и обнаружил их вместе... Из тридцати пяти лет совместной жизни, пятнадцать они изменяли мне... друг с другом. Я не мог поверить своим глазам... Моя жена хочет, чтобы я уехал и оставил ей дом и квартиру. Все записано на нее, все мои деньги... Я остаюсь ни с чем. Сейчас они там, в моем доме. А я еду на дачу... И там тоже могу их встретить... Я не знаю, где мне переночевать сегодня, чтобы их не видеть...»

Я ехала по кочкам, онемев от его искренности, а этот взрослый мужчина вдруг начал рыдать, как младенец, громко всхлипывая... И вдруг я услышала, как сквозь рыдания, он сказал: «Я не хотел жить. В мои шестьдесят лет жизнь вдруг потеряла смысл и я хотел покончить с собой. И тут вдруг я увидел вашу вывеску и подумал, а вдруг – это знак и не все еще потеряно... Я хожу в группу с мужчинами и женщинами младше меня, и все они – такие активные, и вы тоже, и я чувствую себя молодым. У меня появилась хоть какая-то надежда, понимаете? Нет больше того отчаяния. Спасибо вам» Я хотела обнять его, но боялась провалиться в яму в мокром асфальте, поэтому просто ехала, вцепившись в руль.

А вот совсем другая сценка. Как-то я зашла на занятие китайским языком и увидела преподавательницу-китайку вместе с ученицей лет семи. Они сидели и пели песню. Поразительно: китайка не знает русского, девочка едва говорит по-китайски, но им было так хорошо вместе. В них чувствовалось какое-то единство, как будто бы они обе владели общим секретом, и были самыми лучшими друзьями на свете. У малышки горели глаза, и она старательно повторяла каждое слово, разглядывая иероглифы на карточках.

В этот момент я поняла, что выбрала правильный путь, потому что я помогаю этим людям встречаться друг с другом. Ради этого можно потерпеть временные неудобства, например, необходимость отвечать на вопрос, как найти деньги на зарплату и налоги в этом месяце. Истории вроде этих придавали мне решимости продолжать во что бы то ни стало. Если подумать, у нас слишком мало времени, чтобы

волноваться или сомневаться в результате. Мы просто не можем себе этого позволить. Мы считаем безумием выйти на улицу и начать раздавать тысячные купюры каждому встречному. Почему же тогда мы с легкостью теряем свое время, если оно более ценно, чем деньги?

Они пришли внезапно, держа наперевес бутылки с нарзаном. От них пахло дешевыми духами и леопардом. Следом появился щуплый парень с корочкой в руках и махнул ею перед моими глазами: «Судебный пристав Сидоренко! Сейчас мы отправим вас в суд за невыплату зарплат»

Я почувствовала, что мой желудок перевернулся. Пристав поерзал на месте, проверяя звукозаписывающее устройство:

– С учетом компенсации бензина и наших трудозатрат, вы нам должны 70 000 рублей до сегодняшнего вечера, иначе берегитесь. Вы что-нибудь, вообще, знаете про налоговое право?

У меня в тот момент был один-единственный класс, ровно девять квадратных метров, в котором через пятнадцать минут должен был начаться мой собственный урок, и о налоговом праве я имела самое смутное представление. Поэтому я просто позвонила знакомой, которая раньше работала в налоговой, и объяснила ей ситуацию. Она сказала, что ничего страшного в том, что случилось, нет – всем предпринимателям регулярно наносят такие «визиты». И посоветовала подготовиться к следующим.

Потом я поехала в милицию и заявила, что мне угрожают. На вопрос «кто?», ответила: «Ваши сотрудники». В милиции меня равнодушно спросили: «Побои есть?» Тут уж мне стало совсем не по себе и я ответила: «Нет». Тогда милиционер потерял ко мне остатки интереса. Оказывается, ему интересно, только если есть побои. Нет побоев – нет проблем. На мой вопрос, что же можно предпринять, чтобы избежать повторения подобного инцидента, он дал мне телефон 02.

Тогда я начала давить на него, настаивая на том, чтобы он принял мое заявление. Написав его, я успокоилась и пошла домой, озираясь по сторонам. Было страшно, но все прошло.

Это была угроза номер один. Потом их становилось все больше и больше. Сначала они пугали меня, и коленки начинали предательски трястись, но со временем я привыкла. Если в тюрьме дают пачки листов А4 и ручки, я точно справлюсь.

К маю у нас в школе было уже двадцать учеников. Как только я подписала договор на второе помещение, ученики начали звонить и

отказываться от занятий летом. По спине у меня побежал холодок: как я теперь буду платить аренду?

И тут появилась идея начать учить детей летом по интенсивной программе. Я назвала ее «Летняя школа». Вместо скучных учебников мы предложили ежедневные веселые игры. Так мы собрали группу из пяти человек. Мы были спасены! А потом, медленно, но верно, подтянулись дачники, жившие поблизости. Мы боролись за каждого человека, чуть ли не вели уроки на его условиях, и вот, наконец, наша летняя школа началась.

В каком-то отчаянии от бесконечного количества дел и смены администраторов, на которых я возлагала все свои надежды, я поехала выпить кофе в соседний коттеджный поселок Княжино. Семь километров на машине показались мне телепортацией в другой мир. Вместо однотипных спальных районов – красивые дома. Я купила кофе и пошла прогуляться, разглядывая аккуратные бежевые кварталы в итальянском стиле.

В голове не было никаких мыслей и, кажется, новая идея нашла меня сама. Маленькое объявление об аренде белело на стеклянной двери. Я набрала указанный в нем номер телефона из любопытства. В этом же нет ничего такого. Это же просто номер телефона. Я могла бы точно так же позвонить подруге или маме.

– Да, я покажу вам помещение, – резко ответили мне на том конце провода – Но, вообще-то, его уже забрал банк.

– Я все же хочу посмотреть.

Лучшие вещи на свете я делала на спор. Почему-то без спора у меня не получается.

Менеджер посмотрел на меня, на мою потрепанную одежду и отвел глаза. Я стояла перед ним в мятой рубашке и юбке, в зимних ботильонах со шнурками, несмотря на то, что на дворе стоял июнь месяц. Но меня действительно не волновало, как я выгляжу.

– Это помещение вам не подойдет. Я покажу вам что-нибудь... эээ... бюджетное. Это, как бы вам сказать... премиум сегмент, понимаете? Здесь *такие* люди живут!

Я не слушала его. Я внюхивалась в помещение и смотрела на стенку слева. По центру на ней висела картина, на которой был изображен треугольник. Черный треугольник! И на полу лежала черно-белая плитка. Больше меня не интересовало ровным счетом ничего.

– Сколько это стоит? – спросила я, почти не интересуясь ответом, и пошла вперед быстрым шагом. Я чувствовала, как ноги заскользили по плитке, и мне захотелось, как в детстве, прокатиться по полу.

Как сквозь вату, я услышала сумму в заоблачные сто тысяч, и, глупо улыбалась в ответ, когда агент добавил: «Не думаю, что это вам подойдет... слишком дорого»

Я завернула за угол и увидела салон люстр. Зашла внутрь, вызвав движение шестизначных ценников, многозначительно свисавших с потолка, и села на стул. Я чувствовала, что сейчас я уже совсем не в себе. И я – уже явно не та девочка в ботильонах, которая зашла к ним несколько минут назад. Что-то со мной случилось. Я села в кресло, которое стоило так дорого, что даже само немного этого стеснялось, и сказала владельцу салона люстр:

– Здравствуйте. Меня зовут Дарья, я – ваша новая соседка. С сентября буду с вами.

Мой собеседник лениво оторвался от компьютерной игры и сказал: «Буду рад». Теперь-то уж точно я не смогу опозориться. Так у нас появилась Англomanия Княжино.

Мы собрали мебель, повесили вывеску и наступил момент, когда школа открыла свои двери. Я позвала всех друзей и учеников из школы в Балабино. Мы допоздна играли в «Монополию» и веселились. Ближе к ночи все разошлись, я закрыла дверь и облегченно выдохнула: «Завтра начнется новый день, в котором обязательно будут новые ученики. Мы им поможем, и сделаем так, что у них получится достичь своей цели». На следующий день я пришла ровно вовремя, одна, в пустую школу, в которой не было пока даже администратора. Я ждала и обзванивала людей, которые хотели заниматься. Одного за другим. Я не хотела идти домой. У меня не было дома. Я готова была сидеть в офисе до глубокой ночи.

На веранде ресторана, который располагался поблизости, ужинали люди. Они с нескрываемым любопытством наблюдали за мной сквозь свои бокалы с розе. Стоял прекрасный вечер. У них играла живая музыка. Я представляла, как они лениво читают меню, потому что не так давно поели. Но тот факт, что все вокруг уже едят, заставлял их водить пальцем между ризотто и стейком. Им еще до наступления ужина было уютно и сытно, и если бы правила приличия позволяли, они бы, конечно, вытянули ноги на диване и заснули. А рядом, в стеклянном здании, девочка в дешевом ярко-розовом платье за 399 рублей, которое трещало по швам от безысходности и китайской кройки, хотя при этом выгодно подчеркивало фигуру, входила и выходила из школы, поправляя приклеенные скотчем бумажные плакаты и черно-белые шарики на входе. Им была непонятна моя суета в 22.30 вечера. Иди домой, ложись спать.

Но я не могла, в голове было слишком много мыслей. Они не давали покоя и сводили с ума. Зачем я сделала то, что сделала? Я не видела

логического объяснения своему поступку. Безумие и отчаяние наступали каждый вечер, когда заканчивался очередной день. Меня преследовали мысли о том, что я ничего не успела и все сделала неправильно.

Снова один за другим ко мне приходили администраторы, и я от всех отказывалась. Неужели я никогда не найду людей по душе? И вот, после десятка (или двух десятков?) кандидатов появилась девушка, с которой мы вместе учились работать. И потихоньку стали подтягиваться ученики, медленно, один за другим. Продажи шли с боем. Мы доказывали, что русскоязычные преподаватели ничем не хуже иностранцев. Люди сначала сопротивлялись, но потом начинали соглашаться: а куда деваться?

Вслед за английским и испанским в школе появились и другие языки. Сначала французский, потом итальянский.

Из-за удаленной локации на собеседование приезжал один педагог из десяти, и тот, как правило, с очень завышенными требованиями. Пока он ехал к нам на электричке, маршрутке, шел пешком, добирался «на переправах», его мнение о своем преподавательском таланте вырастало настолько, что нередко он доходил до нашей двери, разворачивался и немедленно уходил. Эта поездка оказывалась выше его сил.

И редко, очень редко приходили свои люди. Те самые, без которых мы бы точно ничего не смогли сделать. Свои люди приходили и становились спасением. С их появлением начинало казаться, что они были здесь всегда. Потому что работать без них было бы невозможно.

Я все меньше думала об отъезде. Помню, как в сентябре ехала на своей маленькой машинке между школами и спрашивала себя: «И что теперь? Что теперь? Когда же я уеду-то? И к кому? И куда? Когда придет тот день, когда я помчусь в аэропорт, откуда самолет заберет меня и увезет на много месяцев подальше отсюда?»

И вдруг я отчетливо поняла, что ничего этого не будет, я остаюсь. И в этот самый момент почувствовала, что успокоилась. Я остаюсь здесь, чтобы строить здесь, чтобы быть здесь, чтобы стать частью этой истории. Потому что в любой другой стране мира мои тараканы точно так же разложат свои чемоданы и начнут заниматься своими делами. От себя не уедешь, не убежишь. Иногда мне кажется, что в первый год после открытия школы я начала заново учиться жить – все было по-другому, не так, как я ожидала. Именно это чувство помогло мне стать сильнее, стать собой.

Начать свое дело не так сложно, как кажется, а потом все делятся на две группы: неудачники и победители. Неудачники бросают начатое дело, а победители доводят его до конца. Но быть победителем очень сложно. Потому что все вокруг сдаются. И когда ты видишь, что другие уходят, у тебя самого опускаются руки. Помню, как в детстве спрашивала маму: «Почему эти девочки не хотят со мной играть? – Малышка, они тебе ничего не должны»

Неудачники бросают начатое. Главное – не быть неудачником, даже если тебе очень плохо. Потому что постоянно оставлять начатое на полпути, перескакивая к другому – значит разрушать самого себя. Always be closing. Мы страдаем, когда не вырабатываем свой потенциал.

Да, мои мысли об эмиграции внезапно потеряли былую важность. Раньше меня волновала погода (как можно жить в таком климате?), бесконечные простуды (только долечиваешь насморк, как начинается новый, не говоря уже о том, что вокруг тебя болеют все) и бесконечная унылая коммуникация на две эти темы. Сейчас все изменилось. Мне все равно, какая погода за окном, потому что нужно думать про аренду и искать очередного администратора. Я больше не болела, а если простужалась, наливала вместо кофе в кружку чай и добавляла малиновое варенье. Да, меня по-прежнему интересовали разные вещи, но Англomania начала вытеснять из головы все остальные мысли. Просто другие темы становились все менее интересными. Больше того, появилась любовь к своему делу. Появилось первое восхищение, после десятка разочарований. И начались отношения с бизнесом, когда с каждым днем все больше влюбляешься в то, что у тебя получается. И несмотря на все трудности на пути, понимаешь, что бросить нельзя. Это твое.

У нас в школе случилась первая сцена ревности. Я учила английскому взрослого студента, а его гражданская жена устроила скандал, потому что он внезапно передумал на ней жениться и стал мечтать о какой-то другой жизни. Они расстались. Он поблагодарил меня «за все» и пригласил на свидание. Толком заниматься у нас уже не получалось, и я согласилась. Да, я больше не хотела никуда уезжать.

И вот мужчина, который мне очень нравился, делился своими планами на будущее, которые включали сразу несколько пунктов.

1. Приобретение двухкомнатной квартиры в ипотеку на двадцать лет всего в десяти км от МКАД (сначала маршрутка пятнадцать минут, потом всего-то семь минут на электричке до ближайшего метро, и затем тридцать минут до центра города с, всего-то, двумя пересадками, а если на машине, то *иногда* можно будет доехать за сорок пять минут до центра, но это в воскресенье ночью, без пробок...).

2. Замена выходных во Флоренции на рыбалку в Астрахани, крыш Нью-Йорка на лодки в Карелии, рынков Барселоны на поездки на машине в Тверь по причине ипотеки.

3. Покупка кухонной стенки за 300 000 рублей с рассрочкой, по пятнадцать-двадцать тысяч в месяц на шесть лет с учетом процентов (кухня за 300 тысяч нужна, чтобы друзья и знакомые видели и прониклись его успешностью, он уже показал им фотографии с сайта).

4. Смена резины его автомобиля Ford Focus на резину Audi в том случае, если его друг, работавший в Audi, сможет сделать ему скидку порядка 45%.

5. Игру в покер с его друзьями и мной, потому что когда я рядом, ему везет.

6. Потенциальную возможность того, что я переночую сегодня в его квартире, потому что он уже собрал вещи своей бывшей.

В этот момент я имитировала внимание, а сама согласовывала под столом промо-акцию Англomании. Мы впервые взяли промоутеров, вместо того чтобы выходить на улицу самим, а они не приехали. Потом, кстати, снова не приедут, потом приедут страшные, и только через пару месяцев мы научимся отбирать девочек, которым люди согласятся давать свои контакты на улице. Мы заставляли их красить губы и завивать локоны.

Бывшая девушка тоже хотела учить моего нового друга английскому, и хотя он собрал все ее вещи, она оставила ему на холодильнике все формы вопросов в настоящем времени и магнитики из Ростова и Саратова, куда они ездили на романтические уикенды. Сама идея о том, что эти города хоть как-то связаны с романтикой, казалась мне абсурдной. Я еще не до конца потеряла снобизм и ненависть к той стране, откуда я родом, просто они превратились в безразличие.

Поэтому я молча тушила кролика в вине с овощами, пока он пытался обнять меня и вместе с этим возмущался, что кролика можно было бы, конечно, купить и подешевле, чем за 800 рублей. Потом мы поужинали, и я уехала, несмотря на то, что он лег на пол и стал хватать меня за ноги, заявляя, что уже забрал мой паспорт и никуда меня непустит. Я даже не знала, какое из этих двух зол хуже: быть участницей обсуждения покупки кухни в ипотеку с ним, или же чувствовать на себе косой взгляд товарища канадца на кассе европейского супермаркета, когда он ненавязчиво, но уверенно напоминал мне, что сегодня – моя очередь платить за молоко и сыр, тем более, что он сыр не употребляет по причине непереносимости лактозы, и как я могла об этом забыть... Поэтому я решила заблокировать телефонные номера обоих. А еще, собрала все свои вещи и за сутки переехала из родительского дома в квартиру в Княжино: сорок пять квадратных

метров на одного – самое то. Я устроила на балконе рабочий кабинет и работала с утра до ночи.

У меня не было мебели и зеркала. Особенно зеркала не хватало в ванной. Хозяйка обещала купить, но пока его везли, я никак не могла привыкнуть смотреть по утрам на стенку. Поэтому я нашла старый листок А4 с каким-то счетом, написала на оборотной стороне: You are beautiful, I love you, you can do it, don't give up, don't grow up! и повесила его вместо зеркала. Чтобы смотреть на него, повторять эти слова и учить их наизусть. Когда ничего не получалось, я просто делала это чаще и громче. Я повторяла свою мантру в машине, перед сном, перед каждым разговором.

На кухне у меня висела цитата американца Джека Керуака, писателя и поэта: Live, travel, adventure, bless and don't be sorry. Но появилась она там не из-за смысла этих слов, а из-за того, что я знала, как тяжело ему пришлось в жизни и что он написал свой роман On the road за какие-то сутки. Раз он смог, я тоже смогу. Поэтому, когда мне становилось плохо, я смотрела на Керуака.

Методом проб и ошибок я изобрела замечательный способ мотивировать себя. Если какая-то задача кажется мне слишком сложной и практически невыполнимой, то для ее реализации достаточно просто поставить еще одну маловыполнимую и очень масштабную, и тогда, как ни странно, обе цели сдвинутся с мертвой точки. У Англomании было две большие проблемы: отсутствие нормального, понятного сайта и нехватка места для занятий в Балабино. Я взялась за них разом.

Сайт был моей самой большой болью в течение всего первого года работы. Мне в принципе не нравились сайты других школ, и я хотела сделать что-то особенное, но создать нечто оригинальное и красивое казалось невозможным. Мы удалили старый сайт, который я сделала на конструкторе и приступили к анализу. В общей сложности двадцать пять человек сидели и составляли подробнейший обзор порталов самых крупных школ английского языка в России, их оказалось семьдесят пять. Мы собрали в табличку все их плюсы и минусы, чтобы учесть весь этот опыт на сайте Англomании. Потом оказалось, что делать наш супер-сайт очень затратно: дело было не в деньгах, на него банально не хватало ни времени, ни сил. И все же, мы решили попробовать!

Вторая проблема была не менее масштабной. Когда одиннадцать месяцев назад в Балабино открылся первый класс, я даже не задумывалась о том, во что это выльется. К сентябрю 2014 года в

школе училось уже больше девяноста человек, и всем нам стало, мягко говоря, очень тесно.

На той самой лестнице, куда поставили перила, выстроилась очередь из родителей. Где-то в нашем здании открыли супермаркет с алкоголем и магазин из серии «все за 50 рублей», так что бедные родители с детьми оказались в одной толпе с алкоголиками и подозрительными личностями. У нас же не хватало места в двух классах, поэтому ждать урока приходилось в коридоре. И мамы отлавливали меня, чтобы пожаловаться: «Неужели так сложно взять еще один класс, мы же платим».

Я много ездила между школами в Балабино и Княжино и все больше видела разницу. Нам так повезло с помещением в Княжино, и оно было таким прекрасным, что видеть старую и грязную школу в Балабино стало невыносимо. У меня в голове постоянно возникал когнитивный диссонанс: как у меня может быть и красивая, и некрасивая школа одновременно? Я хотела, чтобы обе были прекрасны!

Казалось бы, куда уж проще – найти другой офис и переехать! Но не каждый офис подходит для школы. Школа – это совершенно особое помещение. Моя идеальная школа должна была быть огромной, черно-белой, в ней – много воздуха и стекла. Как в Княжино, только, пожалуй, как минимум в шесть раз больше. Я хотела открыть большую школу в Балабино!

А что мне предлагали? Торговые центры и ларьки, старые заводы и магазины, но Англomанией в нашем смысле этого слова там и не пахло. Я бесконечно думала о том, что же мне делать...

Я дала задание администраторам найти помещение и в конце концов мы нашли место на третьем этаже нового торгового центра, который располагался ровно в шестидесяти секундах ходьбы от станции, совсем рядом с трассой. Площади там предостаточно – аж двести двадцать три квадратных метра. Но нет ни стен, ни пола, ни даже потолка. И тогда я оказалась в обычной для меня ситуации неизбежности: когда не делать невозможно, ты начинаешь делать. Все и сразу.

Я пришла к собственнику торгового центра. Он оказался приземистым шестидесятилетним дедушкой, бизнесменом из 90-х. В его кабинете стояли кожаные кресла, покрытые большими леопардовыми покрывалами. На столе не было компьютера, только гора бумажек и научных статей. Бухгалтерами у него работали жена и дочка, которых он очень боялся и во всем слушался. Он умилился моему возрасту, назвал Дашенькой и озвучил аренду. Я радостно кивала головой, хотя это было в четыре раза больше той суммы, которую я платила за маленькое помещение. Целых 120 000 в месяц против 30! Но мне

снились гигантские прибыли и толпы народу, которые будут приходить в школу. Мы были уже готовы ударить по рукам, когда собственник заинтересовался, когда я начну делать ремонт. Я удивилась – неужели он планировал сдавать помещение *совсем* без ремонта?! Оказывается, да. Что произошло дальше, мне до сих пор не понятно. Наверное, случилось чудо. А может быть, мне удалось загипнотизировать этого человека. Я поскрипела кожаным креслом, выдохнула и просто сказала ему, что очень хочу открыть школу, но денег на ремонт у меня нет. Поэтому я предлагаю ему сделать ремонт самостоятельно и сдать мне уже *готовое* помещение, а не голые стены. Мой собеседник опешил от такой наглости и заинтересовался, где, по моему мнению, он достанет деньги на ремонт. Ведь он ищет инвесторов для помещения и сам становится инвестором не собирается.

Переговоры длились пару недель, после чего он спросил: какими средствами я располагаю. Я называю придуманную на ходу сумму в 200 000 рублей. Лишних денег у меня, на самом деле, не было.

Тогда он предложил: сложив мои 200 тысяч и его 880 000, мы делаем ремонт. Дальше я за два месяца, ноябрь и декабрь, отдаю ему 1 080 000 рублей. Я пришла в ужас – таких денег мне не заработать. Он добавил, что эти деньги я вношу с условием, что оставшиеся 1 080 000 рублей являются платой за аренду до сентября следующего года. И мотивировал это так: дескать, ему уже много лет, благотворительностью он никогда в жизни не занимался, и я – прекрасный шанс начать. Он ничего не будет зарабатывать на моем бизнесе целых девять месяцев, даст мне возможность старта, и сделает доброе дело, о котором мечтал всю жизнь.

Не знаю, кто из нас был более сумасшедшим, но я приняла его предложение. Я была как будто под гипнозом или под кайфом. Через трое суток я перевела ему 200 000, которые откладывала на расходы школы. И мы начали собирать учеников с утроенными силами.

Мой собственник выписал группу рабочих из Донецка, где в тот момент началась война. Они приехали ночью и жили буквально на бетонном полу. Мы поехали за стройматериалами вместе и боролись за каждую деталь. В результате цемент покрылся потрясающей плиткой, на которой видны треугольники, а потолки зажглись яркими огнями. Скоро мы подарим этому помещению жизнь – мы сделаем его школой. Самой лучшей школой на Земле. Мы все работаем над этим днем и ночью.

Я поехала в мебельный магазин и купила очень много столов и стульев. Я сама не верила своему заказу.

Два месяца мы строили школу. Я бросила на ремонт все силы и ресурсы. Тем временем гениальные дизайнеры днем и ночью рисовали

макеты для сайта, а я писала тексты, прерывалась, чтобы выбрать дверные ручки, снова писала, даже во сне, и во сне же разговаривала с рабочими, потом плакала над несовершенством своих текстов, переписывала, осматривала стеклопакеты, согласовывала все договора и разрешения и... В ночь с 30 октября на 1 ноября мы открыли тестовую версию сайта. Ему еще многого не хватало. Едва ли он вобрал в себя опыт всех семидесяти пяти сайтов, которые мы анализировали два месяца. Но все равно я чувствовала невероятное счастье. После стольких ночей работы, проделанной множеством людей, сайт казался долгожданным ребенком, который, наконец-то, появился на свет. Мы серьезно заморочились с фото и видеосъемкой, и первые видео о школе можно было уже смотреть, а отзывы, наконец-то, читать. Мы подробно описали миссию Англomании, простыми словами рассказали про методику, обучение на каждом уровне, про английский для женщин, пакет VIP-услуг и про все, что у нас было. Тем временем, ремонт в новой школе заканчивался. Лиз Гилберт, моя любимая писательница, рассказывала в одном из своих интервью историю про слонов. Дело было так: в момент самой тяжелой депрессии ее доктор дал ей задание выйти из больницы на улицу и идти, просто глядя по сторонам, в поисках чего-то красивого. И не возвращаться домой до тех пор, пока оно не будет найдено. Она была в таком плачевном состоянии, что с трудом могла передвигаться. И все же отправилась на поиски. Первое, что она увидела, оказавшись в центре Нью-Йорка – это толпу слонов, которых привезли в местный цирк. Они были сказочно красивы. Я использовала этот прием всякий раз, как мне становилось невыносимо грустно. Раз у меня нет слонов, на которых я могла бы смотреть, нужно было их создать.

В Балабино было очень некрасиво. При всем своем желании я не могла найти в этом городе ни одного красивого места. Поэтому я создала его с нуля, вытаскивая видение красоты из своего воображения. Я просила сделать надписи на стенах и нарисовать разноцветные треугольники. Я нанимала на работу красивых людей и заставляла их соблюдать дресс-код. Я покупала орхидеи в баночках и фотографировала преподавателей с идеальным макияжем для сайта. Я создавала красоту заранее, даже часто впрок, чтобы потом, в момент паники и отчаяния, моментально вернуться к ней взглядом, выдохнуть и успокоиться – вот она, здесь, совсем рядышком. Столько раз я уезжала из Балабино, желательно как можно дальше, в надежде никогда в жизни туда не возвращаться. Но вот что я заметила – в любом другом маленьком чудесном городке, будь то Зейст или Манга Дель Мар Менор, мне вскоре становилось так же невыносимо

тоскливо, как и там, откуда я приехала. Когда я только задумывалась об открытии своей школы, мне виделось что-то совершенно особенное. А потом оказалось, что создать особенное очень сложно. Но мы, наконец-то, сделали такой ремонт, который полностью отрывает Англomанию от окружающих помещений. Мы завезли 1 000 кг мебели. Ночью вырезали дополнительные розетки. Собирали шкафы. Раскладывали по местам учебники. Готовили праздник. Мне хотелось безумных вещей. Я писала ученикам: «В новой Англomании мы сделаем кинотеатр, танцевальный клуб, караоке и еще множество потрясающих вещей. Мы будем учить английскому и другим иностранным языкам. Мы буквально силами заставляли каждого иностранца, который покажется нам интересным, приезжать к нам. Я хотела, чтобы в Англomании работали люди со всего света, и каждый день мы проводим собеседования с новыми иностранцами. Они удивляются, но приезжают и делают каждый наш будний день ярче. Мы организуем лучшую подготовку к ЕГЭ, IELTS и сделаем блистательные разговорные курсы, которым не будет равных».

Несколько недель мы собирали повсюду плакаты и предметы интерьера, чтобы превратить Англomанию в чудесное пространство. Сан-Франциско и его магический мост, который я никогда не видела, но он мне как родной. Амстердам – в память о нидерландском языке и об этом сумасшедшем городе, в котором можно все. Рио-де-Жанейро – эпицентр свободы и воспоминание о моем недоученном португальском. Гент, где я клялась себе остаться, но так и не смогла найти работу. Рим, где я попрощалась с товарищем канадцем, и поняла, что важнее школы ничего нет. Барселона – вдохновляющая, теплая, свободная. Ливерпуль – кусочек Англии и память о «Битлах», у которых тоже не все получалось. Стокгольм – символ идеального порядка и системы, о которых я мечтала. Сидней, куда меня звал жить двоюродный брат, Австралия – непонятная и далекая, но очень родная.

Накануне открытия у нас еще ничего не было готово. Сотрудники помогали мне до последнего, но в 21.00 все разошлись, и я осталась одна. Почему-то в старом помещении школы осталась еще куча вещей, и я сделала три, четыре, пять рейсов, пытаюсь перетащить все учебники. В какой-то момент прямо на дороге у меня закончились силы, и я уже никак не могла поднять микроволновку на третий этаж. Уже без сил, я выбежала на улицу без куртки и попросила о помощи случайного прохожего, плача и смеясь одновременно.

В субботу 29 ноября мы устроили в новой школе игры для детей, а вечером организовали праздничную программу для взрослых учеников. Безалкогольное шампанское лилось рекой. Мы закатали вечеринку с мастер-классом по танцам, караоке, конкурсами и подарками. А еще,

наконец-то, презентовали четыре новых языка: испанский, итальянский, немецкий и французский. Поэтому предлагали всем добыть сладости из испанской игрушки пиньяты, учили итальянскому языку жестов, поедали французский багет на скорость, танцевали латиноамериканскую бачату, читали Гете – все это вряд ли когда-либо делали в Балабино.

Мы предлагали новым студентам получить бесплатный индивидуальный урок с любым из наших преподавателей, а еще, принять участие в розыгрыше сертификатов на обучение. Кроме того, мы привезли большую партию интересных (и простых!) книг на английском, которые можно купить.

В рассылке я написала всем подписчикам: *«Приходите, будем вместе создавать новую историю»*. Я действительно хотела создать совсем другую историю – такую, какой ни у кого не было. Я не знала, что в этот момент в России наступил кризис. Он волновал меня примерно так же же, как потоп в Боливии. Я по-прежнему жила не в России... Я жила в Англomании.

Новенькая Англomания Балабино распахнула двери для учеников, и вместо тесных офисов занятия проходили в просторных и светлых классах. А в мире бушевал очередной кризис, людей массово сокращали, на Украине началась война. Все смотрели новости и говорили о кризисе. Но на деле жизнь осталась прежней.

Не знаю, о чем думали Битлз в далеком 1965 году, когда на их концерт пришло только пятнадцать человек. Им было тяжело и страшно играть. Они думали, что гости вечера скоро уйдут. Но они не отступили и не показали виду, что им страшно. Они продолжили делать, несмотря ни на что. И поэтому стали теми The Beatles, песни которых мы слушали июльскими ночами, напевая под нос: *she loves you, yeah, yeah, yeah*.

Кризис пугает только в том случае, если ты соглашаешься бездействовать. Впасть в панику или идти вперед – выбор за вами. Единственный кризис, которого стоит бояться – это кризис идей: когда ничего не хочется и вдохновения нет. С ним нужно бороться любыми подручными средствами. И постоянно искать источники вдохновения. Заставлять себя действовать, даже если не хочется.

Бороться с кризисом мыслей можно, если удастся найти вдохновение в чем-то новом. Я искала способы побороть уныние и организовывала в новой большой Англomании кинопросмотры, вечера танцев, разговорные клубы и тренинги для преподавателей. На мысли о кризисе у меня просто не было времени.

Проезжая по сияющей Тверской, я видела вывески «аренда». Пустующих помещений становилось все больше. Слышала, что какие-то компании закрывались или увольняли до 40% штата. Знакомые знакомых испуганно шептали: «Скоро все накроется». Кто-то оптимистично предложил мне перевести цены школы в доллары. Росла паника. «На дворе кризис, Дарья. Давайте повысим цены», – говорили мне люди вокруг.

Я никогда не открывала школы, чтобы заработать деньги. Скорее наоборот: я всегда зарабатывала деньги, чтобы открывать школы. Что нужно людям во время кризиса? Им нужен ориентир и надежда на то, что все будет хорошо. Что мы обязательно справимся, как бы трудно нам ни было. Главный вопрос, который я задавала себе: что я могу сделать? У меня самая большая школа в Красногорском районе. Теоретически я могла бы сделать самые недорогие курсы без потери качества урока. Я долго считала и поняла, что это не выгодно, но мне нужно как-то привлекать людей в школу. Иначе она пустует с девяти утра до пяти вечера, когда потихоньку начинают подтягиваться первые ученики. И тогда мы сделали скидки до 55% в Англomании Балабино на группы для детей 3-6, 7-9 лет, бизнес-курс и разговорный английский. Для промо-кампании мы заказали пять тысяч флайеров-приглашений на бесплатный урок. Я в тот период находилась под впечатлением от книг по рекламе и маркетингу и думала, что просто так приглашения никто в руки не возьмет. Поэтому нужно поступить умнее: купить пять тысяч конвертов, напечатать пять тысяч писем, на них я поставлю свою подпись, положить в каждый конверт приглашение и письмо, поставить печать Англomании и перевязать красивой шелковой лентой. А еще, нужно вручать вместе с ним конфету. Тогда человек, получивший конверт, по-другому отреагирует на письмо и обязательно его откроет. Увидев письмо лично от меня, он поймет, что я настоящий человек, и скорее купит курсы. Позже моя идея провалилась: чудо-приглашения привели к нам едва ли не десять человек.

Мы делали их с утра до вечера. Трудились все до единого. Впервые за несколько месяцев школа наполнилась толпой людей – мы клеили, штамповали, завязывали, раскладывали.

А еще, мы придумали нарисовать на стенах фирменные диагонали Англomании. Все спешили, волновались и радовались. Мне даже потом снилось, как я ставлю печать Англomании в ночи. Пять тысяч подписей на письмах – это не шутки.

С утра до ночи я занималась школой и чувствовала себя здорово. Люди с серьезным лицом заявляли: после двадцати пяти лет мозг деградирует. А преодолевшие этот рубеж вздыхают – ничего не поделаешь, поезд ушел. В школе же невозможно оставаться взрослым,

в школе можно быть только ребенком. Учеником. Тот, кто учит (и учится), не постареет никогда. Нашему китаисту Валерию Ивановичу было уже за шестьдесят, а он был бодр и весел и каждую субботу вел свои уроки.

Я поняла для себя, что мы запускаем процесс собственного старения тогда, когда перестаем ошибаться и считаем себя бесконечно правыми во всем. Пока сердце открыто для нового – старости нет места.

У нас начал работать американец из Вашингтона Джефффри и китаянка Вера Ванг. Они тоже учились. Вера осваивала русский, но часто, застенчиво улыбаясь, переходила на китайский, отчего нам всем сразу хотелось начать говорить на этом прекрасном языке. Мы учили ее использовать максимум картинок для занятий. Джефффри учился жить в России и учил нас улыбаться в рабочие будни (даже если настроение плохое, потому что в Америке так принято). Я радовалась, что в Англomании появились иностранцы: наш коллектив состоял из преподавателей, на минуточку, из десяти стран мира.

Ученые пришли к выводу, что с возрастом появление новых мозговых клеток прекращается. Вместе с тем пять тысяч новых мозговых клеток рождаются в гиппокампе (а он отвечает за память и обучение) каждый день. Где же они? Ответ нашелся – спасибо крысам. Группу крыс поделили на три части: первая жила, как раньше, вторая – вела «овощной» образ жизни (только еда и сон), а третья – училась. В итоге оказалось, что природа поддерживает только те функции, которыми индивид пользуется постоянно. Поэтому если работа не требует непрерывного обучения, нужно обязательно заботиться о интеллектуальной форме, чтобы мозг не начал разрушаться и умирать. Эликсир бессмертия – в неправильных английских глаголах, так точно! Я рассказывала об этом всем знакомым и призывала ежедневно спасать свои пять тысяч клеток.

Заканчивался 2014 год. Я подводила итоги. У меня было целых две школы. И обе очень красивые. Единственное, чего у меня почему-то не было – это денег. В конце года я чувствовала упадок сил. Да, новая школа открыта, но что теперь?

Я посоветовалась со своей наставницей из бизнес-школы, и она сказала: «Напиши на листе бумаги, что в 2015 году в Англomании будет пять школ! И повесь на стене своей школы. Тогда у тебя появится новая мотивация. А если не выполнишь задачу, тебе придется распустить всех сотрудников, потому что стыдно будет смотреть им в глаза». Уволить этих людей было чем-то похуже публичного харакири, поэтому я распечатала листок, дрожащими руками вставила его в

рамку и повесила ее на стену у входа в школу. Хотя совершенно не понимала, где откроются эти школы.

2014-й был потрясающим годом. В январе в Англomании работало три человека, а через год – уже тридцать. Площадь школ увеличилась с двенадцати квадратных метров до двухсот семидесяти восьми, количество учеников выросло с десяти до ста семнадцати человек, а языков – с одного до шести (английский, испанский, итальянский, китайский, французский и немецкий). Количество подписчиков рассылки увеличилось с двадцати восьми до шестьсот десяти человек. Я встречала новый год в Бельгии, пыталась снова заговорить на нидерландском, много гуляла по Брюсселю и любимому Генту и вспоминала притчу. Один человек делал дело. Он бился, как рыба об лед, работал с утра до ночи и злился, потому что его преследовали неудачи. Ему казалось, что его проблемы куда значительнее, чем его успехи. И тогда он попросил богов: «Избавьте меня от неудач, я же так стараюсь!» Боги отговаривали человека, стараясь убедить его в том, что неудача тоже может быть полезной, но он отчаянно сопротивлялся. Тогда боги разозлились на него и сказали: «Будь по-твоему!» И дела пошли у него, как по маслу. Спустя некоторое время он соскучился и покончил с собой.

Я думала о том, что жить с трудностями куда веселее, чем без них. Нет ничего такого, что мы не могли бы сделать, если мы этого отчаянно захотим. На пути к цели нас ждет гора препятствий, выдуманных или реальных. Поэтому я окончательно решила открыть пять школ.

Урок 5. Взлет и кризис: с шести школ до двух

В какой-то момент, устав от бесконечной борьбы за выживание школы, я решила уехать на несколько дней на Кипр к подруге. Собрала купальник и босоножки в рюкзак и вызвала такси в аэропорт. Ночь, 3.30 утра. Мы стояли на балконе отеля на Кипре. Весь вечер мы пели в караоке с толпой британцев, слушали каверы Oasis в исполнении красавчика, похожего на Райана Гослинга, катались без шлемов на мотоциклах, а теперь стояли и смотрели на звездное небо, потягивая кофе со льдом на сон грядущий. Тут нам пришло в голову опробовать новое приложение Night Sky: если навести экран телефона на небо, увидишь, какие звезды находятся над тобой. Полюбовавшись созвездиями, знаками зодиака, я опустила руку с телефоном вниз, ну, как если бы собиралась писать смс. Я ждала, что экран станет черным, ведь он был направлен вниз. Но там что-то грузилось, и вдруг... Я увидела не пол – на экране телефона светилось много-много

созвездий, которые находились там, под полом, под домом, с обратной стороны Земли. Так я осознала, что Земля круглая. Убедиться в этом самому, оказывается, намного ценнее, чем следить за движением глобуса на уроке географии.

– Ты хоть понимаешь, что это значит? Под нами – не ад. Под нами звезды! – кричала я в изумлении подруге, хотя она стояла совсем рядом.

В этот момент я поняла, что живу только в своем маленьком мире, ограниченным Балабино и Княжино и совсем не мыслю масштабно. И если задуматься, зачем же, на самом деле, существует Англomania, то я бы ответила так: мы здесь, чтобы расширить границы. Более узкого мира, чем с одним языком, сложно себе представить. Гете не зря говорил: сколько языков ты знаешь, столько раз ты и человек. Теперь я стала думать о масштабе.

Дома нужно было решать две практические проблемы. Как же заполнить огромное пространство в Балабино, поскольку люди, которые просили большую и удобную школу, просто перестали в нее ходить. И, наоборот, как увеличить помещение в Княжино, где стало слишком много учеников.

Целый месяц я просила выделить мне дополнительное помещение. Мне говорили, что мест нет, хотя почти все здание пустовало. Наконец, я выгнала продавцов квадроциклов и получила еще сорок семь метров просторного холла для двух классов школы.

Конечно, нужно было еще сделать ремонт, но после эпопеи с обустройством двухсот двадцати трех квадратных метров в Балабино, новая задача казалась ерундой. Всего-то две перегородки, немного плитки, и белая краска на стены в три слоя. Цена – 100 000 рублей. Это вообще не страшно.

Поэтому я, не глядя, подписала договор аренды, закупила стройматериалы вместе со строителями и мы начали работу. Впрочем, как только мы возвели половину первой стенки, обстановка изменилась – к нам пришел охранник и потребовал прекратить. Комендант, эксплуатационный комитет, управляющая компания, вентиляционные специалисты, электрики, ремонтники, строители стен, проектировщики, сплинкерные специалисты-пожарники – это было только начало. Месяц прошел в изматывающих согласованиях с шестизначными счетами и непрерывных переживаниях. Стоимость ремонта из 100 тысяч быстро превратилась в сумму 400 тысяч рублей.

Но я в тот момент читала книгу Владимира Тарасова, у которого «нормальная организация – это всегда растущая организация», и

верила, что мы вырастим вопреки самым сложным ремонтам. И напоминала себе о том, что под нами – не звезды, а ад. Параллельно нужно было решать проблемы Балабино. В апреле месяце ко мне пришел собственник помещения. Он долго осматривался, ходил по классам, цокал языком. Я наблюдала за ним, стараясь скрыть свой страх и отвращение. В конце концов, он сказал, что дела у Англomании идут хорошо. Даже слишком хорошо. Я улыбалась и пыталась возражать, что десять учеников, которых он видит, слишком мало для школы в двести двадцать три квадратных метра, и, объясняла, что, люди приходят учиться в основном вечером, поэтому большую часть времени помещение простаивает. Но он не слушал или не хотел меня слышать. Он заявил, что передумал давать нам отсрочку на оплату аренды в счет ремонта и хочет получить обратно свои два миллиона рублей, потому что он больше не намерен заниматься благотворительностью и держать нас бесплатно. Я попробовала достать договор, но его можно было прочитать двояко, а собственник невзначай намекнул, что имеет связи в администрации города. Поэтому мне нужно вернуть ему деньги за ремонт, который изначально оплачивал он. Я открыла ноутбук и попыталась доказать ему, что у меня все далеко не так хорошо, как кажется, но тщетно. Что же теперь делать?! Я задыхалась. Мне приходилось напоминать себе о том, что нужно совершать вдох и выдох. У нас не то что на аренду, у нас на зарплату-то денег не всегда хватало. Классы простаивали. Мы делали кинопоказы, разговорные клубы, танцевальные мероприятия, открытые уроки, но учеников все равно не хватало. Большая школа – это не только собственная гардеробная, но и гора на плечах. Как же привлечь людей? Я предположила, что новая школа располагалась за переездом, а платежеспособное население жило на другой стороне. Не знаю, можно ли было быть еще безумнее; у меня уже был долг из-за ремонта Княжино, и огромный минус из-за простоя помещения в Балабино, но я решила вернуться в старое помещение и взять в аренду один кабинет. Специально для тех, кто хотел бы учиться на Институтской. Просторный класс, 23 метра со стеклянной стеной. Много света и воздуха. Супермаркет с пошлым названием «Станем друзьями», второй этаж. Ученики начали записываться. Еще мы заработали по воскресеньям. Уроки начинались с 8 утра и заканчивались после 22 вечера.

На фоне всех этих событий ко мне пришла крупная языковая школа. «Мы могли бы вас купить, – сказала языковая школа – Даже так: мы

очень хотим вас купить. Мы купим вас, и вы обо всем забудете. И больше не будет никаких проблем. Подумайте только, с какой легкостью вы станете просыпаться по утрам и чувствовать, что это бремя вас уже не тяготит. Вы будете свободным человеком. Вы сможете заниматься тем, что вы больше всего любите. А сейчас вы себя губите. Вы просто убиваете себя, и долго так не протянете».

Голос регионального представителя был убедительным, а его костюм сиял. Я была слишком напряжена, чтобы понять, что он говорит, и наблюдала за его отточенными жестами. Он был такой фирменный, что казался продуктом своей компании. Он носил безупречный костюм и фирменный ноутбук, и ручку, и блокнот. Логотип был даже на его рюкзаке. Но его пальцы чуть-чуть дрожали.

– Послушайте, это прекрасно. Я хочу привести вам пример. Вот вы – мать-одиночка. По молодости лет хотели ребенка, зачали и родили. А теперь растите его одна. Вы не спите ночами, вам не хватает денег на нянечек и вы меняете садики один за другим. Вы измучены и напряжены до предела. Представили? А теперь я сделаю вам предложение, которое вам наверняка понравится. Давайте мы заберем вашего ребенка, хорошо? Зачем он вам нужен? Заберем и порежем на куски. А вас отправим в элитный детский сад. Там куча чудесных детей. Вы же любите детей, верно? Там у вас не будет такой ответственности, и по ночам вы станете спать спокойнее. Скажите, почему вы не хотите идти воспитывать чужих детей? Зачем вам свой, если с ним столько проблем? Это же глупости»

Он вздрогнул, застенчиво улыбнулся, заерзал на стуле и стал быстро прощаться.

Наступил июнь. Мы снова проводили летнюю школу. Возле дверей Англomании валялись самокаты, велосипеды, скейты и стояли коляски. Толпы детей в классах делали проекты, пели хором, ставили сценки, играли и одерживали первые победы в шахматных партиях.

Трехлетние малыши, которые еще не умели играть, чувствовали себя обделенным, и сразу же, за один урок, выучивали названия фигур... по-английски.

Один мальчик не мог толком говорить по-русски, но уже рассказывал мне по-английски про шахматы и Вячеслава (правда, он так и не выговорил толком это имя). А кое-кто не только отзанимался свое, но и пролез в другую группу, чтобы поучаствовать еще в одном уроке, второй раз за день.

Дети учатся эмоционально. И мы выбрали для них такие занятия, которые приносят им счастье: соревнования, игры, творчество. Это

был первый авторский курс Англomании, и он дарил детям любовь к языку.

Какой должна быть идеальная школа? Какая школа может изменить жизнь в лучшем? Я задавала себе этот вопрос каждый день. И искала ответы, наблюдая за учениками, людьми, изучала примеры успешных школ мира.

На мой взгляд, идеальная школа открывает в человеке лучшее – его потенциал. А Англomания еще и обеспечивает телепортацию из сложной российской реальности в другой мир, где царит другой язык, живут другие люди. Поэтому главный комплимент для меня – услышать, что в нашей школе все «как за границей»

Я читала, что мы все, живущие в этом мире, стоим возле океана возможностей, и кто-то черпает из него чайной ложкой, кто-то кружкой, а кто-то вывозит цистерны воды. Свободное владение иностранным языком – это возможность черпать от жизни как минимум ведерком. Зачем ограничивать себя одной страной и одним языком, когда вокруг – огромный мир?

1 июня 2015 года случились сразу три события: в Англomании впервые прошел квест из шести ступеней, в котором участвовали шестьдесят человек, первые сорок учеников получили сертификаты об окончании курса, а в Княжино, тем временем, появился сто первый ученик!

Законные поводы кричать «ура!»

7 июня, в день своего рождения, я открыла еще два класса в Княжино. Ремонт и согласования заняли два месяца вместо десяти дней, и мы понесли огромные убытки, несмотря на предоплаты, собранные с желающих заниматься.

Мебель в классах пока стояла не на своих местах и пахло краской, но в них уже учились толпы детей и взрослых. Здесь было просторно, светло и уютно. Я с удовольствием наблюдала, как на площади перед школой дети играли в футбол, а на шкафу поселилась малютка-сова. И даже три маленьких кактуса на моем рабочем столе усиленно цвели и размножались от счастья.

23 июня мы организовывали первый в истории Англomании футбольный матч на английском – соревнование между учениками двух школ, Балабино и Княжино. Я так гордилась футбольной командой, хотя даже толком не знала правил игры, что все проблемы, пусть ненадолго, но отступили назад.

Внезапно я проснулась с идеей открыть еще одну школу. Ведь лист с обещанием пяти школ напоминал мне о себе каждый день. Открыть ее планировалось в Рязани. Почему Рязань? Двое наших учеников

пришли ко мне с этим предложением и были готовы вложить деньги. Я долго думала, и, наконец, решилась. В мае съездила в Рязань. Три месяца школа готовилась к открытию. Мы решили потрясти город и сделать что-то из ряда вон выходящее.

В Рязани было здорово. Это другой мир, всего в трех часах пути от Москвы. Зеленые поля, много свежего воздуха. Старинные домики и улочки. Здесь живет много людей, которые хотят получать образование московского уровня, и много талантливых преподавателей. Здание Англomании в Рязани было похоже на Княжино. Рязань вдохновляла.

Я решила взять робота-динозавра, и в день открытия школы, 1 августа, провести его по улицам в центре города. Он был совсем как живой: ревел страшным голосом и показывал клыки. Рядом с ним шел специально обученный смотритель, как из зоопарка.

Англomанию в Рязани мы планировали устроить по модели наших подмосковных школ. Какую методику ни возьми, смысл остается тем же: ходишь на уроки, делаешь домашнее задание и тратишь два года упорного труда, чтобы заговорить свободно. Затем поддерживаешь свой уровень. Предела нет.

Но вся эта работа надоедает, если не вносить в нее ничего нового. Рутинa затягивает мозг и не дает ему развиваться и совершенствоваться. Таким образом, ты оказываешься в западне – начинаешь скучать, застреваешь на месте и прекращаешь ходить на уроки.

Как-то в июле я пришла в школу и увидела, что мой рабочий стол отодвинут, чтобы освободить место для игры – мы запустили англогольф. Всюду ходили толпы учителей и учеников: в школах кипела жизнь, и, несмотря на то, что на дворе стояло лето, к нам ходили двести человек.

Мои идеи со школами – сумасшедшие. Но я говорила себе: что бы я не запланировала, если я буду повторять попытки много раз, у меня обязательно получится.

Я придумала себе новое толкование теории вероятности и назвала ее «законом больших чисел». Из сотни моих действий едва ли два или три – правильные, и я не могу поступать точнее, потому что не знаю, как это сделать.

Если у меня что-то не получилось – значит, я попробовала недостаточное количество раз. Все остальные препятствия не имеют значения.

Если посмотреть на теорию вероятностей, то невозможного не существует. Это доказано математически. Смысл закона больших чисел в том, что совместное действие большого числа одинаковых и

независимых случайных факторов приводит к результату, в пределе не зависящему от случая. Этот подход еще называют теоремой Бернулли. О ней пишут так: «Всегда найдется такое конечное число испытаний, при котором с любой заданной наперед вероятностью меньше единицы относительная частота появления некоторого события будет сколь угодно мало отличаться от его вероятности». Слово «всегда» звучало успокаивающе. У меня не может не получиться!

Чтобы поднять свой боевой дух, мы сняли безумный ролик о нашем рабочем дне. «Я не умею ни петь, ни танцевать. Когда мне было шесть лет, хореограф ставила меня перед всем классом, чтобы показать пример «как делать не надо». Этот эпизод стал началом сотен страхов. В школе на одну похвалу приходилось сто ругательств. В итоге ты постоянно боишься сделать что-то не так. Смелых людей мало. И вот наступает взрослая и серьезная жизнь, когда ты день за днем думаешь о счетах и налогах, проблемах и обязательствах. И так без конца. Заговорить на иностранном языке мешает страх. Изменить жизнь тоже страшно. Потому что перемены – это выход из привычной зоны, где было скучно, но привычно. Но текучка и быт убивают удовольствие.

Я люблю школу и нашу команду. Я часто забываю, как мне с ними повезло. Этот ролик – еще одно тому доказательство».

Мы репетировали неделю. Нашли костюмы. Выложились по полной. Хореографу Кате и режиссеру Никите за пять дней удалось сделать то, что казалось невозможным. Они научили нас танцевать, собрали команду. Мы сняли сотни дублей.

Смысл бизнеса – отдавать людям лучшее, что у тебя есть. Кислое лицо, раздражение после бессонных ночей и постоянного напряжения в этот набор не входят. И никому не интересны твои проблемы.

Иногда я забывала радоваться Англomании. У нас – два десятка детей играли в гольф на английском, был открыт набор в футбольный и разговорный клубы, новые группы стартовали каждую неделю. Даже новая фотография в рамке или новое кресло – уже шаг вперед. Повод для праздника найдется каждый день!

А я была так замотана своей целью открыть пять школ во что бы то ни стало, что не видела поражений, не видела потерь и минусов. Я как безумец, оказавшийся в Лас-Вегасе и обещавший себе потратить только 100 долларов, выиграла 10 тысяч и заложила все до последней копейки. Поэтому я сняла ролик о победе над собой. Внутри меня постоянно боролись сто миллионов сомнений и страхов, но я знаю один секрет: в эту секунду прошлое позади, а будущее содержится только в моей голове. Настоящее – это одно мгновение, и в нем я чувствую острое желание жить. Единственный, кого мне придется побороть –

это я сама. Мир – удивительное место, и как бы страшно мне не было, я хочу идти вперед.

Однажды, вернувшись домой, я разговорилась с соседом, и выяснилось, что он – управляющий в крупном бизнес-центре неподалеку. И мне в голову закралась шальная мысль открыть еще одну школу. Когда я впервые очутилась на месте, решила мгновенно: как отказаться от помещения в форме треугольника? Вот и я не знаю! Поэтому мы за неделю сделали ремонт и открыли небольшую школу с двумя классами недалеко от Княжино.

Когда у меня появилась первая школа, я опиралась только на собственные силы. Со второй помогли сотрудники. Третья школа в Рига Ленд – идея и заслуга учеников Англomании. В эти дни я писала в нашей рассылке: «Школу в Рига Ленд однозначно открывает каждый сотрудник Англomании, ученики и даже те, люди, которые год назад купили один-единственный урок. Или посоветовали нас друзьям. Эту школу открывает каждый, кто велел мне не сдаваться когда-то давным-давно»

С некоторых пор я начала замечать, что при заключении сделок, в том числе по аренде помещения, мои партнеры стали недоверчиво спрашивать: «У вас есть партнер, инвестор, спонсор, богатые родственники?» Я отвечала честно: «Нет» И тут же понимала, что вру: у меня же их уже человек пятьсот, никак не меньше! Ведь это и ученики, и друзья, и мои учителя, и сотрудники.

Но с какого-то момента мне стало казаться, что мы катимся вниз, а не поднимаемся вверх. После открытия очередной Англomании я зашла в тупик. Школы росли, а мне становилось все хуже, я оказалась в яме, и никак не могла понять, что происходит. Наш мозг развивался тысячи лет и привык работать на то, чтобы решать проблемы. Иногда мы чисто физически не в состоянии радоваться тому, что происходит вокруг. Так и я заиклилась на своей цели и пыталась достичь ее любой ценой. Ценой своих нервов, времени, зарплат сотрудников, ценой репутации, отношений с людьми, которых я перемалывала и выкидывала, выжимая, как лимоны.

Чтобы как-то восстановиться, я решила уехать. Арендовала маленькую квартирku на шестом этаже на Манхэттене, записалась на курсы для инструкторов по йоге на Бродвее от Тары Стайлз, и унеслась на другой конец света. Я думала, это поможет.

Но вернулась я в еще худшем состоянии, чем была раньше. Любимые школы приносили мне не радость, а одни нервы. Я мало спала, никого не учила, много ругала команду и посылала их матом. Бросила всех

друзей и замкнулась. Только сейчас я поняла, как мои же сотрудники старались вытащить меня, не бросали и были рядом. Но тогда я почти обращала на них внимание.

Я открыла дверь квартиры своих родителей. Да, у меня все нормально. Да, развиваемся, все хорошо. На каком-то из вопросов, по сути не имеющем никакого значения, я рухнула на кровать и начала рыдать. Мои мысли были горькими: «Все хотят только денег! – А чего от них хочешь ты, разве не того же самого? – спрашивала я саму себя. Поступай с миром так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Я не могла успокоиться.

С тех пор я плакала всюду. Внутри все болело и нервы не выдерживали. Я плакала, нанимала, увольняла и снова плакала. Бухгалтер методично посчитала мои финансовые косяки. Только почему-то она не сказала мне о них заранее, а просто поставила перед фактом. За свою блажь открыть большую и красивую школу в Балабино я заплатила сполна, только не своими, а чужими, еще не отработанными мною деньгами. «Мы не готовы больше кредитовать вашу школу», – говорили мне лучшие преподаватели и уходили. Дома я падала на диван без сознания. То, что я любила больше собственной жизни, стало пустотой, сжирающей меня. В моей жизни не осталось больше ничего, и бизнес превратился в страшную игрушку, которая съедала меня изнутри. Find what you love and let it kill you. Мои школы меня убивали.

Моя ошибка была в том, что я потратила деньги, которые не заработала. Деньги, на которые я не имела права. Я узнала об этом, только подписав договор сразу на две новые школы – Рига Ленд и Маяковскую.

Я сыграла в русскую рулетку, проиграла, и у меня не было сил продолжать дальше. Мне просто не хотелось жить.

Сил не было не только на то, чтобы развивать школы, их не хватало на жизнь. Мне казалось бессмысленным просыпаться с утра и куда-то ехать. Долг рос с каждым днем.

Близкая подруга привезла мне пачку денег – миллион рублей в долг без процентов. Я смотрела на ровные, пахнущие банком и спокойствием пятитысячные купюры, держала их в руках, и не понимала, как бессмысленно мучаю и убиваю себя ради того, чтобы их получать.

Я превратилась в некоторое подобие амебы, передвигающейся медленно-медленно, только ради того, чтобы есть и спать. Но денег не хватало, на последние сто рублей я покупала себе еду и думала о том, какая я дрянь.

Острый приступ ненависти охватил меня. Ненависти к себе. За каждый малейший промах, например, встать не в пять, а в восемь утра, мое сознание пронзали иглы злости. Я увольняла за малейший промах, просто так, начала материться, как сапожник. Я ругала себя, других, ожесточилась невероятно. Перестала доверять кому бы то ни было, даже себе больше не верила. Я приезжала в школу, ругалась и уезжала в ярости, приступы которой не отпускали меня.

Когда я вспоминала ушедших сотрудников, на меня снова нападали демоны злости и я готова была отодрать фотографию от стены вместе со штукатуркой, лишь бы не видеть их лица.

Деньги превратились в смысл жизни. Без них плохо, с ними плохо, постоянно плохо. Я стала закрываться от людей. Есть без разбору все подряд. Просыпать встречи. Прожигать допоздна время в социальных сетях. Врать сотрудникам, что мои дела подорвал финансовый кризис в стране.

У меня не было денег на обувь, но я шла в хороший ресторан, чтобы не казаться себе бедной. Общаясь с людьми, я замыкалась и могла говорить только о своей компании и о себе.

Финансовая анорексия – кажется, так это можно назвать. Или булимия. То же, что когда-то происходило в моих отношениях с едой, начало пожирать, поглощать меня изнутри. Жизнь покидала меня. Я смотрела финансовые отчеты и отказывалась верить своим глазам: цифры стремились вниз.

Треугольная школа в Рига Ленд. Мне казалось, что помещение в виде треугольника с наклеенными треугольниками на стенах – это хороший знак, и на такие мелочи, как маркетинговые ходы, не стоит обращать внимание. И надо было срочно заработать денег, чтобы закрыть настигающий меня кредит. Денег не было. Я была настолько ослеплена идеей прибыли, что все остальное перестало иметь какое-бы то ни было значение.

Я сидела в школе целый день, пока не поняла: и ее тоже придется закрыть. В тот вечер я медленно ехала домой, медленно заходила в квартиру и изо всех сил старалась не ложиться спать. Потому что казалось, что если день закончится, значит, пропадет последняя надежда спасти утопающего – школу, которую я любила.

Моя гипотеза не сбылась: я надеялась, что школа в Рига Ленд поможет исправить сложную ситуацию, возникшую из-за закрытия очень большой школы в Балабино, но в итоге ничего не получилось. Мы все делаем ошибки, как и в изучении иностранных языков. Единственное, что имеет значение – продолжаем ли мы пробовать снова. Мне предстояло изобрести свой бизнес заново.

Из счастливого учителя, которого все любили, из азартного предпринимателя с огоньком в глазах и безумно счастливой улыбкой, из человека, который был постоянно на виду, я превратилась в угрюмого мрачного надзирателя, который по восемь часов в день сидел за компьютером и согласовывал емейлы. Я ничего не делала, только отдавала приказания, и от этого на душе было противно. Я почувствовала, как с пальцев заживо слезает кожа: просыпаешься и даже ночью видишь, как они покраснели. Руки покрылись белыми волдырями, и из них текла прозрачная жидкость и кровь. Удивительно, как человеку с такой шаткой нервной системой удалось открыть бизнес?

Но у меня никогда не было вопроса: «зачем я это сделала?» Другого способа развития у меня просто не было. Так же, как и дерево не спрашивает, зачем ему сбрасывать листья зимой и снова обростать ими весной. Почки появляются потому, что дерево не может не расти. Это – живой организм.

Меня мучила совесть за открытие школ, и я не знала, куда себя деть. В каждую минуту времени я спрашивала себя, довольна ли я, и ответ всегда был отрицательный.

Я видела, как в школе идут уроки, но постоянно чувствовала себя несчастной. Я уходила и пряталась от людей, потому что мне казалось, что в любой момент они могут забросать меня камнями с криками: «Ты должна нам деньги!»

Любая итерация в магазине, даже покупка носков, причиняла мне боль. Мне было страшно открыть кошелек и отдать даже 50 рублей, потому что я думала о внутреннем долге своей компании и он сводил меня с ума. Я обложила бесконечными списками дел и планами, но они не помогали. У меня не было сил и желания одеваться, мыть посуду, выходить из дома. Дни казались месяцами. Я лежала, заваленная книгами, документами и счетами.

В какой-то момент моего кошмара я поняла, что внутри меня живут три личности. Мне понадобилось 25 лет на то, чтобы отыскать и определить их, но зато теперь я знаю, кто я. Это полезно: если ты не понимаешь, кто ты, зачем ты в этом мире и сам себе не соответствуешь, тебя не спасут ни путешествия, ни еда, ни деньги, ни секс. Итак, я – предприниматель, художник и учитель.

Предприниматель – самопровозглашенный лидер, идеолог, навигатор и здравый смысл в одном лице. Предприниматель руководит Англomанией, генерирует идеи, продает и продвигает школы. Любит писать списки и делать все по порядку. Собирает команду людей

лучших, чем он сам. Любит минимализм и пользуется специфическим чувством юмора. Кроме того, предприниматель еще и философ-экзистенциалист, он постоянно задается вопросом: «зачем я живу?» Учителю жизненно важно постоянно учить и учиться везде. Хлебом не корми – дай записаться на курсы. Он постоянно ищет новые способы объяснять одно и то же. С легкой руки учителя я с наслаждением буду рассказывать о present simple снова и снова. И зарюсь в недра настроек Яндекс Директ, чтобы хорошенько в них разобраться. Стану инструктором по йоге. И поеду по университетам мира искать лучшие идеи для Англomании.

Художник – натура творческая, а потому ранимая. Это перфекционист с тонкой душевной организацией. В английском понятие the artist – собирательное. Это и писатель, и иллюстратор, и дизайнер, и актер. Он пишет текст рассылки и тут же уничтожает написанное. Рвется уволить сотрудницу за ядовито-салатовую маечку и сросшиеся брови, потому что это оскорбляет его чувство прекрасного. Плачет ночь из-за того, что какая-то коробочка в школе криво стояла. Волнуется из-за того, что обои – оранжевые. Доказывает прорабу, что дверная ручка может выглядеть только так, как художник ее изобразил. Он замечает все, даже облетевший лак на ногтях и нервничает от того, что на кофейном автомате пятнышко. Художнику нужны две вещи: чтобы было красиво – это раз. Чтобы дали бумагу и ручку и оставили одного – два.

С переменным успехом предприниматель пытается контролировать художника и учителя. Художнику он приказывает заткнуться и начать работать в нормальном графике. Художник каждый раз ставит условия: «О'кей, работать до трех утра сегодня не будем, но или школа выглядит *только* так, как я решил, или я в этом не участвую»

Учителя предприниматель понуждает сократить преподавание в пользу других дел и составления списочков. Учитель в таких случаях берет с предпринимателя страшную клятву вроде «в субботу вечером *обязательно* напишем учебную программу по каждому языку в школах». Предприниматель легко соглашается, зная, что учитель падок на такие вещи, как ледяное шампанское и манговый кальян. По крайней мере, в субботу вечером.

Иногда они работают все вместе. Например, рассылка ученикам и партнерам пишется так: со среды на четверг вся троица садится и с упоением строчит текст. Художник руководит и волнуется, подыскивая в интернете подходящую картинку, зануда-предприниматель ковыряется в словаре синонимов и убирает лишние буквы, а учитель думает, как свалку слов превратить в полезный текст. Рассылка пишется от двух часов до пяти дней.

Последние полтора года предприниматель открывал школу за школой и гулял как мог, художнику отдали писать рассылку, закупать мебель и искать места для школ, а учителя забили ногами и оставили ни с чем. В августе единственный ученик уехал, и педагог взвыл и впал в затажное расстройство, вынося мозг остальным двум товарищам. И вот он начал требовать для себя хотя бы одну группу и разговорный клуб. Ему плевать на планы предпринимателя и текст художника, он требует свои уроки. Поэтому я снова начала учить. На уроках я выводила телефон в авиарежим, выдыхала и становилась собой.

И все-таки йога немного привела меня в порядок. Я приехала с несколькими свежими мыслями и закрыла Англomанию на Вокзальной, отказавшись повышать цены из-за того, что нам безбожно повысили аренду. Я решила держать адекватную стоимость, поэтому мы закрылись и оставили школу на Институтской.

Я сделала все, что могла, и с чистой совестью оставляла школу на Вокзальной. Двести двадцать три квадратных метра опыта. Всем, кто был с нами, участвовал, поддерживал, собирал мебель, покупал уроки, терпел переезд, верил в нас – спасибо. Всем, кто был против, мешал, всем, кто ушел, кто превращал мою жизнь в ад – тоже спасибо, это хороший урок.

Я не жалела ни секунды о потраченном времени, но мне было чертовски жаль уезжать. Я лично выбирала каждую мелочь и любила каждый миллиметр. Я знала, что размер узеньких щербинок в плитке специально такой, чтобы виднелись треугольники. Слева по коридору – картонные силуэты деревьев, украшенные фотографиями, на которых были засняты события из истории школы. Кресло, которое я сама тащила в метро. В учительской в рамке любимая фотография учеников. Я знала, какой ламинат на ощупь. Я любила холл, где мы танцевали под Uptown funk. Я помнила каждую секунду жизни этой школы.

Я отчаянно копила на ее ремонт. Ночами искала способы собрать деньги. Мы сэкономили каждую копейку. Мы сами все построили. Наш старший администратор Ирина нарисовала 3D модель и придумала удивительную конструкцию школы, в которой было много света и пространства.

Нам не привезли кулер на открытие и я поехала в гипермаркет и тащила оттуда воду, а Маша – ящики печенья.

Ночью накануне дня открытых дверей мы переводили цитаты на стены и красили диагонали.

Я выбивала нам скидку за рекламу, и пока мы ждали очереди на рекламный щит, обклеивали Балабино партизанскими баннерами. Я закатила скандал соседям с первого этажа, потому что мне не нравилась музыка, которую они слушали: радио «Юмор FM» и «Comedy Club». Я же мечтала идти по коридору и слышать Dido, чтобы мелодии отзывались в сердце. Я принесла им на флешке многозначительную песню о life for rent, но они отказались. Сказали, что не понимают, о чем это. «Dido поет о любви к жизни, ребята. Учите английский»

Потом не работала вентиляция. Затем начали регулярно отключать электричество, и мы бегали за свечками в магазин «Смешные цены». Романтично, но холодно.

Интернета не было. Мы рубили кабель через березу, чтобы провести оптоволокно с соседней улицы. Оплатили пятизначный счет. На следующий день пришла претензия по поводу березы: кабель проложили криво.

Следом протек потолок, мы подставили тазик. На потолке появились желтые пятна. Вентиляция не работала, мы задыхались.

Кондиционеры оценили в 500 000 рублей, но таких денег не было.

В этой школе мы вручали сертификаты любимым ученикам.

Устраивали мастер-классы по танцам. Вели летнюю школу. Ставили детские спектакли. Общались с родителями и детьми.

Здесь нам назло под дверь подкидывали мусор и чуть не выписали штраф в 40 000 рублей за найденный сигаретный бычок. И настойчиво требовали денег, денег, денег. Однажды в школу пришел пьяный человек с пилой наперерез и ринулся ко мне в кабинет. Пришел устраивать жену на работу.

Я приходила домой, падала на диван и плакала от усталости, чтобы утром продолжить. Я работала по четырнадцать бессмысленных часов в сутки, забыла о выходных и друзьях и жила в постоянном напряжении из-за аренды.

У нас была золотая команда. Мне повезло. Было тяжело, но никто ни разу не упрекнул меня в том, что переезд надоел или тяжело добираться. Каждый поддерживал и помогал чем мог.

Я вспоминала об этих трудностях и понимала, что это было круто. Больно и страшно, но это урок и опыт. Девять месяцев работы школы – девять кругов ада и сумасшедшей работы.

А впереди – я знаю это точно – шаг к новым великим делам, новой любви и новым победам. В сложное время стоит помнить, что беды закаляют характер. Чем хуже, тем лучше. И если из каждого события извлекать урок, то здесь он прост: иногда проигрыш – тоже маленькая победа, потому что он ведет к свободе.

Как ни странно, эта история имеет прямое отношение к изучению иностранных языков. Если вы давно его учите и у вас все равно не получается, настало время сменить школу и педагога, а может и учебник. Потому что у вас не может не получиться.

Я писала очередное письмо ученикам и обещала им открыть школу в Москве. Хотя я понятия не имела, как это сделаю со своим долгом.

И тут появился Андрей. Моя однокурсница посоветовала мне своего друга – хорошего, по ее словам, преподавателя по английскому и немецкому языку. Я подумала и согласилась на встречу. Андрей оказался очень серьезным и порядочным человеком. Я предложила ему начать преподавать в Нахабино, но он хотел работать в моей школе в Москве. Такой вариант пока не планировался: не было ни денег, ни желания оказываться в самом пекле среди десятков школ, при том, что я, собственно, не могу предложить людям ничего особенного. И вместе с тем, какой хороший педагог...

– Так когда я смогу приступить к урокам в Москве? – вежливо поинтересовался Андрей.

Я собиралась ему отказать, но почему-то язык не повернулся, я просто не смогла этого сделать.

– Я думаю, что с сентября.

Не знаю, кто ответил вместо меня, потому что я в тот момент явно была не в здравом уме и доброй памяти, если стала раздавать подобные обещания.

Мы добавили друг друга в социальной сети, и все лето, каждый понедельник, я видела в Фейсбуке сообщение: «Когда я смогу начать работу?»

Мы говорили с Андреем в мае, когда я отчаянно пыталась свести концы с концами и никак не могла понять, как же мне это сделать. И вот, я узнаю от подруги о том, что ей не подошел маленький офис в районе Патриарших.

Я поехала туда. Стоимость аренды слишком высокая. Место неподходящее. Вывеску повесить нельзя, и приходилось уповать только на несуществующую интернет-рекламу. На самом деле, это была не школа и даже не офис, а номер отеля на четвертом этаже бизнес-центра. Ванная и кухня. Огромный диван и один длинный стол. Если ванной комнате я никак не могла найти применение, то на кухне решила отметить начало учебного года, приготовив ужин для всех желающих.

Не знаю, в какой именно момент здравый смысл изменил мне, но я согласилась на это помещение так же, как соглашалась на все

предыдущие. Меня не насторожила неудобная локация, странная ванная комната и еще десяток предметов: фотографии полуголых людей, бокалы с двойным дном, гипсовая медуза и кресло с матрешками. Мне просто хотелось школу в Москве. Этот старинный особняк ждал нас с 1856 года. Так ждал, что даже поначалу открылся как школа – Комиссаровское техническое училище для мальчиков. Но ученики к нам не шли. Я приезжала в школу до начала пробок, в 6 утра, падала на диван и спала до 8. В какой-то момент я вспомнила Томаса Эдисона и его десять тысяч попыток сделать лампочку, и сообщила своему администратору, что не сдамся, пока не найду десять тысяч способов прорекламировать свою школу в Москве, даже если у меня не будет на это ни одного рубля. Есть же книги про безбюджетный маркетинг, неужели там не найдется ни одного решения?

А еще, я пошла на занятия боксом. У тренера, к которому я попала, было всего две команды: «терпеть» и «попадать». Когда у меня не было сил выдержать последние пятнадцать секунд, он кричал: «Держаться!» Когда я промазывала – велел попадать. Он говорил это так уверенно, что эти две команды въелись мне в мозг. Теперь я знала, что такое терпеть: нельзя сдаваться, не завершив дело. Я обложилась мотивирующими книжками и статьями и поглощала их на завтрак, обед и ужин.

И все же, я понимала, что упала глубоко. Все, что я замечала, меня бесило. Скучающие пары. Бессмысленные фотографии в соцсетях. Я видела, как люди позевывают и мечтают уйти пораньше с работы. Мы ехали с лучшей подругой в машине и застряли в пробке. Я стала рыдать и орать на нее: «Мне плохо! Мне скучно! У меня ничего не происходит! Неужели ты не видишь, как мне тяжело? Что мне с этим делать?» Я билась в истерике до тех пор, пока таксист слева не начал тактично гудеть, как бы намекая, что поорать я смогу, когда проеду Тверскую и белую площадь потому, что светофор горит всего 60 секунд.

Я ходила к своему бизнес-наставнику, священнику и психоаналитику. Наставник велел думать о школах, священник – о людях, психоаналитик с ним согласился и, на всякий случай, наорал на меня последними словами – я думала только о себе.

Я проходила мимо людей в пустых салонах и ужасалась их одиночеству. Я думала о том, как воспринимают собственники их помещений тот факт, что клиентов, а значит, и выручки нет. В одном

салоне на меня пахнуло страхом так сильно, как будто бы только что случился взрыв. Страх лез изо всех щелей.

Я видела через окно, как администратор лениво позевывает и медленно перелистывает тетрадку с записями. Как собственник в панике сидит один в пустом офисе. Мне хотелось закричать ему: «Эй, ты там, не отчаивайся пожалуйста! Борись! Борись! Если ты захочешь, все получится, с ними или без них»

А люди продолжали писать мне в социальных сетях: «Какая вы молодец», «Как вы все успеваете» и даже «Вы мотивируете меня открыть свой бизнес!» Сотрудники ненавязчиво намекали, чтобы я соблюдала трудовой кодекс и не задерживала зарплату, а мне хотелось послать все подальше и уехать к морю, чтобы опустить ноги в горячий песок.

Только в глубине души я знала, что море на этот раз не спасет. Меня не спас счастливый сияющий Кипр, не спас Нью-Йорк, я изживала себя изнутри, ругая за малейший промах. Я поняла: все проблемы, злость, недовольство собой поедут вместе со мной, они залезут на тот же рейс, терпеливо с пересадкой долетят до пункта назначения, чтобы в ту же ночь, когда я, усталая, опущусь на гостиничную кровать, в ту же ночь, сесть на ее краешек и сказать: «Как ты, тварь, смеешь лежать здесь, когда у тебя не все в порядке? Лежишь?! И не стыдно тебе?!» И сколько бы раз я не писала о том, как мне плохо, решить проблемы могут только конкретные действия.

Когда я падала на пол, надежд не было никаких. Весь мир превратился в темную вязкую слизь, в которой я увязала все глубже и глубже. А люди вокруг продолжали жить. Если у меня не получится, ничего не изменится. Мир не накроется медным тазом. А мне казалось, что наступит апокалипсис. Но жизнь шла, как обычно. Все было в порядке. В том порядке, который был до меня и будет после меня. Ничего нового не произошло.

Наконец, в какой-то момент я поняла, что я могу попробовать еще раз. Всегда есть возможность сделать еще один шаг. Если нет сил идти весь путь, и, наверное, мало у кого они есть, для еще одного шага они точно найдутся. Я поняла это, вспомнив о своей скрипке.

Дело было так. Родители решили записать меня в музыкальную школу. Я хотела играть на арфе, но ее в маленькой областной музыкальной школе не оказалось, и мне предложили скрипку, вероятно решив, что я не увижу разницы. Скрипку я решила бросить буквально на следующий день. Правая рука и смычок совершенно не сочетались друг с другом, не слушались и хотели жить отдельными жизнями. Когда тебе всего восемь лет, и ты левша, тебе невыносимо сложно играть на скрипке

правой рукой. И поэтому ты привыкаешь выносить такой уровень страданий, о котором и помыслить раньше не мог.

Весь следующий год я училась играть «щипком». Учительница бесилась, но отказаться от меня не могла, а мне запретила отступать мама. Моя сестра когда-то бросила «музыкалку», и мама решила, что мне этот опыт повторять нельзя.

В то время, когда все дети уже могли сыграть смычком, я все еще «щипала» скрипку. И на отчетном концерте, когда мои одноклассники уже играли перед родителями несложные пьески, я была единственной отстающей. В тот момент я утвердилась в мысли, что со мной точно что-то не так. Но мама не разрешала все бросить, и я осталась. На следующий год на том же концерте я стояла и играла дрожащей правой свои первые скрипучие пьесы.

У меня не было возможности отступить назад. Я слишком боялась расстроить маму, чтобы бросить скрипку, да и сама уже не хотела сдаваться. В конце концов – да, я хотела бы сказать, что у меня начало получаться, но давайте по-честному – в конце концов, мои «партии» стали звучать не безобразно, но терпимо.

А еще, я знала, что иногда нужно просто дожить до конца дня.

Стратегия и планирование – это важно. Но временами тебе нужно просто протянуть до 22:00 и при этом не сойти с ума. У тебя есть что-то самое важное, вот и делай это день за днем. Мне близка мысль о том, что школа тоже любит меня и что бизнес может быть таким же искусством, как музыка, рисование и написание книг. Что урок может быть произведением искусства. Поэтому в наших школах все так строго и красиво. Мы скорее похожи на музей. Музей – это храм, в котором преподаватели показывают самое красивое, самое лучшее, что у них есть.

Если наступит момент, когда ты прекратишь попытки, тебя накроет волна депрессии. Но эта волна, как на море, схлынет. Поэтому нужно определить, что для тебя самое важное, и делать это с утра в первую очередь, чтобы не умереть. Если откладывать самое важное в долгий ящик, то каждый день внутри тебя будет накапливаться маленькая обида и усталость. Они будут постепенно расти все больше и больше.

И вот наступил конец августа. Это был не август, а год Бэтмена. С семи утра я сидела в своей новой школе на Маяковской, обложенная сверлами и гвоздями, в маленьком кресле-неваляшке и писала план продаж.

Я позвала туда всех, кто хотел учиться в нашей школе в центре Москвы. Мы сделали огромное количество рекламы, а я – еще и

званный ужин. Не помню количества блюд, но одних только помидоров было пять видов. Я очень нервничала, потому что прийти обещали человек пятьдесят, никак не меньше. Мне очень хотелось, чтобы все прошло хорошо, на высоком уровне.

Из пятидесяти ожидавшихся учеников пришел один. И пять наших педагогов. И Андрей, который так просил эту школу.

У нас не было желающих заниматься. Я не знала, куда они делись. Почему-то все поздравляли меня с открытием, но никто не пришел.

Школа *не на первом этаже* – от лукавого. Это я запомню навсегда. Мы работали на Патриарших полгода, вплоть до 30 декабря.

Я была решительно настроена иметь пять школ. В школе в Балабино, которая вернулась в старое помещение, опять не хватает места для уроков, поэтому я решила сделать невозможное: пробить дыру в стене, хотя конструкция торгового центра этого не позволяла и на нас мог упасть третий этаж. Собственник был против, но мы вызвали строителей и протаранили стену. Это было символично.

В школах полным ходом шла подготовка к новому учебному году. В Княжино двигали мебель в классах и наводили красоту. В Балабино ремонтировали Институтскую, чтобы окончательно переехать туда из большой школы и вместе с тем компенсировать тот факт, что места будет снова слишком мало. В Рига-Ленд вешали шторы, чтобы ученикам не приходилось носить с собой солнцезащитный крем. А в Москве уже все было готово к открытию.

Мозг, ленивая сволочь, изо всех сил старался прикрыться оправданиями для того, чтобы ты не развивался, а тянул маленький бизнес на уровне сельского ларька в тьмутараканской области. Я не хотела быть ларьком. Поэтому я открывала школу в Москве.

Я вспоминала, как в детстве дважды тонула. Помню, как вода захлестывала легкие, я шла ко дну и боролась, чтобы вытолкнуть себя наружу. Безразличие сменялось острым желанием победить воду и сопротивляться ей, во что бы то ни стало. Я пыталась дать знак тем, кто на берегу, что меня надо спасать. И кричала сквозь воду. А потом, пару лет спустя, братья учили меня плавать и кидали с разбегу в глубокий ледяной бассейн. Было страшно, но научилась я довольно быстро. Помню свой страх, когда я летела в бассейн, панику от ледяной воды и одно-единственное желание, когда шла ко дну: выбраться во что бы то ни стало. Сегодня я очень рада, что тонула тогда.

У меня официально пять школ. Я достигла цели, к которой стремилась. Знакомясь с людьми, я могла с гордостью говорить, что у меня сеть школ и франшиза. На моей голове появилась незримая корона,

которую я с гордостью всем показывала. Только почему-то мне было по-прежнему не радостно.

Мы страдаем, когда недорабатываем свой потенциал. Открыв пять школ, я пришла к бесконечной скуке. Мне было скучно существовать. Все мое внутреннее состояние противилось моему окружению. Я хотела что-то делать и не могла, часами пропадая в компьютере. Внутри меня было какое-то смятение, я хотела чего-то и не могла даже себе толком объяснить, чего же я хочу. Я хотела смысла, и я чувствовала, что недорабатываю свой потенциал на тысячу процентов. Что я могу дать людям, чтобы помочь им? Этот вопрос не давал мне покоя.

Меня тошнило от цифр. Депрессия не отступала. Я не понимала, кому и чему верить.

«Прекрати жаловаться, – говорила я себе, вспоминая слова Лиз Гилберт. Мир не виноват, что тебе приспичило быть предпринимателем. Миру вообще некогда любить твой бизнес, и он не должен платить тебе за то, что ты исполняешь свои мечты. Никому неинтересно это слушать. Делай что хочешь, но прекрати жаловаться и возвращайся к работе».

Я решила переехать из Княжино и нашла старую, разваливающуюся квартиру в центре Москвы.

– Скажите, кто здесь жил?

– Поколение женщин-архитекторов. Они рисовали, читали, писали книги, создавали вещи, проводили творческие вечера, а на кухне мечтали о поездке в Америку.

Квартира была завалена пожухлыми, желтыми макетами каких-то сооружений и полусломанной мебелью. Пол был устлан листами бумаги.

– Хм, они все здесь умерли?

– Нет, здесь никто не умирал.

– О' кей, – сказала я и переехала.

Выгребла три сотни килограммов старых вещей, покрасила стены в белый цвет. И ничего, начала жизнь снова. Писала на подоконнике. Пила там же литры чая с мятой. Завела диван и библиотеку из трех книг: Дейл Карнеги, Сунь-Цзы и вечно недочитанный Макиавелли. Никогда не сдавайся. Ты не знаешь, где тебя ждет твой следующий шанс. Каким он будет. Для кого он будет. Просто продолжай, несмотря ни на что. Я ходила в школу на Маяковской пешком и бесконечно прокручивала в голове эту мысль, чтобы не сойти с ума и не опускать руки.

В Княжино все приходящие требовали носителей языка. Мы могли предложить только русскоязычных педагогов, потому что у нас не было денег, чтобы привезти высококвалифицированного специалиста из заграницы. Люди устраивали скандалы и требовали иностранцев. Телефон разрывался: «Дарья, мне нужен носитель. Привезите мне британца/швейцарца/австралийку. Немедленно»

Я села изучать, кто такие носители, откуда они берутся и чему нас учат. Просмотрела тысячи резюме и провела сотни собеседований, плюс проанализировала семьдесят школ Москве.

Со времен Петра Первого в Россию едут строители, певцы и плотники. Это не педагоги. У них нет педагогического образования. А я видела много, много резюме. Настоящие учителя, чаще всего, никуда не уезжают. Они и так хорошо зарабатывают.

Статус «сертифицированного носителя языка» получить легко и недорого. Этот экзамен можно сравнить с тестом на получение водительских прав. Выше всего котируется сертификат CELTA. Он стоит \$2000 и дает вам право преподавать везде. Чтобы получить CELTA, нужно много учиться – целый месяц.

Всего 5% приезжих иностранцев имеют опыт преподавания больше года, но работали они с иностранцами, а не с русским. У нас – другая грамматика, менталитет, скорость понимания.

Проработав год в школе, иностранцы уходят во фриланс и становятся репетиторами. Их зарплата увеличивается в два раза, но у них нет ни программы, ни методического контроля качества уроков. Они преподают так, как хотят, не готовятся к урокам, иногда «вешают лапшу на уши». Репетитор без школы и контроля деградирует. Ученики этого не поймут, а если поймут, то решат, что виноваты они сами: «Я год училась у американца, но мне не дается язык». Вот типичный вывод, который делают люди. А носители по два-три года «разводят» своих учеников на деньги.

Репетитор-иностранец будет полезен, если вы ищете человека, чтобы поболтать. Но это можно сделать бесплатно: подружиться с носителем и регулярно совершать рейды по барам. В Москве полно экспатов.

Также носитель пригодится для разговорных клубов и групп по интересам. Для продвинутых уровней вроде intermediate и выше – тоже полезно, но опять же, очень важно сочетать эти занятия с работой с русским педагогом. Некоторые intermediate не знают, как они там оказались – у них нет ни понимания грамматики, ни грамотной речи.

Через года-два года носитель уезжает из России в другую страну, потому что он «устал», «в Гонконге больше платят» или просто I'm homesick. Вы никогда не можете всерьез на него рассчитывать – он

постоянно собирается на каникулы домой. При этом каникулы наступают как угодно часто.

Талантливый педагог, как и художник – не стяжатель. Деньги для него важны, но они – не главное. Иностранцы приезжают в Россию в основном на заработки и часто шантажируют меня во время уроков, постоянно требуя повысить зарплату. Я называю таких сотрудников террористами. Они замечательно общаются со всеми вокруг, но потом отводят меня в отдельный уголок, закрывают дверь и начинают требовать срочного повышения зарплаты, иначе они встанут, развернутся и уйдут вместе со всеми учениками.

Я же охочусь за людьми с позитивной энергетикой. Учитель должен бодрить нервную систему, а не угнетать ее.

Лишь с 1-2% приезжих педагогов можно интересно работать. Я ищу этих педагогов и приглашаю к нам, но мы только в начале пути. Я пыталась донести эту нехитрую мысль до наших учеников и потихоньку нам начинали верить.

Когда ты с легкостью воспринимаешь собственные неудачи, тебе становится проще встретиться с ними лицом к лицу, и победить их. Когда я училась играть в гольф, я размахивала клюшкой в сторону мяча и била ею о землю. Но как только перестала думать о результате, тренер сказала, что у меня получается гораздо лучше, чем у других новичков. Поверив тренеру, я попала по мячику.

Интересная идея – радоваться неудачам, ведь каждая из них на шаг приближает к победе и делает нас сильнее и лучше. Но победы, даже самые маленькие, тоже нужно праздновать. Когда ученик признает прогресс, он лучше запоминает уроки. Результат не замедлит себя ждать.

Я старалась задавать себе вопрос «что я могу сделать, чтобы у меня получилось?» вместо «почему же ничего не выходит?» Этот вопрос мне очень помог. Когда я анализировала ситуацию, я понимала, что во-первых, мне категорически не хватало времени. Время превратилось во внутреннего врага. Я постоянно говорила «не хватает времени», «нет времени», а «я зашиваюсь» стало мантрой.

В детстве его хватало. Я вставала до школы в пять утра, обкладывалась книжками из папиной библиотеки и читала запоем. Но чем старше становишься, тем меньше остается времени. Мы стараемся выиграть гонку у часов и минут, урывая от них куски. Когда появляется лишние полчаса в среду днем, наступает приступ паники. Срочно в Facebook, придем тридцать минут жизни! Хотя время – единственный невозполнимый ресурс.

Мы боремся со временем и вместе с тем мечтаем, чтобы оно появилось. Тайм-менеджмент умер. Выпустили первую, вторую, сотую книжку об управлении временем. Я обкладывалась десятком ежедневников, перенося списки дел из первого во второй и составляя такой план на день, что и за месяц не переделать. Слева на столе лежал список из семидесяти пяти пунктов. Однажды я выполнила каждый его пункт, потратив на это шестнадцать часов. Выиграла время. Но этот прорыв не принес мне удовольствия, а только разочарование и желание лечь, накрыться и отлежаться неделю. Время дается на дело. Остальное – мишура. Лишнее. Если говорить «времени у меня достаточно» и «я успеваю», мозг настраивается позитивно и дела делаются.

Я нашла три категории времени: проект, расписание и личное. Если делать дела только из одной категории, время превращается во врага. Подружиться со временем – мечта! Да и какая роскошь, в обществе людей, сходящих с ума из-за его нехватки, спокойно улыбаться и говорить: «А мне хватает» Хватает – вовсе не значит, что я успела сделать сто дел, это невозможно. Это значит – я сделала одно-два дела из первой, второй и третьей категории каждый день.

Как-то я стояла в пробке, пробираясь между школами в Балабино и на Маяковской, и внезапно увидела счетчик. Кафе на «Белорусской» закрыли на ремонт, и повесили счетчик: сколько дней, часов, минут и секунд осталось до его открытия.

Я смотрела, как по секундам уходит жизнь, и думала: если бы у нас перед глазами висел такой счетчик, мы бы успевали больше? Ведь он висит, просто мы его не видим. А глядя на него, стали бы мы делать то, что делаем сейчас?

Во-вторых, я боялась. Страх рождал ощущение отсутствия времени и парализовал меня. Он отвлекал, создавал дополнительные тревоги. Я боялась каждого разговора с сотрудником, меня трясло от ужаса.

Люди говорили о языковом барьере в изучении английского. Мне было не страшно говорить по-английски, но я боялась говорить по-русски. К рабочим разговорам я готовилась, иногда сидела ночью и гуглила – как лучше выразить свою мысль. План разговора спасал меня во время сложных переговоров.

В путешествии по жизни я старалась брать страх, как маленького, за ручку (или лапку, у кого как), сажала на заднее сиденье, и разрешала ему ехать со мной, покупать леденцы от кашля, на заправках рассказывать байки из серии «ой, ты помнишь, нам в такой же ситуации в две тысячи пятом было так же страшно, вот сейчас все повторяется, и нам конец». Но старалась никогда не пускать страх за руль. Я продолжала действовать.

Тем временем, в московской школе у меня, почему-то, совсем не было очереди. И тогда мы решили провести мастер-классы в рамках программы «Ночь искусств» в театре МОСТ. Мы придумали две темы: «Звездная ночь Винсента Ван Гога» и «Фруктовые картины Джузеппе Арчимбольдо».

На урок по Ван Гогу пришли дети семи-десяти лет. Он прошел на «ура»: преподаватель Юля показала фильм, а потом раздала раскраски с картинками, которые вызвали большой ажиотаж. Даже взрослые рвались раскрашивать и просили карандаши! А потом пришла группа детей трех-шести лет, которых мы не ждали. Как малыши, которые по-русски-то не говорят, смогут вы сидеть сорок пять минут и будут слушать про Арчимбольдо?! Начался урок. Я на секунду выключилась из режима, в котором я параллельно отвечала на десять звонков, дописывала план новогодней АнглоЕлки, проверяла отчеты по Балабино и отвечала на шестьдесят емейлов, и увидела картину, которая подтвердила, что я не зря делаю Англоманию.

Юля рассказала малышам о картинах из серии «Времена года», и в конце урока дала задание нарисовать человека из фруктов и овощей. Дети бросились с энтузиазмом изображать носы, руки и глаза из кукурузы, слив и черники, но одна маленькая девочка долго сидела над листиком с синим фломастером в руке, будто не решаясь приступить. Она думала над задачей, и, наконец, подошла к Юле: «Скажите, могу я нарисовать синий банан?» И девочка сделала лучшую за тот вечер картину, на которой были изображены синие бананы и другие удивительные фрукты, которые мне бы и в голову не пришли. Она ушла очень довольная, прижимая к груди свой листик. Я видела такой подход в школах Бельгии и Нидерландов. Все, что мы делали на уроках – сочинения, стенгазеты, песни – преподаватели хвалили. Если возникали замечания, они говорили: «это прекрасно, а еще можно...»

В русских учебных заведениях, куда я ходила, больше ругали, чем хвалили. Ругали за все подряд, причем при всем классе сразу, публично унижая перед другими детьми. Меня ругали на физкультуре (я не могла отжаться), геометрии (я плакала и не могла ничего доказать) и черчении (у меня все получалось безнадежно криво). Одноклассников ругали на английском и биологии. Но так как ругали нас всех вместе, складывалось впечатление, что лично я виновата во всех грехах, даже тех, что мне не довелось совершить, вроде забрасывания ботинок учеников 8 Б класса на крышу школы. Увы, эта идея принадлежала не мне. Я только однажды завязала в столовой алюминиевые ложки в узлы. Я завязала две или три, а потом еще сто

учеников повторили тоже самое за мной. Мне даже обидно сейчас, что досталось всем, а автором идеи была, на самом, деле я.

В университете ругали еще сильнее. До дрожи в коленках. И тогда закрадывалась мысль, что если делать меньше, то и ругать будут не так жаростно.

Когда я открыла Англотианию, мне было важно создать школу, в которой не ругают. Ни учителей, ни учеников. Никогда. Свобода выбора и возможность нарисовать синий банан, за который тебя похвалят – вот отличие Англотиании от других учебных заведений. Детям понравились наши мастер-классы, здесь с ними обращались, как со взрослыми. Трехлетний мальчик, который до начала урока ни слова не говорил ни по-английски, ни по-русски, нарисовал человека из фруктов и овощей и выучил двадцать полезных слов. А кто-то маленький заплакал, когда узнал, что пора уходить. И тогда ко мне вернулись силы. Я решила, что буду продолжать.

Мы стали искать взрослых учеников для нашей школы на Маяковской. В ходе двухлетней эпопеи таких поисков я узнала следующее. Возьмем взрослого человека, желающего выучить английский. Он изъявил желание следующими способами: оставил заявку на сайте, пришел в школу, написал тест, купил самоучитель и заказал учебник. Но начинаются бесконечные русские праздники, и человек попадает в порочный круг:

- в сентябре он близок к началу уроков, но начальник дал проект/ дети пошли в школу/начался отпуск;
- ближе к ноябрю такой человек говорит себе: «я начну после ноябрьских праздников»;
- в декабре: «подготовка к новому году, сдаю отчеты, на работе аврал»;
- в январе: 1-15 января он гуляет, с 15 по 30 – приходит в себя;
- февраль и март – закупает подарки на 14, 23, 8, едет в отпуск или готовится к нему;
- далее уезжает на майские;
- летом никто английский не учит,

... а дальше начинается сентябрь (см. п. 1).

Даже если человек попал на уроки, он может через месяц перестать ходить. Результат требует времени. Чаше всего, люди уходят как раз перед тем, как увидеть позитивный сдвиг. Сдаться и сложить руки как раз перед тем, как добьешься успеха в деле – глупо. Это все равно, что прийти в ресторан, заказать сочный, ароматный, сложносочиненный плов с бараниной и ачму из горячего тянущегося сулугуни и домашней лапши, подождать десять минут и в ярости уйти в Макдональдс, потому что вас не обслужили вовремя. Детям английский дается легче,

потому что они ходят регулярнее: у них нет выбора. Но в Москве у нас не было учеников-детей.

Англомания Рига Ленд закрылась 1 декабря 2015 года.

Мы проработали в ней четыре месяца и потратили много сил. Но наступил кризис, и у меня не хватило денег для развития школы, а уроки стали меньше покупать. Я призывала всех не расстраиваться. Моя любимая Лиз Гилберт говорила, что мы относимся к жизни с двух позиций: мученика или шута. В русской культуре принято думать, что для того, чтобы добиться успеха, нужно обязательно сильно пострадать и если не умереть, то оказаться на грани. Успешные художники, предприниматели, писатели непременно страдают, никогда не спят, лишены личной жизни и героически умирают раньше времени. Их жизнь – борьба.

Секрет в том, что если взглянуть на дело с позиции шута, который делает вещи из любопытства и шутки ради, то жить становится легче и проще. В изучении иностранного языка мы привыкли идти путем мученика: зубрежка, мучительные уроки и борьба с ленью. Мы часто считаем учебу мучением. Вместо того, чтобы относиться к этому делу, как к подвигу, который кажется неподъемным, проще превратить изучение языка в игру.

Мученик – несчастный, он тащится на уроки с трудом. А шуту проще – он придумывает игру, сам играет в нее, и радуется. Потому что игра – способ быть свободным и счастливым. И благодарным.

Мы празднуем день благодарения в школе. В Америке есть популярная игра – turkey talk . Семья и друзья собираются за круглым столом и по очереди вытягивают бумажки с вопросами. Я как-то смотрела вопросы для этой игры и увидела такой: If you were to die this evening with no opportunity to communicate with anyone, what would you most regret not having told someone? Why haven't you told them yet? А вот перевод: Если бы вам осталось жить только сегодняшний день, и ни с кем нельзя было бы связаться, о чем несказанном кому-то, вы бы жалели? И почему вы не сказали этого до сих пор?

Сложно ответить на этот вопрос честно, да и список людей слишком велик – я не достучусь до них сегодня. Но я могу хотя бы написать им письмо. «Спасибо» я говорю гораздо реже, чем следует. Слишком часто, закапываясь в отчетности, звонках, платежах по арендам и табличках, я не находила времени поблагодарить людей вокруг.

Мне было больно закрывать Рига Ленд, но вместе с тем – хорошо от того, что я выбрала правильный путь, а сердце мне подсказывало, что это так. Мы учили там двадцать человек и провели курс до конца.

Безусловно, это сложное решение, но и ценный опыт, такой же, как и история о двухстах двадцати трех метрах школы в Балабино. Каждый наш шаг и неудача приближают нас к следующей победе. Я училась не драматизировать процесс.

Я часто думала о том, что хотела бы позвать на ужин молодого Томаса Эдисона, пока еще никому неизвестного. Я бы накормила его уткой с черносливом и рассказала о том, как я пытаюсь развивать школу на Тверской без денег, и как у меня не получается, как я сижу в пустом офисе с температурой под сорок, а все события и люди лихорадочно сбиваются в одно целое. А он рассказал бы мне, что у него с лампочкой полный провал, и мы бы точно поняли друг друга.

Еще я бы рассказала ему о кожаной красной косухе, мимо которой я хожу каждый день. Она выставлена в витрине модного бутика, который манил меня своей сияющей недоступностью. На ней было написано: «В сомнениях не вырывай с корнем то, что ты посадил, пока в это верил» Эта куртка – мой лучший мотиватор. Была бы черной, я бы ее купила. Но Эдисона сегодня нет, зато есть пять пакетов еды, две новые вдохновляющие книги и банка малинового варенья. Потому что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Скажи, Томас? Как бы страшно при этом не было.

А еще, я думала и о том, что смысл жизни бывает общим и частным. Я поняла, что деньги ни на одну из этих ролей не подходят. Общий смысл – развивать себя и помогать людям. Частный – при помощи школ, где люди учатся, учиться их любить, помогать им развиваться.

А иметь дело с людьми, чаще всего, было непросто. «У вас есть время до 23.00, иначе я беру вот эту самую трубку и звоню в трудовую инспекцию», – так мог сказать сотрудник, который вчера казался тебе самым преданным человеком. Каждое твое слово могло быть вскоре использовано против тебя. Это родило во мне большое недоверие к людям.

Что это такое – трудовая инспекция? Я даже не знала, опасно это или нет. Самое мерзкое в этой ситуации – не угроза. Самое мерзкое, что ее автор – человек, которого ты по-настоящему любишь. Вчера он был с тобой, а сегодня – против.

Можно считать предательством, если сотрудник не вышел на работу? Бросил тебя? С одной стороны, да, если ты считаешь, что люди тебе должны. С другой стороны, если ты перестанешь творить из них людей кумиров, станет значительно проще жить, потому что ты удивительным образом научишься благодарить их за сегодняшний день и ценить его. Самое сложное – это не зачерстветь сердцем. Продолжать оставаться такой же открытой и любить людей. Тем более, когда вы вместе

попали в передрагу. Тогда их нужно любить еще больше, хотя бы за то, что они остались вместе с тобой.

И еще одну важную вещь я поняла о любви в это время – нужно учиться искусству расставаться. Любовь не должна определяться последним поступком человека по отношению к тебе. Звучит странно, но так чаще всего и бывает.

Я сидела в кресле у психоаналитика, пожухлая, уставшая, опущенная, вымотанная. У меня совершенно не было сил его слушать.

Я сидела, слегка съездившись и ерзая из-за чувства дискомфорта от всего происходящего. Я приняла решение сходить на консультацию по одной причине: наверняка терапевт начнет меня жалеть, и тогда у меня все получится. Я поплачу, отдам за это большие деньги и мне станет легче от того, что я это сделала. А потом совесть замучает меня и я непременно начну больше работать и стараться, чтобы эта ситуация не повторилась. Потому что ходить и плакать за большие деньги – это глупость.

Психоаналитик посмотрел на мои слезы и предложил успокоиться, а потом безапелляционно заявил: «У Вас крадут деньги» Я спорила, возражала, кричала на него и никак не могла смириться. Я готова была выскочить из глубокого кожаного кресла и броситься на него с кулаками. Не может такого быть! Я – самый лучший руководитель на свете! Мне двадцать пять лет и я уже владею сетью школ! Все должны мной восхищаться! Я даже ни на секунду не могла поставить под сомнение тот факт, что все должны любить меня.

Я ушла от психоаналитика в слезах, но это были слезы злости. Я никак не могла понять, что же меня так сильно бесит в этой ситуации.

Я провела очередные собрания с сотрудниками. Штат школ раздулся до невероятных размеров. Я уже предпочитала общаться с людьми только через управляющего и академического директора. Обе рассказывали мне, как тяжело им руководить низкими людишками, и жаловались на жизнь.

Я закрыла школу на Маяковской 30 декабря 2015 года, и мое сердце упало, у меня совсем не было сил. Это было неподходящее место. Мы много работали, но ничего не получилось. Теперь моя задача – сосредоточиться на школах в Балабино и Княжино, стабилизировать их, но у меня не было огня в глазах. Мне совершенно не хотелось этого делать.

Когда ты оказываешься в сложной ситуации, большинство людей уходит. Уходит хотя бы даже потому, что они не должны оставаться с тобой, они не подписывались на проблемы. Они соглашались на

счастливого, оптимистичного руководителя с горящими огнем глазами, но никак не на загнанную, агрессивную, мечущуюся во все стороны девочку с потерянным взглядом.

Поздно ночью ко мне приехала подруга с бутылкой вина. Я открыла дверь и увидела только темный подъезд, откуда пахло сыростью. Она поднялась по ступенькам, увидела выражение моего лица из серии «Не оставляй меня одну, пожалуйста» и испугалась:

– Ну и объясни мне, пожалуйста, зачем ты открыла всю эту кучу школ, если *не умеешь*?

Ее слова были для меня обжигающе холодными. Что-то похожее чувствует человек, шагнувший из самолета, доставившего его с теплого моря в московский январь. Я делала это, потому что не могла не делать. Я думала, что если у меня не получится, то мне нет смысла жить.

Я больше не слушала ее. Хотя она говорила удивительно правдивые вещи, давала советы о том, «как надо было бы», добавляя философские замечания и толковые ремарки с основным лейтмотивом «я бы на твоём месте *вообще* бы не ввязывалась». С каждым ее словом я начинала ненавидеть себя все больше.

Я обложилась кошкой, пледом, грелкой, обезболивающим, соленым, сладким, острым и жила сообщениями в телефоне и соцсетях. Я ждала людей, которым могла бы быть мало-мальски интересна. Некоторые адресаты не ожидали такого прилива дружелюбия, но я писала, чтобы не сойти с ума. Я даже искала новых знакомств, отчаянно рассказывая всем только самое главное о себе и своем бизнесе, и жаждала хоть какого-то одобрения. Любите меня, пожалуйста! Просто так, за то, что я есть. Общением я пыталась заполнить пустоту, которая появилась вместе со всеми моими проблемами.

Однажды я проснулась и услышала голос, который напомнил мне, что у меня крадут деньги. Идея о том, что такое может случиться со мной, по-прежнему казалась мне сюрреалистичной.

В декабре я спрашивала управляющего, бухгалтера и администраторов, где же деньги? Они отвечали мне, что в стране кризис, и предлагали закрыть школу в Москве, потому что из этого все равно ничего не выйдет. Получалось, что все старались и работали по максимуму, но кризис в стране и мои амбиции сохранить школу в центре Москвы не дали нам возможности достаточно зарабатывать. Я не верила в это.

Когда мы начали проверять таблички, оказалось, что две девочки-администраторы – Света и Настя, которые полгода отработали в Балабино и не вышли на работу после новогодних каникул, украли деньги. Все было просто: они брали наличные с учеников и отправляли

к себе в карман. А людей записывали на занятия в группах. Украденные деньги были предоплатами за занятия до конца мая. За окном – минус двадцать и январь с низкими продажами, так что прибыли можно было не ждать. Возвращать ученикам деньги было нечем, платить зарплату преподавателям и администраторам – тоже. Воровок найти не удалось.

Но нам эта кража вышла не боком, она стала подарком, лучшим бизнес-уроком. Нам удалось оптимизировать систему контроля и лучше отслеживать каждого, кто что-то делал. Кража помогла мне очнуться и, как ни странно, поднять мой собственный боевой дух. Я поехала в банк, взяла 2 миллиона рублей наличными, и все до копейки раздала сотрудникам.

Мы делали все возможное, и в конце концов, максимально снизили цены на уроки. Маржи от занятий практически не осталось. Моя гипотеза звучала так: если людям в Балабино дорого покупать занятия по нашей цене, то сделав специальное предложение, мы сможем привлечь их и заработать хоть какие-то деньги.

Гипотеза сработала наполовину: люди стали прибывать. Школа была забита, уроки шли с утра до ночи, но прибыль не появлялась. Я ждала чуда, но оно не происходило. У учителей ситуация с задержкой зарплат вызывала искреннее недоумение: как можно не платить вовремя, если ученики уже внесли деньги? Мы терпели убытки. Постоянно.

В этот момент сложнее всего мне было работать с собственным лицом и телом. Лицо плакало и сворачивалось. Я плакала в ресторане и объясняла официанту, что так нельзя подавать салат: креветка в нем – пересоленная и пережаренная, и ее острый хвостик впился мне в десну. Вытирая кровь с губ, я спросила себя: «Ты что, специально это делаешь? Ты хочешь кому-то что-то доказать?» Но правда была в том, что больше всего мне хотелось уехать.

Мы бросаем идеи и цели, которые нам нравятся. Я заметила, что когда к нам приходит светлая идея или цель, сознание начинает ей сопротивляться. Появляется тысяча причин не делать. Оправдания и препятствия образуют стену. И мы не доводим дело до конца. В глазах окружающих все выглядит нормально, но внутри нас остается ужасное ноющее чувство, что ты мог и не сделать.

И вот что я видела: если мы не воплощаем свои идеи и не достигаем своих целей, их достигает кто-то другой. Потому что эта цель есть не только у нас.

Мечта – сущность симпатичная, но слабая. Если ее не поддерживать в себе и не делать осознанных усилий, она уйдет к другому человеку.

Единственный способ выучить язык/похудеть/построить бизнес – день за днем вкалывать, а когда срываешься и бросаешь – начинать заново. Иногда с нуля. Иначе кто-то другой выучит иностранный язык и добьется целей, которые я себе поставила, а я – нет.

В январе у меня появилась такая цель – снова открыть школу на Маяковской. Я искала помещение и думала, где бы нам набрать еще десять учеников для старта. Ночью мне снились снежные московские улицы, а ЦИАН пугал совковыми офисами страшнее некуда. Школы экономят на аренде и снимают помещения страшные, как смертный грех. А я мечтала покрасить стены в белый цвет, повесить много мотивирующих плакатов, и сделать школу черно-белой с цветными элементами, как в отделении современного искусства в музее Метрополитен в Нью-Йорке. С самой красивой вывеской – а как еще!

Одно в этой истории я знала на сто процентов: если школу не сделаю я по причине того, что страшно/кризис/нас ждет неизвестно что, то ее скоро откроет кто-то другой. Что нужно сделать в Москве, чтобы все получилось, я еще не знала, но обещала себе, что мы это сделаем. I can't do it but I'm doing it anyway. К цели нас ведет только один путь: повторять попытки много раз, ошибаться и начинать с нуля.

Я долго ходила по всяким неясным местам и надеялась на чудо. И, наконец, в середине января я нашла его – помещение с фиолетовыми стенами, но зато по адресу: 1-я Тверская-ямская, 12. Все в этом адресе звучало гордо: и единица, и слово «Тверская», все казалось особенным и невероятным. Да, я нашла новое помещение. В нем еще сидели сотрудники неизвестного мне турагентства и тихо обсуждали переезд. В помещение на Маяковской я влюбилась не сразу. Хотя первый этаж манил и подкупал. Я бросила все ресурсы и открыла школу еще раз, хотя денег особенно не было.

«На мой взгляд, я часто, хотя и не каждый день, бываю сказочно богат – не деньгами, а тем, что нахожу в своей работе, тем, чему могу посвятить и душу и сердце, что вдохновляет меня и придает смысл моей жизни», писал Винсент Ван Гог. Мы с ним, видимо, заодно. Ночью 24 января 2016 года я стояла в проходной театра на Маяковской и называла кодовое слово. Охранник передал мне сверток из журнальных листов. В нем находилось то, что заставляло меня улыбаться и плакать. Делало меня счастливой и учило быть лучше. Придавало моей жизни смысл и превращало простое существование в Путь.

В этом свертке – допамин и адреналин, удовольствие и страх, кайф и риск. В нем то, что заставляло мои колени дрожать от волнения. То, что не давало мне покоя по ночам. То, что занимало все мои мысли, когда я ела, спала, работала, дышала. Содержимое этого свертка заряжало лучше никотина, кофеина и водки. В нем лежало то, от чего в животе порхали бабочки, а по спине бежали мурашки. В этом свертке находились ключи от Англomании на Маяковской.

1 февраля 2016 года я не забуду никогда. Накануне мы с нашим администратором Аней решили, что сэкономим деньги и перевезем стол и стул из прежнего помещения школы сами, а грузчиков отправим в Княжино за шкафом. Это была фатальная ошибка.

Анна – мой личный герой, несла принтер одной левой. А меня чуть не убил собственный сейф. Не деньгами, увы, а аппаратом для эквайринга.

Мелочей, вроде учебников и скрепок, набралось килограмм на сто, и все это каким-то чудом уместилось в моей маленькой машинке.

Мы весь день таскали коробки туда-сюда, и мои руки были разодраны в кровь. Сил хвалило на все, кроме воды и интернета. Я пошла делать маникюр, чтобы хоть чуть-чуть привести руки в божеский вид, и купить букет, ведь школа не может жить без цветов.

Открыться в Москве оказалось вдвойне сложнее, чем в области. Я не знаю, сколько раз мне еще предстоит пытаться и ошибаться. Помню, как перед стартом школ в Балабино и Княжино меня послали на*** раз сто, не меньше. Группы не набирались, ученики динамили и отказывались приходить на уроки. А потом медленно начинало получаться.

Я с утроенной силой взялась за работу на Маяковской и надеялась, что ученики и учителя из прежней школы с удовольствием продолжат свои занятия в новой. Нас ждал первый этаж. И у нас была своя вывеска.

Я мечтала услышать смех учеников из класса и увидеть довольных людей, которые говорят: «Где же вы были раньше?» А пока мы сидели в тишине. Проводили один-два урока в неделю. В отличие от области, в Москве на урок приходит от силы один человек из пяти, и этому единственному человеку слишком дорого оплачивать обучение.

Худшее, что мы делаем в жизни – это выводы. Выводы о том, что нет способностей и не получится, если не получается сразу (или с первого десятка раз), что язык учить сложно или он не нужен, раз мы никуда не уезжаем. Я уже писала о законе больших чисел и верю в то, что при достаточном количестве повторений получится обязательно.

Простейшая формула закона чисел Бернулли утверждает, что если вероятность события одинакова во всех испытаниях, то с увеличением

числа испытаний частота события стремится к его вероятности и перестает быть случайной. Это не оптимизм, это математика.

Пока знакомые вокруг жаловались на плохое самочувствие и сезонную депрессию, и спрашивали друг друга, что делать, я попробовала найти ответ. Разговорные клубы для взрослых!

Вот как родилась эта идея. До 47% времени мозг проводит в отключке. Мы совершаем действия автоматически, не задумываясь, а в голове на полную катушку крутятся бесконечные мысли. Голова засорена тревогами о прошедшем и будущем. Если вспомнить, когда в последний раз мы были счастливы здесь и сейчас, вряд ли окажется, что мы в этот момент сидели в обнимку с телефоном. И все равно мы постоянно с ним – на что-то надеемся, ждем чудесного спасения, или комплимента о стрижке, или доброго слова. И от этого впадаем в тоску.

Со мной это случалось, когда я начинала разбираться с десятками фамилий и номеров телефонов – заявками на обучение, которые люди оставляли промоутеру не потому, что хотели учиться в моей школе, а потому, что девушка была милой. Мы потратили последние деньги компании – все до копейки, все зарплаты, все аренды Балабино и Княжино – на рекламную акцию на Маяковской в элитном супермаркете с дорогой едой. Эти события угнетали нервную систему. В США, например, куча людей лечится от Facebook Depression – тоски от того, что, на самом деле, они не соответствуют собственному позитивному профилю. В сети Facebook – 1,25 миллиарда людей. По данным опроса, больше двадцати пяти процентов из них признают, что чувствуют приступы тоски, когда смотрят фотографии своих друзей (но продолжают смотреть). И думают в этот момент: «Нет, это не про меня»

Иногда счастье – это быть собой, не подстраиваться и не сравнивать себя, высказать свое мнение и никого не обижать. Второй довод «за» организацию разговорных клубов – в России нет культуры речи. И спорное мнение принято сразу закидывать шапками. Меня это расстраивало, поэтому в Англomании я начала делать клубы на английском и на испанском для взрослых. Я выводила телефон в авиарежим и мы начинали диалог на острые темы.

Концепция такого клуба раскрепощает и снимает барьеры: и языковой («как это сказать?»), и психологический («что обо мне подумают?»).

Мы специально выбирали для дискуссии сложные вопросы: реклама, возраст, судьба человека, смысл жизни. Английских и испанских слов не хватало, мозг кипел, но главная цель – быть свободным и говорить

то, что думаешь, уважая других людей и их мнение, но не стремясь понравиться им и заслужить «лайки». Тогда удивительным образом появлялся и язык: человек сидел, молчал весь урок, слушал мнения других, и вдруг раскрывался, выходил и произносил на английском, к примеру, речь на пять минут без остановки. И после этого улыбался и уже чувствовал себя иначе.

Когда я увидела, что разговорный клуб меняет нас к лучшему, у меня прибавилось сил. Я дала людям возможность и время побыть собой, пусть всего лишь сорок пять минут в неделю. Главное – в хорошей компании и без телефона в руке. Я знала: это должно помочь.

Я сидела за столом и думала, как выходить из кризиса. И не знала. Нужно идти дальше. Внезапно на столе замигал телефон. Неизвестный номер.

– Майор милиции Курдюков – сообщил мне голос. – У меня для вас плохие новости. Вам предъявлено обвинение в педофилии. Приезжайте в школу.

Я приехала в балабинскую школу со стеклянными стенами и дала показания. Нет, ничего подобного не происходило. Да, я отвечаю за свои слова. Показания взяли еще у одного преподавателя.

Глядя на эту сцену, я вспомнила как однажды на свадьбе у подруги меня заставили играть в игру. Тамада вывел меня в центр зала какой-то старой гостиницы и спросил: «Скажите мне, чего боятся люди?»

Я мялась и не знала, что ответить, и он решил подсказать, прошипев сквозь зубы: «Скажи – неизвестности!»

– Неизвестности! – выпалила я.

– Правильно! – заорал тамада и выудил откуда-то повязку. Правила были простые: мне завязывали глаза и я должна была протянуть руку, чтобы достать шоколадную медальку из тарелки, где было что-то еще. Я уже протянула руку, как внезапно нашла дырочку в повязке и увидела через тонкую капроновую щелочку, что мои пальцы оказались в двух миллиметрах от большой миски с раками. Живыми, черными, кишащими. Мне было страшно, но отступать – некуда, и я достала из раков монету, хотя они порезали мне ладонь. И вот я стояла в центре зала с окровавленной рукой, завязанными глазами и шоколадной монетой в руках. Мальчик, которому я понравилась, с удивлением сказал мне потом, что я – мужик. Кажется, я перестала нравиться ему в тот самый момент.

Из воспоминаний меня вытащил голос майора, и я почувствовала приближение вязкого страха: как я объясню майору, что не снимаю порнографические ролики?!

Он взял показания и уехал, а автора звонка мы так и не нашли. Потом майор приехал еще раз, снова в среду, на этот раз с сопровождением. Мой бухгалтер чуть было не поседела от ужаса, а я потом целых три дня боялась брать трубку с незнакомого номера. Но эта история тоже закончилась и перестала пугать. Мы действительно боимся неизвестности больше всего. Как только страх становится понятным и его уже можно описать, он уходит. Так же, как и майор Курдюков.

Урок 6 Путь наверх

Неудачно уволенный водитель написал на нас ложные жалобы и разослал по организациям. Повод был таким: «Дарья не поговорила со мной перед увольнением лично и тем оскорбила» Поэтому за последний месяц у нас трижды побывала милиция, дважды – министерство образования и налоговая и один раз – прокуратура. Рабочие дни превратились в бессмысленные допросы, разборки, заполнение никому ненужных бумажек, объяснения в налоговой «нет, мы не школа» (в школе по закону должна работать еще и «столовка» с суровыми поварами).

В промежутках между разборками я вела разговорные клубы на Маяковской и в Княжино и много думала о том, зачем я ввязалась в эти приключения со школами.

Коммерческая составляющая до сих пор меня мало волнует. По финансовой модели языковых курсов мы – не в первых рядах. Мы переплачиваем за светлые и просторные помещения – языковые школы чаще сидят в дыре. Ставки педагогов у нас в среднем в 1,5 раза выше. На уроки по скайпу мы берем своих же педагогов, а не сомнительных, но дешевых преподавателей из кукуевского района тьмутараканской области. В группах у нас занимается два-три человека вместо двенадцати. А пенсионные фонды и никому неизвестные ндфыэлы до сих пор съедают девяносто девять процентов прибыли.

Я делаю то, что делаю потому, что не могу этого не делать. Особенно, когда захожу в школу и вижу десятки улыбающихся лиц. Кто-то маленький тащит китайскую азбуку и счастливо поет (или мяукает?) на новом языке, семеро малышей вырезают календарь на новый год, два застенчивых пенсионера занимаются испанским, а высокий программист – техническим английским для решения серьезных задач по информационной безопасности.

Учителя, священники и врачи во все времена имели в обществе особый статус. Но с врачами и учителями в России сложно. Педагоги в общеобразовательной школе выглядят усталыми и замученными, они не рады учить. Мы много говорим о реформе образования, о том, что дети плохо учатся, неусидчивы, о том, что в университетах люди сидят только из-за корочки. Я помню эти разговоры с семи лет – взрослые вокруг возмущались или заочно ругали преподавателя. Сегодня я каждый день вижу на собеседованиях много недовольных и несчастных педагогов, которые учат потому что должны, а не потому, что хотят этого.

Мы же ищем людей с горящими сердцами и глазами, с хорошей энергетикой и собираем их вместе. Их в Англomании все больше. Когда ставишь себе цель сделать что-то в противовес обществу, натыкаешься на сопротивление. В Англomании я делаю противоположное тому, что видела в школах и университетах, где училась сама. Я хочу, чтобы учеба вызывала улыбку и приносила удовольствие, а не превращалась в очередной неподъемный груз. И радуюсь, если после урока вижу надежду и радость в глазах взрослых людей, вижу желание развиваться, которое обычно пропадает после двадцати пяти лет, когда налаженная жизнь превращается в день сурка.

Учитель меняет человека, дает ему энергию, силы и вдохновение. Заставляет поверить в свои силы и стать лучше. Пусть мы не можем пока влиять на мир в больших масштабах, и никак не изменим политику и не повлияем на Пенсионный фонд, но жить в России будет тем легче, чем больше людей мы чему-то научим и сделаем чуть счастливее. И когда я вижу хотя бы одного человека, который с радостью прижимает к груди учебник, сил прибавляется. Значит, мы не зря делаем то, что делаем.

Я боролась за свое право иметь школу в центре Москвы. Честно говоря, никто из моего окружения не разделял мой энтузиазм. И тут мне вспомнилась история с крабами. Берем одного краба, сажаем в ведро и он вылезает наружу. Сажаем туда три десятка крабов, верхний карабкается вверх, но остальные цепляются за него и мешают ему сбежать. Так они и останутся в одном ведре. If I can't have it, neither can you.

Стоит вам начать худеть и заняться спортом, все вдруг принимаются угощать вас печеньем на ночь, потому что «от одного печенья ничего не будет». Когда вы получаете второе высшее образование, коллеги громко удивляются, зачем вам это нужно, ведь на работе и так хватает

нагрузки. Вы учите итальянский «для себя», а знакомые настаивают, что он вам «никогда не пригодится». Crab bucket. Когда решаешь открыть новый бизнес, тебе все советуют «подождать до лучших времен». Да-да, это тоже crab bucket! Кто сказал, что эти времена наступят, и кто знает, сколько нам осталось жить?

Такова человеческая природа, и ничего с ней не поделаешь, обижаться бессмысленно. Остается одно — быть сильнее товарищей в ведре и лезть вперед, даже когда тебя тянут назад сто человек. Не обращать на них внимание, не слушать и продолжать делать начатое. Только упорство поможет достичь цели.

Чтобы ничего не добиться, смотрите телевизор, читайте ленту Фейсбука с происшествиями и общественными мнениями «крабов», и внимательно выслушивайте все «против» своего решения. Фейсбук проверяет нас на прочность, если не заходить туда два, три, четыре дня подряд, совсем иначе начнешь воспринимать окружающий мир.

В наше время всегда были девушки, которые создавали свои небольшие школы с нуля: снимали офис, находили двух-трех преподавателей и работали в таком режиме много лет. Но как известно, есть только два типа бизнеса — «ларек» и «корпорация». Я не хотела заводить ларек. Хотя у меня ничего не было.

Мой стартовый капитал — пятнадцать тысяч рублей, их хватило на то, чтобы арендовать помещение. Сейчас таких цен нет. После открытия школы я собирала деньги так: как только получала тысячу рублей за занятие, сразу ее откладывала. На собранное за неделю купила стол, через неделю — стулья. Так все начиналось. Без больших кредитов (кроме карты на сто тысяч), без продажи имущества (потому, что продавать было нечего), без связей.

Я все делала интуитивно, многое неправильно. Совсем ничего не знала и могла, например, гуглить ночами, чтобы узнать, что такое НДС. Я так устроена: хочу узнать про телемаркетинг — звоню в десять компаний, мне делают презентации, и через час мне все понятно. Вообще, когда у тебя нет опыта и понимания, как все должно быть устроено, то и сравнивать не с чем. Ты не отслеживаешь ошибки, а просто действуешь.

Я никогда не считала свои школы стартапом. Когда ко мне на собеседование приходили люди и говорили: «Какой у вас интересный стартап, я хочу у вас работать», я показывала им на дверь. Мне такие не нужны.

Стартап — это когда ты что-то придумал, но еще неизвестно, будут ли твой продукт покупать, нужен ли он кому-нибудь. Стартап — это смузи, митболы и коворкинги. Стартап — это когда люди ходят и

выпрашивают деньги у инвесторов, ждут «бизнес-ангелов», мучаются вопросом, выгорит или нет.

А у меня очень простой и понятный бизнес – школа иностранных языков. Услуга, которая нужна всем и всегда, а сейчас в особенности. И если у меня ее не покупают, то я – просто лох. Стартап не стартап, кризис не кризис – неважно, делай круто, или иди домой. Бизнес-гуру Том Питерс говорил еще хлеще: «Делай круто, или умри».

На занятии в разговорном клубе мы говорили о лучшем времени в жизни, и все погрузтели. Для кого-то оно уже прошло, для кого-то – еще не началось. Только один из пяти подтвердил, что лучшее время – сейчас.

Набор социальных ожиданий год от года растет. Когда тебе восемнадцать лет, ты, не задумываясь, бросаешь майку и трусы в чемодан и на последние деньги едешь работать в аквапарк во Флориду. Когда тебе двадцать пять, тебе приходится выбирать между вылазками за границу и ипотекой на сорок лет (это когда получил квартиру и сразу умер).

К тридцати годам социальные ожидания усиливаются, а если уж ты к тридцати пяти не выполнил обязательную программу, по российским меркам ты – подозрительный тип (кстати, в роддомах у нас женщина старше двадцати пяти лет считается «старородящей»).

А может ли обязательная программа стать индивидуальной для каждого? Я откопала статьи на тему продолжительности жизни и пришла к выводу, что: а) жить осталось мало; б) я хочу строить свою жизнь, постоянно помня об этом.

Сколько нам осталось? Википедия приводит статистику по странам, и наш(и) президент(ы) хвастаются, что продолжительность жизни в России составляет семьдесят лет (по другим данным – шестьдесят шесть). Будем оптимистами и дадим себе девяносто лет. Если мы посчитаем в месяцах, то 0-90 лет – это 1 080 месяцев. Если же переведем года в недели, получим +/- 4 320 недель. Много? Если нарисовать табличку, где один квадрат равен одной неделе, то жизнь получится небольшая. Размером с плакат А1. Я напечатала этот плакат и стала рассказывать о нем своему окружению. Первой реакцией был шок.

Блог Wait But Why приводит такое сравнение: если мы представим себе одну неделю в виде бриллианта в кольце, то жизнь до девяноста лет – это одна столовая ложка бриллиантов, и треть из них уже высыпались. Бриллиантами в ложке разумно распорядиться так: 1) радоваться бриллианту; 2) вложить бриллиант в дело, чтобы потом приобрести

другой; 3) сделать бриллиант для других людей. И стараться держать баланс между пунктом 1 и 2, чтобы, во-первых, не спиться от счастья, и во-вторых, не уработаться, забывая отметить свой прогресс.

Но чего нельзя делать – так это жить впустую, потому что квадратиков у нас все меньше и меньше. Или жить так, чтобы следующий квадратик непременно на 100% соответствовал той последовательности, которая считается в обществе «правильной».

Календарь мотивировал меня меньше читать ленту в Фейсбуке и реже смотреть ролики в Инстаграм. Как сказал один испанец, мой знакомый: Los mejores momentos de mi vida los vivi sin bateria en telefono.

Табличка помогала вставать по утрам, когда на вопрос «зачем я сегодня проснулся?» ответа не было. И подстегивала двигаться вперед в те дни, когда не было сил или опускались руки. Потому что цикл 0-90 дает нам осознание начала и конца, и глупо жить так, будто бы мы – вечные на этой земле. Эта мысль только обесценивает жизнь и лишает ее вкуса.

Шел третий месяц как мы снова работали на Маяковской, и я уже почти похоронила свою последнюю надежду. Потому что в эту школу не приходили люди. А наш минус стремительно увеличивался с каждым часом. Я-то думала, что я – такая особенная. А на самом деле, в Москве оказалась никому не нужна.

И в этот момент я заболела. Меня выключила какая-то непонятная болезнь. И в тот же день Аня, мой единственный и главный помощник, отказалась работать. Она не уволилась, а просто исчезла со всех горизонтов, бросив ждущих своей очереди на урок людей, оставив лишь неопределенное «я не знаю, когда я выйду». Вокруг меня не было никого. Аня была моей мотивацией открыть эту школу заново, она так ей горела...

– Это конец – я просыпалась и не видела смысла – Это же тот самый сотрудник, который *должен* был меня спасти и вытащить из кризиса всю мою компанию! Как же это вообще могло произойти?

Температура поднималась все выше, голос пропадал, я лежала и не могла пошевелиться. Я выключилась на двое суток, а на третьи приползла в пустую школу, откуда ушли все – педагоги, администратор. Раз Ани нет, я решила заняться всем сама. Села за пустой стол на ресепшен, взяла в руки телефон и начала звонить по всем телефонам потенциальных учеников, которые у меня оставались. Потом достала телефон и сняла видео ролик «Что делать, если ты приуныл?», который собрал сотни просмотров на Youtube.

И, наконец, сделала гугл табличку, где пункт за пунктом начала перечислять наши плюсы и мотивы, по которым нам стоит продолжать работать.

С кем ты борешься в бизнесе? Нет, не со взятками, не со скандалистами, не с ворами сайтов, не с политикой, не с внезапно сливающимися сотрудниками, не с нарушениями правил. Если ты считаешь своим врагом нарушителя твоих правил – ты идиот.

Ты борешься только с собой. С тем, чтобы не быть мудаком, не жить мудаком, не вести себя как мудака. Каждый день дает тебе маленький урок. И ты учишься. Постепенно.

За полгода до этих событий я попала на прием к тибетскому врачу. Он долго завязывал мне ниточки на пальцах, долго думал и с удивлением спросил: «Как вас не разрывает в клочья от такой энергии?» По какой-то там тибетской теории я – огонь (кто бы сомневался!). Но моя энергия может быть или созидательной или разрушительной.

И тогда я поняла: что бы ты ни делал, прислушивайся к себе.

Внутренний голос обмануть невозможно, как его ни затыкай, он все равно скажет тебе правду, он знает, сколько ты стоишь на самом деле. Возня с сотрудниками все больше волновала меня: иногда до 100% моего рабочего времени уходило на выяснение отношений с ними. Поэтому я решила научиться делать вид и играть роли. И пошла в театральную школу.

На первом уроке нас собрали в кучу и дали задание публично умереть: произнести предсмертный монолог, картинно махнуть рукой и упасть замертво на пол.

Сначала все жались к стеночке, стеснялись и спрашивали: «Что, уже вот прямо сейчас?», а потом развеселились и дело пошло на лад. Так что в тот вечер я умерла (со второй попытки), и мои предсмертные слова были: «я так и не дописала эту книгу...» Было весело.

Но я поняла, что играть не буду. Буду руководить и учиться на своих ошибках. А сотрудники – это не рабы и не друзья, а мои дети.

Однако, проблемы остались и их надо было решать: администраторы не слушались меня, они хамили, придумывали оправдания, искали виноватых. Я пошла в бизнес-школу. У меня с собой был большой список вопросов, на которые там наверняка найдутся ответы, которые мне понравятся.

Я подняла руку во время тренинга:

– Скажите, мой администратор все время опаздывает, я могу что-то с этим сделать?

«Слушать и слышать», «развивать потенциал», «вовремя получать обратную связь»... Я прилежно записала все эти рекомендации в тетрадку, надеясь, что хоть что-то из этого списка мне поможет.

Но главное я поняла позже. Ко мне на работу приходили несчастные, испуганные люди, и мне понадобилось два с половиной года, чтобы осознать, что они ищут во мне надежду и поддержку. Никто из них не идеален, как и я, все приходят со своими проблемами и бедами, и нанять человека означает, что вы будете вместе работать над каждой проблемой и болью, которые у вас появятся.

Тем временем, мои финансовые дела настойчиво требовали какого-то решения. Я стояла на крыше одиннадцатизэтажного дома в Питере, перегибаясь через перила и балансируя. Достаточно сделать всего один шаг в пустоту. Просто потому, что я устала искать ответы на вопросы. Моя компания была в таком долге, что я забыла, ради чего всего начиналось. Я должна кругом, здесь и каждому. Неужели я начала бизнес ради денег? Неужели я обречена на вечную муку тщетных попыток от месяца к месяцу выплатить зарплату?

Мне нравилось, что я начинала с нулевыми знаниями. Если бы я хоть что-то знала, я бы не стала ничего делать. Такой шаг показался бы безумием. Но именно потому, что я ничего не знала, у меня получилось. Мне нечего было терять, мне не страшно было это делать. Мне просто некуда было деваться.

И именно благодаря безысходности я увидела, что одни и те же события могут оказаться как проклятием, так и благословением.

Наконец, после долгих поисков решения финансовых проблем, ко мне пришел ответ. Я шла по улице и откуда-то изнутри возник голос. Это было в мае.

– Даш...

– Ммм...

– Ну что, тяжело?

– Ага.

– Даш...

– Ммм...

– Надо закрыть школу в Балабино.

Так мы и сделали. Только на этот раз решение стало освобождением.

Как будто меня выпустили из тюрьмы, которую я сама себе построила. Это было начало новой истории.

Я решила закрыть школу в Балабино. Моя собственная жадность и желание как можно быстрее захватить рынок сыграли свою роль: школа была открыта, но нам не хватало учеников и учителей.

Экономическая ситуация Балабино тоже обернулась против нас. За прошедший год школа потерпела серьезные убытки в несколько миллионов рублей. Для того, чтобы поддержать цену в триста-пятьсот

рублей за час занятия, другие школы делают группы по восемь-двенадцать человек и берут преподавателя за низкую зарплату с английским на уровне «мутко» (все равно начинающие не поймут). С точки зрения финансов это выгодно. Но английскому так не научишь. Поэтому популярные дешевые курсы учат годами, а результата нет. Я не буду делать уроки в ущерб качеству и брать преподавателей, которых хочется ударить за «зис из соу гуд».

Страх говорил мне, что, если я закрою свою первую школу, все рухнет и я сразу умру. Школа тянула меня вниз и не давала развиваться. Но я все равно слепо продолжала гнать вперед. Если лошадь сдохла, может быть, с нее стоит слезть?

Оставался один выход – закрыть школу и идти вперед, приняв эту ситуацию. Вырасти из нее и продолжать развитие. Извиниться перед своими сотрудниками.

Последний шаг дался очень трудно. Внутри меня начала расти паника, и я почувствовала, что от беспомощности хочу заплакать, но не могла себе этого позволить.

Меня охватил ужас. Я ехала домой и не знала, как жить дальше. Меня спас один вопрос – зачем я делаю то, что я делаю? Я продаю не знания, а общение с людьми. И для меня самое главное – продолжать заниматься Англomанией, и не так уж важно, где это делать.

Вскоре выяснилось, что двое наших преподавателей, с которыми мы начинали, решили открыть свою языковую школу на прежнем месте. С нашими же учениками, которые ходили с самого начала, и появились благодаря рекламе, на которую я потратила сотни тысяч. Мою мебель выкупили через третьих лиц, сделали похожий сайт и даже группы в соцсетях.

Я всегда гордилась тем, что у нас почти никогда не бывает возвратов денег. Все занимаются и довольны. Любую критику мы принимали и исправляли на месте, за пару часов. Мы – гибкие, можем менять как педагога, расписание, так и саму программу. Даже язык, если вдруг надоело учить английский.

И вот буквально за трое суток у нас появилась гора возвратов – на 317 500 рублей. И это в июле, самом «низком» месяце, когда все в отпусках. Из них 316 100 рублей забрали балабинские ученики, внезапно передумавшие учиться в Княжино. Это было самым тяжким испытанием за всю историю школы. Ее финансируют только ученики, они – наши главные инвесторы.

Поначалу я отреагировала бурно. Я ругалась, кричала и строила планы полного уничтожения предателей. Я не помню, когда в последний раз я так злилась: казалось, ярость разъедала меня изнутри. Я решила, что наступил конец света, все кончено.

В этот самый момент ко мне приехал друг. Он выслушал мои крики и задал вопрос, который все изменил – о том, чем же я занимаюсь. И тогда, помимо темной стороны, на которой я предпочла сосредоточиться, не думая ни о чем другом, возникла и светлая. Потому что, с одной стороны, было невыносимо больно уходить из Балабино и терять людей, которых мы с таким трудом привлекли. С другой – это было здорово.

И если отбросить мелочи, то в целом – я занимаюсь тем, что учу людей. Я ищу лучших педагогов и администраторов для того, чтобы люди наконец-то исполнили свою мечту заговорить, скажем, на итальянском, а ребенок к семи годам знал два-три языка. И я буду заниматься этим всегда, даже нелегально и даже если мне никто за это не заплатит.

Вот на стене у меня висит Life Calendar с неделями-квадратиками жизни. Девяносто лет. И все, что у нас есть в текущей реализации – вот эти квадратики. Сегодня, завтра и послезавтра, через десять и через сто лет, я хочу строить и создавать систему преподавания языков, которая будет развиваться без меня. Мое дело должно меня пережить. Моя цель – больше, чем квадратики. И то, что я отпустила за неимением денег и сил, возрождается и живет. Само. Новая школа – это не Англomania. Но мои экс-сотрудники – хорошие педагоги. И они готовятся к урокам. Что касается управления школой, им еще предстоит этот ад.

Эти мысли учили меня принять ситуацию и пожелать моим бывшим коллегам удачи. И сил. И железных нервов. Я отказалась от планов им мешать, хотя мой мозг бушевал и хотел уничтожить их школу до основания.

Я напомнила себе о том, что эта школа, как бы сильно и эмоционально я к ней не привязалась, не мой ребенок, не живой человек. Это всего-навсего бизнес-модель, которая может сработать, а может и не сработать. И у нее был свой срок годности, а у меня был свой интерес к ней, который прошел.

Да и что такое, эта школа? Всего-навсего маленькая точка, одна-единственная реализованная идея, *один* пункт из списка. Это всего-то сто четыре квадрата на календаре жизни. Сто четыре безумных недели, которые я не променяю ни на что в жизни.

Я думала о закрытой школе постоянно. Утро в моем доме чаще всего начиналось с того, что я брела на кухню в сопровождении маленькой белоснежной кошечки, которую подарили мне ребята из рекламного агентства. Я читала страницы из Нассима Талеба про антихрупкость и уверенность в себе и своих силах. Талеб помогал мне держаться на ногах. Минут через двадцать я открывала холодильник. Смешивала в

большой миске ингредиенты: деревенские яйца, маленькие кусочки сыра халуми, рваные фиолетовые листики базилика, иногда кусочки овощей или куриной грудки. Я улыбалась и напевала про себя что-то томное, практически претендуя на голос Lana del Rey: baby I want you, boy, not allowed to, пока сковородка раскалялась. Смазывала ее греческим оливковым маслом.

Маленькая котеечка внимательно наблюдала за сковородкой и тарелкой, в которую перемещалась яичница. Я задумчиво жевала и не заметила, как маленькая сырная крошка упала на пол. Малявка быстро подбежала и забрала крошку себе: играть лапкой, лизнуть, а потом, может быть, съесть.

Эта крошка на полу, она мне больше не нужна. Да, в каком-то смысле я заработала на этот сыр, и он – мой, и это честные деньги. Но мне бы и в голову не пришло броситься и избить кошку. Она ничего не украла, и я ее люблю. Она просто взяла поиграть крошечку, которая у меня была. К тому же, у меня полная тарелка еды, а у нее – только крошечка.

В какой-то момент я поняла, что то же самое я чувствую по отношению к бывшей школе в Балабино. Пускай они там себе работают. Это же крошечка. Они крадут мои идеи и видение бизнеса. И это делает меня только лучше. Бедные люди крадут, потому что не могут придумать что-то свое.

Так вот, может быть, я намеренно преувеличивала значение вещей? Зачем я сожалела о крошке, имея в руках полную тарелку, а за спиной – набитый холодильник? Ведь школа по большей части – это одна реализованная идея, а сколько их еще у меня в голове. Я учила себя успокаиваться. Я пошла дальше.

Я много слушала медитации. Больше всего я люблю guided meditation, когда нужно самому выбрать тему. Когда я дошла до раздела Generosity, он, удивительным образом, оказался для меня самым сложным.

Нужно закрыть глаза, погрузиться в глубокий транс с помощью дыхания и представить, что у тебя есть все, о чем ты мечтаешь. Отношения, люди, машины, дома, финансовое благополучие и прекрасная фигура. Словом, все, чего бы ты хотел для себя – материальное и духовное. Так вот, первые десять дней ты представляешь себе все это и радуешься. В следующие десять нужно выбрать любого человека из своего окружения, близкого и любимого, и представить, что отдаешь ему все эти богатства. Оказывается, это просто невыносимо! Мы не хотим поделиться даже тем, чего у нас нет. Что же говорить о том, что у нас есть!

Сознание запуталось и хочет урвать себе побольше, оно не хочет ничего отдавать другим. Даже если речь идет о воображаемой машине, а перед твоим мысленным взором стоит лучший друг.

И, наверное, самый высокий уровень – уметь поделиться, пусть даже мысленно, лучшим, что у тебя есть.

Да, я поделилась школой в Балабино. Я отдала ее другим. И самое главное – осознать, что это – такая маленькая часть, что волноваться о ее утрате вообще нет смысла. Нужно делать новое.

Время уходит. Когда я смотрела на таймер в своем планшете, или на панели духовки, в которой запекалась груша, я видела как секунды тают одна за другой. Тогда мне начинало казаться, что в жизни, как в каком-то фильме, – остается всего пару минут для того, чтобы совершить что-то невероятное и спасти мир.

При этом я видела, как размеренно живут люди, как они «плывут по течению» и им, в общем-то, ничего не нужно. И тогда самое главное – не судить, а попытаться заразить других этим вирусом, помахав у них перед носом плакатом: «Ребята, жить – *круто*, по-настоящему круто, вы знаете?!» Иногда мне казалось, что это – бессмысленное занятие, но потом все же кто-то подтягивался.

Я видела свое предназначение в том, чтобы махать вот этим плакатом и жить по полной. Я хотела использовать каждый момент жизни, каждую, пусть даже самую незначительную и маленькую возможность для того, чтобы праздновать тот факт, что мы живы.

Я пришла в школу и увидела банку с укропом. Один из преподавателей поставил ее на видном месте, потому что «укроп должен пить».

Абсурдность этой ситуации стала последней каплей! Мысленно я уже схватила банку, и со всей дури разбила об стенку.... Стоп, нет! Я выдохнула и закрыла глаза.

Мне двадцать пять с половиной лет, я сидела злая, как сто чертей, в безвыходном, мучительном тупике. Мне было холодно, жарко, душно, бессильно. Мой очередной администратор исчез и не выходил на связь, и хорошо еще, что он хоть не украл единственные пять тысяч рублей, заработанные в этом месяце.

Мои доходы – слишком низкие. Но об этом не напишешь в Фейсбуке. Нельзя просто так взять и написать. Люди хотят видеть меня успешной. «Большая американская мечта» в России – девочка, у которой все получается, несмотря на то, что у нее нет богатого любовника или папочки.

Лучший преподаватель школы за пять минут до начала урока закрыл двери класса, сел передо мной и сказал: «Посмотрите, как вы

опустились. Каким человеком Вы были год или полгода назад и каким стали сейчас... Из веселой оптимистки, которая шутила и была готова на все, верила в людей, вы превратились во властную и агрессивную. Вы напоминаете мне моего отца, который создал бизнес и деградировал. Я увольняюсь». И ушла работать на фриланс, прихватив с собой десяток учеников. Я устало съехала ниже по креслу. Кажется, весь мир отговаривал меня открываться здесь. Со всех сторон я слышала мое «любимое»: «Подождите до лучших времен». Лучшие времена – сегодня! Пикассо писал, что откладывать на завтра нужно лишь то, что не хочешь завершить до самой смерти. Поэтому я хотела спешить, чтобы успеть все, что дает возможность чувствовать себя живой. И школа на Маяковской именно такая. Москва бурлила и заряжала, никого не жалела, и давила невероятно: будь лучшим или убирайся в тартарары. Москва помогала мне делать Княжино лучше. Я проезжала всего 40 километров, но иногда казалось, что переносилась на пару лет вперед. Днем я учила, звонила ученикам, делала рекламу, а по ночам ходила в круглосуточный книжный возле дома. Иногда мне снилось, что 100 000 ключевых слов в «Яндекс. Директ» и первые места во всех поисковиках – уже наши. А еще, плазменная панель размером с небоскреб и настоящий преподаватель-француз. Ученики потихоньку прибавлялись, и с каждой счастливой улыбкой я понимала, что работаем мы не зря. Я провожала последних учеников (хотелось броситься им на шею с криком «Спасибо!») и громко говорила самой себе и педагогам: «Кто молодец? Мы – молодцы!» А потом сидела в пустой школе и думала, что работа в Москве – совсем другая история. Все, что мы с успехом делали для Княжино вот уже девять месяцев, дает мизерные результаты здесь. Ученики есть, но мало... В Княжино из пяти человек четверо покупали наши услуги и радовались. Здесь из десяти обещавших прийти на уроки приходил хорошо, если один человек. При том, что у нас – крутые педагоги, локация в центре города и очень удобное расписание. Люди прибавлялись, но медленно. Что им *еще* нужно, ума не приложу! И зачем они врут?! «Я приду завтра...», – а потом, ни слова, и мы с педагогом и админом сидели и смотрели в потолок. Что делать, когда вокруг тебя все сдаются? Просто идти дальше. Когда я увольняла первого директора, она сказала мне: «У вас все будет хорошо, со мной или без меня». Спасибо ей. Все. Будет. Для поддержания боевого духа я сделала себе табличку «1 000 способов» и вписывала в нее все известные мне виды рекламы и продвижения школы, с утра до ночи выискивая что-то новое. Мы

обязательно найдем учеников. А они – нас. Главное – перетерпеть это время, и убрать с пути всех, кто в тебя не верит или мешает по нему двигаться. Нельзя нанимать слабых. И нельзя их слушать.

Я решила сменить обстановку, взяла ноутбук и улетела на несколько дней на Кипр. В Пафосе мне встретился киприот, который владел рестораном-таверной. Я рассказала ему о своей мечте открыть ресторан и попросила показать, как работать в баре. Бармен из меня никудышный. Я пыталась разливать алкоголь и проливала половину на стойку. Оказалось, что я не в силах даже удержать бутылку в руках. А хозяин таверны начал рассказывать мне о том, как тяжело иметь свое дело. За пятнадцать лет он взял только три дня отпуска. Его лучший повар бросал его в самый ответственный момент, а официанты не выходили на работу. Он – раб своего дела, которое любит больше всего на свете. И чувствует себя скованным по рукам и ногам. Я с нескрываемым раздражением слушала его жалобы, кивала головой, а потом с удивлением узнала в нем себя.

Я очень любила рассказать о своих страданиях и жаловаться всем подряд. Я была готова делать это с утра до ночи, убедительно разъясняя окружающим, почему мне сложно делать бизнес. Я могла напоказ зевать и рисовать себе воображаемые круги под глазами. Я даже была готова в деталях рассказывать о своих болезнях, переутомлении и бессонных ночах только, чтобы доказать, как много я работаю.

Спустя какое-то время я с удивлением поняла, что эта демонстрация предназначалась не для окружающих людей (хотя я старалась прийти на пять минут раньше всех, чтобы поныть о том, как много сегодня придется работать). Нет, я делаю это *для себя*, чтобы показать, что, на самом деле, я препринимаю все возможное и разумно использую отведенное мне на Земле время. Я – не простой смертный, я – сверхчеловек. Только если для других эту видимость создать несложно (просто приходи пораньше и уходи попозже, да озвучивай список дел и возможных препятствий на пути их реализации), то для себя самой – крайне проблематично. Внутри нас находится критик, которого так просто не проведешь. На самом деле, для того, чтобы выспаться, достаточно пяти часов, и спать по восемь часов – абсурд, если тебе не хочется этого делать. Поэтому закатывать глаза и говорить: «В кои-то веки удалось поспать восемь часов!» ты можешь перед кем угодно, но только не перед самим собой. Попытка обмануть себя и прикрыть бездействие обилием суетных, бессмысленных поступков – это страх

перед настоящим действием. Имитируя занятость, ты пытаешься заполнить суетой пустоту.

Бояться перемен глупо – они все равно наступят. И они всегда к лучшему. На третьем году развития компаний наступает кризис, который уносит жизни 95% из них, как бы радостно они не начинались. У меня не было ни малейшего желания останавливаться. Мы только начали. С июля у нас – новые программы и интенсив, который я готовила уже полгода.

Я поняла, что единственный способ добиться значительного прогресса – подчинить Музу жесткой дисциплине. Заставить себя создавать, даже если ничего не хочешь. Садиться за стол и писать по расписанию, даже если в голове нет ни единой строчки.

«Ничего не хотеть» – это обманчивое, лживое состояние, это игры ума. Начиная создавать,ходишь во вкус – аппетит приходит во время еды. Вдохновение должно найти тебя во время работы – Пикассо знал, о чем говорил. Думаю, половина его работ, которые сейчас стоят миллионы, была для него самого мусором. Он ими не гордился. Он тоже искал.

Много лет подряд я читаю и слышу, как нужно любить себя, жалеть и бесконечно брать на ручки и гладить по головке. Я смею сказать, что жалость к себе не должна стать синонимом любви. Иногда любить – это заставлять себя делать.

В конце концов, не важно, как сильно ты можешь бить. Мир велик – в нем полно бойцов лучше тебя. И он – безжалостен, завтра про тебя забудут и заменят. Важно другое: сколько раз, упав, ты будешь подниматься. Пора начинать с самого, самого, самого начала.

И тут на Англomанию снова пожаловались. Hit me, baby, one more time!. Сотрудница не прошла испытательный срок, и я уволила ее без премий, с минимальным окладом. Она обратилась к юристам. Мне прислали претензию и предложили заплатить шестизначную сумму за то, чтобы эта жалоба не отправилась по инстанциям.

Я отказалась давать взятку (или это называется откуп?), и через неделю мне прислали четыре чека по пятьдесят рублей в подтверждение того факта, что письма отправлены по назначению. Доблестная почта России наверняка работала над этим всю неделю, так что я села ждать «гостей»: трудовую, налоговую, ФМС и миграционную службу.

За время развития человечества наш организм привык выживать. И поэтому мозг постоянно готовится к тому, что в любой момент

прилетит Черный Лебедь, так пишет Нассим Талеб (а по-простому – наступит *опа). Я сидела в ресторане у друзей и задумчиво нарезала филе тунца на тысячу кусочков, имитируя интерес к рассказу о чье-то рухнувшей личной жизни. А в этот момент внутри черепной коробки миндалевидное тело дергалось и визжало: «*Ччеделатьтобудееем!*» Мозг привык постоянно ждать какую-то подставу. Он не может иначе. Он уже тысячи лет это делает. По большей части – без повода. Поэтому я боюсь гораздо больше, чем нужно. Если ты – предприниматель, мозг мечется в два раза быстрее, пытаюсь представить себе наихудший вариант событий («по миру пойдем, закроют нас, все плохо!»).

Когда знаешь, что это – нормально, можешь доесть тунца, выдохнуть и – обратно, на баррикады. Я борюсь с собственным сознанием, с ощущением, что у меня не получится. Каждый день. Мне не делается легче, но становится понятно, что делать.

Я учусь переключаться с невыносимых ситуаций, читаю книги о людях, которые общаются с террористами и теми, кто оказался на грани суицида. И первое, что нужно в такой ситуации сделать – вывести человека из тягостного состояния, то есть сделать что-то абсолютно противоположное самоуничтожению: шутить, петь, прыгать. Это помогает переключиться. И не дает сойти с ума.

Я заметила, что если делаешь что-то важное, из тебя часто лезет что-то совсем нехорошее. И чем больше я строю и развиваю школы, тем чаще я встречаюсь с проявлениями собственной же неадекватности. Когда-то я была тихой и застенчивой девочкой, путешествовала по миру и мечтала уехать из России. Когда я открыла свое дело, я стала наглее и жестче, и у меня появились первые успехи. Но вместе с ними возникли и побочные эффекты: приступы паники, агрессии и апатии. Я вижу выход только в постоянном поиске способов переключиться. Жизненно важно научиться выводить себя из этих состояний самому. Тренировки шесть раз в неделю – отлично, но иногда и этого мало. Дурь лезет, мозг взрывается. Поэтому я нахожу правильного тренера и прошу его выбивать из меня все лишнее. Я пишу каждый день как минимум один текст, учусь выплескивать на бумагу злость и ярость. Мое практически незаконченное образование йога-преподавателя тоже помогает. Иногда мне нужно тридцать секунд, чтобы прийти в себя, иногда – день. Но самое главное, что я понимаю сейчас, после всего пережитого, что состояние падения и агрессии проходит. Они – не больше, чем игры разума. Разум может заводить нас в очень темные места, но оттуда всегда есть выход, и он найдется. Все в порядке. Утром я открываю глаза и тянусь к книжке, которая лежит справа от подушки, читаю пару глав про лохов и не-лохов: «Лохи пытаются

победить в споре; не-лохи пытаются просто победить. Другими словами: проигрывать в спорах – хорошо»

Прибегаю в школу на первое занятие с газетой, кофе (10-й бесплатно в кафе возле дома) и миской овсянки с арахисовым маслом в руках, поправляю орхидеи и включаю плейлист из La Belle Musique, которым я живу последнее время.

Когда у меня пропала Аня и пришли новые администраторы, я открыла для себя путь спасения – я снова много учу. Разных людей. Чем больше, тем лучше. Предпринимателей, студентов, топ-менеджеров, финансистов и мечтателей. Туроператоров и hr-менеджеров. Учу полиграфистов и студентов – будущих спецов по спортивному менеджменту. Расписываю бизнес-процессы, исправляю, кайфую. Внутри меня произошла революция, которую не описать просто так. Раньше я слишком много думала об учебнике и деньгах. Дойти до конца уровня – вот значимая цель, а теперь... Теперь я думаю о том, что если это *последний* мой день и *последний* урок? Я стараюсь поставить конкретную цель для каждого занятия, чтобы человек ушел с полезными новыми знаниями. Какая разница, какой у него уровень? Мы ставим простую цель и достигаем ее. Затем еще и еще одну. Ученик должен уйти счастливее, чем пришел. Несчастный ученик – плохой урок. Я хочу слышать смех на занятиях.

Эпилог

Мы живем в эпоху «успешного успеха», которой нужно имитировать в соцсетях. Делать бизнес, чтобы изменить мир к лучшему и открывать рабочие места? Глупости. Это побочный эффект, но не цель. Мир проживет и без меня. Я хочу изменить себя и рассказать об этом честно, не прилизывая свою собственную историю. И научиться любить людей не потому, что мне что-то за это дадут, а просто так. Отдавать, не ожидая получить взамен.

Мне двадцать пять лет. И у меня есть два варианта: бороться за этот мозг и тело, совершенствовать их, расти, или смириться с тем, что они начнут стареть и тупеть. Я хочу стать лучшей версией себя. Быть умнее, сильнее, быстрее. Достичь максимума, на который способны мой ум и мое тело за свою жизнь.

Сейчас у меня две школы, и в октябре стартовал новый «Жесткий курс английского». Я снова много учу людей и люблю их. По ощущениям это – как начать все заново.

Мои проблемы сейчас в пять раз серьезнее, чем были год назад, но они не пугают. И я знаю, что никогда не буду жить как человек, у которого всего две школы, потому что их было шесть.

Моя история о том, что как бы тяжело ни было, периоды спада нужны нам, чтобы стать катализатором для развития. Позади были темные и тяжелые времена, но я не откажусь ни от одного дня.

Жизнь продолжается и я чувствую невероятную благодарность за все мое прошлое и настоящее. Я научилась ценить ту точку, в которой сейчас нахожусь. Американка Джулия Кэмерон писала в своей книге «Путь художника»: «Именно тогда, когда будущее казалось слишком ужасающим, чтобы вглядываться в него, а прошлое – слишком мучительным, чтобы о нем вспоминать, я выработала способность быть внимательной к настоящему. Только в протекающем мгновении я чувствовала себя в безопасности. По отдельности каждый миг всегда был терпим. В каждый такой миг у всех все всегда хорошо. Вчера мог распасться брак. Завтра может сдохнуть кошка. Долгожданный звонок от любимого может так и не раздаться. Но в данное мгновение, именно сию секунду, все хорошо. Я вдыхаю и выдыхаю. Осознав это, я начала замечать красоту каждого мига».

Как-то по дороге домой я встретила девочек-студенток возле университета, в котором училась. Я шла с мешком апельсинов из любимого дорогущего супермаркета, недовольная тем, что так мало успела в тот день сделать. И вдруг, столкнувшись с ними, как будто посмотрела в глаза самой себе и поняла: четыре года назад я и представить себе не могла, что буду жить в квартире в центре Москвы, ездить на машине, на которую сама себе заработала и буду выжимать сок из апельсинов по утрам. Сама для себя я стала человеком, о котором мечтала. И тут же придумала новый образ себя, так и не научившись наслаждаться достигнутым.

Если бы год назад мне выдали листочек бумаги с записанными на нем решениями моих проблем, я бы не приняла их, просто не вынесла. Я даже не смогла бы принять людей, которых люблю сейчас.

Нашему сознанию нужно время, чтобы найти ответ на вопрос, который нас мучает и гложет, и этот ответ уже существует. Люди, которые нам нужны, тоже уже есть на этом свете. Только мы не всегда готовы встретить их и принять ответы, которые ждем.

Люди спрашивали меня: «Вы не боитесь открывать в кризис три школы? Жить без опоры на сильное плечо? Расплачиваться со всеми долгами?» Я не боюсь. Я боюсь проснуться в семьдесят пять лет и понять, что жизнь заканчивается, а я толком не жила. Я боюсь проснуться рядом с нелюбимым человеком. Я боюсь, что буду бегать от своих проблем и страхов всю жизнь, вместо того, чтобы встретиться с ними лицом к лицу.

Я боюсь, что начну придумывать себе сотню гладких оправданий, почему я не... Я боюсь вечно бороться и забывать играть в жизнь с

упоением, как в детстве. Я боюсь бедной старости, боюсь быть бессмысленной и от того несчастливой. Если моя история поможет хотя бы одному человеку не сдаваться, идти вперед, держать выше голову – значит, я не зря живу. Моя задача на земле в том, чтобы у людей горели глаза.
Я остаюсь.